

Юрий КРОХИН



Пьер Делоне,
предок Вадима

ДУШИ ВЫСОКАЯ СВОБОДА



Борис Петрович Делоне,
прапрадед Вадима



Борис Делоне,
дед Вадима



Николай Борисович Делоне,
отец Вадима



Вадим Делоне,
Москва

И показал мне чистую реку воды жизни,
светлую, как кристалл, исходящую от
престола Бога и Агнца.

Откр., 22-1

Из материалов уголовного дела № 270

Анкета арестованного.

Гр. ДЕЛОНЕ Вадим Николаевич. Год рождения 1947, 22 декабря. Уроженец г. Москвы. Русский. Без определенных занятий. Адрес: Москва, Пятницкая улица, дом 12, кв.5.

Словесный портрет.

Рост: высокий (171-180 см). Фигура: полная. Плечи: опущенные. Шея: длинная. Цвет волос: темнорусые. Цвет глаз: карие. Лицо: круглое. Особые приметы: шрам в правой подвздошной области.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О задержании в порядке ст.122 УПК РСФСР

25 января 1967 г.

Старший следователь Прокуратуры г. Москвы младший советник юстиции Акимова, рассмотрев материалы уголовного дела № 54706-с, установил:

22 января 1967 года гр. Делоне В.Н. на площади Пушкина принял активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок, оказал сопротивление дружинникам. В настоящее время для выяснения обстоятельств по делу необходимо задержать гр-на Делоне В.Н. На основании изложенного, руководствуясь ст.122 УПК РСФСР постановил:

1. Гр-на Делоне Вадима Николаевича, 1947 г.р., уроженца г. Москвы, русского, беспартийного, не судимого, без определенных занятий, прожив. г.Москва, Пятницкая ул., д.12 кв.5 - задержать и содержать его в следственном изоляторе КГБ при СМ СССР.

2. О задержании гр. Делоне В.Н. сообщить прокурору г. Москвы.

Ст.следователь Прокуратуры г.Москвы мл.советник юстиции АКИМОВА

Из материалов уголовного дела № 41074/56-68с

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о возбуждении уголовного дела

Старший следователь следственного управления УООП Мосгорисполкома Стрельцов, рассмотрев материал по факту организации и активного участия в групповых действиях, нарушающих общественный порядок, граждан Литвинова, Богораз, Делоне и других, имевшему место в 12 часов 25 августа 1968 года в г.Москве, на Красной площади, и усматривая наличие признаков преступления, руководствуясь ст.ст. 108 и 112, 126-129 УПК РСФСР,

Постановил:

Возбудить уголовное дело по признакам преступления, предусмотренным статьей 190-3 УК РСФСР и приступить к производству следствия.

ОТ АВТОРА

Есть практически у каждого из нас, бывших граждан бывшего Союза, огромный долг, о котором или не догадываемся, или предпочитаем не вспоминать. Я имею в виду долг совести перед теми людьми, чьим нравственным императивом было жить не по лжи. Когда сегодня без особых затруднений вы можете отправиться за границу - отдохнуть или покинуть навсегда нелюбезное наше Отечество, когда все поголовно забыли позорище очередей и тотальный дефицит, когда не осталось уж, кажется, такого, что нельзя было бы произнести вслух, прочитать, увидеть или услышать оттого, что запрещено вождями, - не грех вспомнить тех, кто боролся за эту свободу, немудрящую свободу выбора.

Не стану сравнивать прошлое и настоящее, анализировать состояние сегодняшнего общества, - это другая совсем тема. Просто давайте склоним головы перед малочисленной когортой решившихся противостоять тоталитаризму. Их именовали диссидентами, инакомыслящими, правозащитниками - последнее определение, мне представляется, предпочтительнее.

Некоторые из них, как Анатолий Марченко и Юрий Галансков, погибли в лагерях. Некоторые, как Анатолий Якобсон и Илья Габай, покончили с собой. Некоторые, как Петр Григоренко и Вадим Делоне, умерли на чужбине. Некоторые, слава Богу, живы, и им говорят: "Пока вы отсиживались на нарах, мы готовили перестройку" (свидетельство Феликса Светова).

Этой книжкой о Вадиме Делоне хочу вернуть хоть частичку общего долга, и если - надеюсь - ее будут читать, значит, своей цели я добился.

Рассказывая историю жизни Вадима Делоне, трудно обойтись без высокопарных слов "герой", "рыцарь без страха и упрека". Но попробуем их избежать. Во-первых, потому, что плохи дела в стране, где требуются герои, - есть такая аксиома. Но дела и в самом деле были плохи. Во-вторых, потому, что, прежде всего, он был поэтом, и это отчасти объясняет его мысли и поступки. Многие из правозащитников, друзей Вадима, писали стихи. И к нему, Вадиму, можно отнести строки Ильи Габая:

*Но я хотел бы, чтобы боль чужая
Жила во мне щемящей сердце болью.*

И у Вадима были, говоря словами Юрия Галанскова, "справедливости окровавленные уста". Увы, не всегда выходил он победителем из поединков со следователями. Но кто вправе бросить ему укор?

Я не был знаком с Вадимом Делоне, хотя имя его было неким паролем в нашей студенческой компании в середине 60-х. Он да Владимир Буковский были окутаны дымкой легенд. Потом это имя для меня надолго пропало, а вновь всплыло, когда я занялся биографией Леонида Губанова. Ему, другу юности, Вадим посвятил стихи, начинавшиеся словами:

*Пусть каналы рвут камелии,-
И в канаве мы перестим.
Наши песенки не допели мы -
Из Лефортова прохритим.*

Несколько лет назад в Библиотеке иностранной литературы был устроен вечер памяти Вадима Делоне. Народу собралось множество, зал с трудом вместил всех пришедших. Я узнал Александра Гинзбурга, Ларису Богораз, Елену Копелеву, Феликса Светова, Владимира Батшева. Приехала из Парижа и вдова Вадима Ирина, но с ней я познакомился гораздо позже. Вел вечер Юлий Ким. После положенных слов в динамиках зазвучал голос Вадима, грассируя, с нажимом он читал свои стихи. И стихи, и лицо его - он и на фотографии был невыразимо красив - произвели впечатление. Вскоре я сделал радиопередачу, о Вадиме рассказывал Владимир Бережков, опять, уже на всю страну, прозвучали его стихи.

А позднее мне пришла в голову сумасбродная мысль: снять цикл телевизионных передач, который бы назывался “Дети подземелья”. Хотелось, чтобы люди узнали о Вадиме Делоне, Леониде Губанове, Александре Величанском, Николае Шатрове, Игоре Ворошилове и других, кто представлял, так сказать, неофициальную культуру в советские времена и чье творчество оставалось почти неизвестным.

В объединении “Лад” Российского телевидения, как ни странно, идея пришлась по вкусу, правда, мне сразу же прямо заявили, что эфирного времени нет, можно попробовать снять 3-5-минутные сюжетики. Сильно поколебавшись, я все же согласился. Люся Бережкова, узнав о моем проекте, сказала: “Как ты сумел это пробить? Ведь это же никому сейчас не интересно!”

Я носился по Москве как угорелый - добывал фотографии, фонограммы, писал сценарий, искал объекты съемок. Первый сюжет вышел в эфир в ноябре 96-го, он был посвящен Л.Губанову. Посмотрев его, понял, что ничего из задуманного сказать не сумел. Но, поддавшись уговорам, взялся за второй - о Вадиме. 26 января 97-го он промелькнул на экранах, и я ужаснулся. Пропало все - рассказ Ю.Кима, хороший и эмоциональный в целом виде, был урезан и мало что сказал о Вадиме. Непонятно было - почему стихи, он что, стихи писал? Ни слова о его происхождении, истории жизни и творчестве. Оставалось горько винить себя. Потом с той же заявкой я ходил к разным телевизионным начальникам, к тем, кто, по моим представлениям, мог оценить замысел и ухватиться за него. Увы, это и в самом деле сегодня никому не нужно.

К тому времени были уже написаны первые страницы этой книги. Она стремительно обрастала материалом. Строчка Анны Ахматовой стала ее названием; слова «Души высокая свобода» абсолютно точно выражали суть жизни и деятельности правозащитников, которые в тюрьмах и лагерях оставались свободными людьми. Я встречался с друзьями и родственниками Вадима, переснимал фотографии, делал ксерокопии публикаций, переводил тексты статей и интервью Вадима в зарубежной прессе. Но тут случился разговор с писателем Виталием Шенталинским, автором интереснейшей книги “Рабы свободы”, который посоветовал мне обратиться в архивы КГБ и найти следственное дело Вадима. Забегая вперед, скажу, что ценой значительных усилий с делом ознакомиться удалось; возник громадный массив неизвестных прежде документов, бесценной информации, пренебречь которой я никак не мог: материалы архивного дела (особенности их языка сохранены) буквально потрясли меня. Эту историю поведаю чуть позже - она того достойна.

Когда рукопись была уже почти готова, я попал в Париж, и увиденное и услышанное там существенно дополнило мои представления о Вадиме и его друзьях, заставило в очередной раз переписывать текст. Появилось даже опасение, что книга так никогда и не будет завершена. Но когда-то нужно ставить точку!

Июль 1998

Глава 1. СОБЛЮДАЙТЕ КОНСТИТУЦИЮ!

*Немногие для вечности живут,
Но если ты мгновенным озабочен -
Твой жребий страшен
и твой дом непрочен.
Осип Мандельштам*

Считается, что правозащитное движение в Советском Союзе началось 5 декабря 1965 года демонстрацией на Пушкинской площади. Устроить ее предложил математик Александр Есенин-Вольпин. Ему же принадлежал текст “Гражданского обращения”, которое распространяли в виде листовки. “Обращение” начиналось словами: “Несколько месяцев назад органами КГБ были арестованы два гражданина: писатели А. Синявский и Ю. Даниэль.” Демонстранты вышли на площадь с лозунгом: “Соблюдайте собственную конституцию!” А Юрий Галансков успел крикнуть собравшимся: “Граждане свободной России!..” - и тут же был схвачен. Незадолго до этого госбезопасность провела превентивные аресты - за решетку упекли Владимира Буковского, Юлию Вишневскую и Леонида Губанова. Навыков конспирации у вольнодумцев еще не было или кто-то их “заложил” - не суть важно. Событие получило громкую огласку - пресса свободного мира тут же сообщила об акции протеста на Пушкинской и об аресте молодых диссидентов.

“Что же произошло тридцать лет назад в Москве у памятника поэту? - вспоминала Юлия Вишневская. - Группа лиц осознала себя гражданами и потребовала у тоталитарного режима перестать быть тоталитарным, что вообще великая наша Держава не смеет вытворять с нами все, что ей взбрдет в голову.”

Демонстрация 5 декабря 65-го создала прецедент, и с тех пор в этот день гебисты и их подручные объявляли повышенную готовность: открыто “пасли” правозащитников, учиняли обыски и аресты. Но многим, похоже, запали в душу слова “Гражданского обращения”: “Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия вовремя не остановленного произвола”.

Заметим, что правозащитное движение оценивают по-разному, расходясь даже в определениях. Петр Вайль и Александр Генис, например, утверждают: “Термин “инакомыслие” неточен, потому что самым существенным в диссидентстве было инакостовие. То есть, в конечном счете - противопоставление общепринятому языку и стилю своего стиля и своего языка. С этим прежде всего связаны победы и поражения диссидентства - не конкретные и разовые, а глубинные и долговременные. В тех случаях, когда движение протеста принимало язык и стиль противника - оно проигрывало. Когда разрабатывало свои оригинальные методы - имело успех”.

2 декабря 66-го Вадим зашел к В. Буковскому. Тот рассказал ему о готовящейся демонстрации и за выяснением деталей послал к Ю. Галанскову.

“Я долго стучал в дверь, - показал Вадим на допросе в Лефортове, - мне открыла Вера Лашкова, она думала - облава. На столе лежала пачка отпечатанных на пишущей машинке бумаг. Я спросил, что намечается. Она ответила: “митинг молчания, подготовлены листовки”, и тут же дала мне штук 15, озаглавленных “Гражданское обращение”. Я прочитал текст. Вера спросила, нравится ли мне содержание. Я ответил утвердительно. Вера сообщила, что осталось мало времени, она не уверена, смогут ли они распространить листовки, и возьму ли я их для распространения. Я согласился.

После этого я поехал к своему деду Б. Н. Делоне, чтобы взять у него адреса сотрудников АН СССР и передать их Галанскову“.

А на очной ставке с Павлом Радзиевским 5 апреля 67-го Вадим рассказал, как встретился 5 декабря на площади Восстания с Якиром, Габаем и другими, раздал им “Гражданское обращение”, после чего все вместе отправились в Дом кино срывать вывешенный там портрет Сталина. После митинга молчания пошли к знакомому Габая на Пушкинскую улицу. Но там, сказал Вадим, я изрядно выпил и дальнейшие события смутно помню.

Впрочем, для допрашивавших не было почти ничего, что бы о нем и его знакомых не знали. Он и рассказывал, не скрывая очевидного, но аккуратно стараясь выгородить друзей. Он признал, что 5 декабря к шести часам поехал на Пушкинскую. По дороге на улице Горького встретил Виктора Некрасова, вместе с которым и пришел на площадь. Виктор Платонович поинтересовался, что здесь состоится, Вадим ответил - будет митинг молчания. Вечер был морозный, и Некрасов вскоре предложил зайти погреться в магазин. Пропустив по маленькой, они вернулись на площадь, где было уже многолюдно, но, как утверждал Вадим, никаких лозунгов и выступлений. Не припомнил он и тех, кого видел на площади.

Потом Некрасова пригласили в компанию, с ним двинулся и Вадим. В незнакомой квартире Виктор Платонович с Вадимом ушли в одну из комнат и толковали о литературе. Так выглядят события в изложении Вадима. Некрасов много позже описывал их весьма похоже...

В ту пору Вадиму не исполнилось и девятнадцати. Он вел жизнь бурную и общительную. Весной в день смерти Пастернака был на его могиле с Юлией Вишневской. Несколько позже познакомился с Владимиром Буковским, Юрием Галансковым, Александром Гинзбургом. В ту же пору сдружился с Верой Лашковой, Владимиром Батшевым и другими смогистами. Конечно, говорили и спорили они не только о поэзии, и довольно наивно звучит утверждение Вадима: “Об антисоветской деятельности Галанскова, Гинзбурга, Лашковой и Добровольского мне ничего не известно”. Понятно - кодекс чести, друзей не выдают. Он и не выдал. Соколам ГБ и так все было известно. Важно было арестованных хоть чуть замарать в глазах поделщиков, хоть как-нибудь инсценировать раскаяние...

Из материалов уголовного дела № 270

Протокол обыска

25 января 1967 г.

г.Москва

Старший следователь прокуратуры г.Москвы Тарасов на основании постановления от 25.01.67 произвел обыск у гр-на Делоне В.Н. по Пятницкой ул., 12, кв.5. При обыске присутствовал Делоне В.Н.

Перед обыском гр.Делоне В.Н. было предложено указать местонахождение отыскиваемого и добровольно выдать документы, записи, стихи, на что он заявил: стихи, записи в ящиках письменного стола.

Произведенным обыском было обнаружено:

1. Листы бумаги с машинописным текстом - стихи и проза, 37 листов
2. Копировальная бумага
3. Книга Б.Пастернака на английском языке, изданная в Нью-Йорке в 1959 г.
4. Тетради со стихами и др.записями - 6 тетрадей.
5. Листки бумаги с рукописным текстом - 23 листа
6. Листы белой бумаги с рукописным и машинописным текстом - 18 листов.
7. Комсомольский билет на имя Делоне В.Н. и книга Жюль Пейо "Воспитание воли", изданная в 1903 году в Петербурге.

Протокол зачитан. Описано правильно. Ст.следователь Тарасов. Копию протокола получил - В. Делоне.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о привлечении в качестве обвиняемого

6 марта 1967 г.

Старший следователь прокуратуры г. Москвы младший советник юстиции Акимова, рассмотрев материалы дела об активном участии в групповых действиях, грубо нарушивших общественный порядок и принимая во внимание, что по делу собраны достаточные доказательства, дающие основание для предъявления обвинения Делоне В.Н. в том, что он, будучи знаком с Добровольским А. А., Лашковой В. И., и другими арестованными и привлеченными к уголовной ответственности по ст.70 УК РСФСР, с целью их освобождения, в нарушение установленного порядка обращения по данному вопросу в соответствующие органы, встал на путь незаконного выражения этих требований и несогласия со ст.ст. 70 и 190 (1-3) УК РСФСР, для чего 22 января 67 г. в 18 часов в г. Москве на пл. Пушкина совместно с Хаустовым В.А., Буковским В. К., Кушевым Е. И., Габаем И. Я. и другими неустановленными лицами принял активное участие в групповых действиях, грубо нарушивших общественный порядок. Несмотря на предложение разойтись, продолжал оставаться на площади до его задержания, т.е. совершил преступление, предусмотренное ст.190-3 УК РСФСР. Руководствуясь статьями 143 и 144 УПК РСФСР постановил:

Привлечь Делоне В. Н. в качестве обвиняемого по настоящему делу, предъявив ему обвинение в преступлении, предусмотренном ст.190-3 УК РСФСР.

Старший следователь АКимова

* * *

Из материалов дела всплыл любопытный эпизод. Летом 65-го года Вадим познакомился с женщиной по имени Эмма. Фамилию Махмуд-Акимова (или что-то в этом роде) она унаследовала от мужа, то ли араба, то ли иранца, - этого Вадим так и не узнал. На вид ей было около 30. Она приехала откуда-то из Прибалтики поступать на заочное отделение исторического факультета МГПИ, но не прошла по конкурсу, - так, по крайней мере, сообщила своему новому знакомцу. Дружеские отношения (перешедшие в совсем близкие) завязались на почве литературных интересов и любви к поэзии. Встречались они у Вадима, но несколько раз Эмма возила его к Степану Ивановичу, то ли дальнему родственнику, то ли близкому своему знакомому. Тот рекомендовался подполковником КГБ, хотя, как выяснилось позднее, работал лектором в кабинете политпросвещения Северного речного порта, и в кадрах госбезопасности не числился. Фамилии его Вадим так и не узнал. А вот у Эммы однажды спросил в упор, не связана ли она с КГБ и не следит ли за ним. Женщина ответила - не просто связана, а служит в этом ведомстве в звании капитана, добавив, однако, что следить за Вадимом ей не поручали.

В ходе следствия Вадиму предъявили для опознания фотографии женщин, среди которых он без труда узнал Эмму. Однако из дела не ясно, была ли она самозванкой или действительно работала в лубянской конторе.

Поначалу Вадим на допросах держался стойко. Упомянутая Акимова допросила Вадима в следственном изоляторе 6 марта. “В предъявленном мне обвинении я виновным себя не признаю, - заявил Вадим. - Я действительно считаю статьи 70 и 190 (1-3) УК РСФСР антиконституционными. На площадь Пушкина я пришел 22 января 1967 года, чтобы вместе с другими выразить протест против существования этих статей и против ареста Добровольского, Лашковой, Галанскова и Гинзбурга. Я признаю, что участвовал в демонстрации 22 января на площади Пушкина, держал плакат с текстом “Свободу Добровольскому и другим”. Но я не считаю это преступлением и не считаю, что мои действия подпадают под признаки статьи 190-3 УК РСФСР”.

Надо полагать, что Вадиму не были известны в то время детали следствия по делу Гинзбурга, Галанскова, Лашковой и Добровольского. Дело в том, что Алексей Добровольский, согласно утверждениям А. Амальрика, сразу же начал активно «сотрудничать» со следствием, предложив даже гебистам дать ему возможность выступить по телевидению, чтобы уберечь молодых людей от подобного образа мыслей. Словом, он не просто сдал товарищей, но подробно рассказывал о якобы имевшихся связях с НТС. Не без «помощи» Добровольского Александр Гинзбург получил пять лет, Юрий Галансков - семь, Вера Лашкова - год заключения под стражу. Ничего этого, конечно, сидевший в Лефортово Вадим тогда не знал...

Следователи, натолкнувшись на упорство юного смутьяна, попробовали зайти с другого бока. Было принято постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы. Произвести ее поручили славному медучреждению под командованием Г. В. Морозова, генерала от карательной психиатрии. Институту имени Сербского надлежало выяснить: 1. Страдает ли гр. Делоне психическим заболеванием. Если да, то каким, и с какого времени. 2. Является ли он вменяемым: в момент совершения преступления и в настоящее время.

31 января 1967 года в ЦНИИ судебной психиатрии им. Сербского в присутствии следователя Акимовой свидетельствовали Вадима Делоне. В акте № 4, снабженном грифом “секретно”, записано:

“Психическое состояние: испытуемый ориентирован в месте, времени и своем положении, контакту доступен. Ввиду неясности клинической картины решить вопрос о психическом состоянии и вменяемости при однократном обследовании не представляется возможным, поэтому его следует направить на стационарное испытание в институт им. Сербского.” Акт подписал председатель комиссии, профессор Д. Р. Лунц.

Тут же Вадима и упрятали в стационар, установив тщательную слежку, перехватывая и направляя следователям его письма. Так было перехвачено его письмо матери, причем сопроводилковку не постеснялся подписать Г. В. Морозов.

“Мама, извини меня, если можешь, за то, что доставил тебе новые переживания. Но я не мог не выйти на площадь. И дело даже не в убеждениях. Четверо арестованных были моими друзьями. Только здесь понимаешь, как тяжело, если никто не выскажет протест против твоего ареста...”

Акт № 15, датированный 1 марта 67-го года, содержит заключение:

«Во время беседы держится свободно, с достоинством, фиксирует внимание на положительно характеризующих его фактах, подчеркивает свою одаренность. Не сомневается, что когда-нибудь будет признан настоящим поэтом, с готовностью читает свои стихи, в которых отражается эмоционально воспринимаемая им ситуация.

Заявляет, что в настоящее время считает себя психически здоровым, свое участие в демонстрации не отрицает, заявляя, что это было делом его чести...

Комиссия приходит к заключению, что Делоне В. Н. психическим заболеванием не страдает. В отношении инкриминируемого ему деяния, совершенного вне какого-либо болезненного расстройства психической деятельности, Делоне В. Н. следует считать вменяемым.»

* * *

Советская власть - дама обидчивая, заметил кто-то из наших острословов, кажется, Сергей Довлатов. Горе тому, кто с нею неучтив. Вадим же вел себя просто вызывающе. В студенческие годы его вызвали “куда следует” для беседы. Указали, что дружит он с плохими ребятами - Буковским, Галансковым и прочими. А вот подумал бы лучше о возможности съездить в Париж, поискать материалы о знаменитой матери Марии (поясним, что монахиня-антифашистка, в миру Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, поэтесса, чьим талантом восхищался Блок, приходилась двоюродной сестрой деду Вадима, члену-корреспонденту АН СССР Б. Н. Делоне). Есть один нюанс: рассказывая о судьбе матери Марии, спасавшей евреев от гестапо в оккупированном Париже, надо отметить, что ее симпатии были на стороне коммунистов.

Вадим удивился - с чего бы это ему предлагают такую командировку? “Видите ли, разъяснили ему, мы посылаем за границу сотни сотрудников, но каждый из них готов продать Родину за пару джинсов. Вы же не из той категории людей”. Польстили, это, когда нужно, они умели...

“Россию я, верно, не продам, ответил Вадим, но только понятия о родине и чести у нас с вами совершенно разные”.

Конечно, разные. Эти не постеснялись допросить даже несовершеннолетнего брата Вадика. 28 февраля все та же Акимова вызвала в качестве свидетеля (правда, вместе с матерью, И. О. Делоне) ученика 8 класса школы № 578 Михаила Николаевича Делоне, 1952 года рождения.

“С братом Вадимом мы находимся в хороших дружеских отношениях. Он любит литературу, сам пишет стихи. Я люблю живопись. Вот эта любовь к искусству нас

сближает. Мы часто обсуждаем с братом новые произведения искусства”. Но Акимову интересовала не духовная близость братьев, а знакомые Вадима. Она, видимо, рассчитывала на простодушие Миши, но не на того напала!

“Из знакомых и друзей брата я знаю...Губанова Леонида. Г. несколько раз был у нас дома и читал свои стихи, которые мне понравились”. (Еще бы! Миша сдружился с Леной, и выпивали вместе не раз, и Миша читал Лене свои стихи. Но об этом - позже).

“Последний раз видел Губанова, когда он был у нас на дне рождения Вадика 22 декабря 1966 года. Осенью 1966 года от брата я услышал о Буковском Володе. Слышал, что хотели организовать клуб, где бы можно было собираться, читать свои стихи. Буковского видел я у нас в доме раза четыре. Один раз брат с Буковским сидел в пивном баре недалеко от метро “Павелецкая”, у них не хватило денег, брат позвонил мне, и я принес им деньги. Также я знаю художника Титова, к которому возил меня Вадик, чтобы показать мои рисунки. На дне рождения Вадика я видел Некрасова, писателя. На этом же дне рождения познакомился с Петром Ивановичем Якиром.

Дня через три после ареста брата я решил поехать к Якиру поговорить. Телефона его я не знал, но в записках брата нашел его адрес. Поехал без предварительной договоренности. Дома был П.И., его жена, дочь, жена Габая и еще несколько человек. Якир сказал, что брата арестовали за участие в демонстрации на площади Пушкина по статье 190-3, по которой предусмотрено лишение свободы до трех лет. П. И. посоветовал мне никаких действий не предпринимать, этим делом он будет заниматься сам...От своего деда я узнал, что он также говорил с Якиром, по-моему, в отношении адвоката...”

Каков мальчик! К разговору со следователем он явился во всеоружии - ничего лишнего не сообщил, зато укрепился в нелюбви к совдепии.

Допрашивали и соседку Вадима Любовь Николаевну Славную. “За что арестовали Вадима, я не знаю, заявила она, но могу сказать, что совершить какое-то преступление он не мог...”

“В день демонстрации, 22 января, - писал впоследствии В.Буковский, - собрались у меня на квартире десятка два ребят. Еще две группы должны были ехать из других мест. Разговоров было мало - все делалось молча. Каждый понимал, что так легко, как в прошлый раз, мы уже не отделаемся. Кому-то предстоит идти в тюрьму. Мы с Хаустовым брали все на себя как организаторы, но кто мог предсказать - возможно, заберут всех. В этот раз мы требовали не гласности суда, а просто свободы арестованным. К шести часам поехали на площадь. Ехали молча. За нами, в некотором отдалении - гебешники. Весь день они не отходили ни на шаг. Лозунги привезли под пальто, три штуки - и больше всего боялись, что не успеем развернуть. Но никто не мешал нам. Мы с Андреем взяли один, Витька Хаустов с Вадимом Делоне - второй, Борис с Юлькой Вишневской - третий...”

Вадим в стихотворении с ироническим названием “Моя роль в революции” описал, как готовилась демонстрация.

*Полсотни честнейших ребяток московских
Назавтра на площадь за тех, кто в тюрьме,
Раздайте плакаты, Владимир Буковский!
Налейте по стопке, поэт Делоне!
Поднимем над площадью наши плакаты,
Ведь нас вдохновляет свобода одна.
Владимир Буковский - три года на карте,
И вас, Делоне, ожидает тюрьма.*

Дальше все шло по обычному полицейскому сценарию. Вынырнули из морозной мглы мордovorоты в штатском, рвали лозунги, крутили руки демонстрантам, кого-то тащили в околоток. Площадь быстро опустела. Чуть позже гебисты вернулись и забрали тех, кого не успели с первого захода - Вадима и Евгения Кушева. Делоне в тот вечер отпустили, но через три дня арестовали. Он очутился в Лефортово, где сидели друзья - Буковский и Кушев.

Потянулись долгие дни и недели следствия. “Бессонница лефортовских ночей” - так позднее вспоминал это время Вадим. Вспоминалась ему, наверное, судьба дальнего родственника, «красного Бонапарта» М. Н. Тухачевского, который наверняка прошел лефортовские застенки, прежде чем был расстрелян. Следователи госбезопасности, которые, по мнению В. Буковского, едва ли бы справились с несложным делом об убийстве или грабеже, знали толк в шантаже, фальсификациях, запугиваниях. Ломать людей они умели, достаточно вспомнить прошедших сталинские лагеря Виктора Красина и Петра Якира, которым “шили” расстрельную статью. Так мудро ли, что дал где-то слабину 19-летний интеллигентный мальчик?

Следователи знали, куда гнули. Особенно их интересовали связи Вадима и его друзей с иностранцами, откуда легко было перебросить мостик к НТС (Народно-трудовой союз российских солидаристов, эмигрантская антисоветская организация, на все лады проклиная советской пропагандой, организация, по словам Георгия Владимова, «сильно подозрительная и, как не раз подтвердилось, «бывшая в употреблении» - в борьбе с Демократическим движением в России»). А Вадим и в самом деле встречался с французами. “Меня посетили два французских корреспондента, - показал он на допросе, - один из “Фигаро”, фамилии его я не запомнил, зовут его Габриэль, второй - по фамилии Миро или что-то в этом роде. Они интересовались новым молодежным течением - смогизмом. В частности, Габриэль говорил, что журнал “Грани”, печатая смогистов, занимает недопустимую позицию, представляя СМОГ в неверном свете. Если верить “Граням”, смогисты чуть не с автоматами по улицам бегают...Однако ни с тем, ни с другим корреспондентом не было у меня разговора об НТС”.

Вадим рассказал, что обсуждал с друзьями проблему печатания в “Гранях” и настаивал публикации прекратить или, уж коли печатать сочинения смогистов, то без предисловий и комментариев, которые могли сослужить дурную службу. 5 мая капитан Смелов вновь допрашивает Вадима. Он хочет узнать все, что можно, о контактах с французами, тем более, что Габриэль слышал о Делоне и Губанове еще за границей от Валерия Тарсиса. Вадим поясняет, что никаких произведений его и друзей Габриэль у него не просил и не получал. 19, 24, 29 и 31 мая капитан Смелов продолжает выяснять подробности о Габриэле, а 6 июня Вадиму предъявляют для опознания фотографию Габриэля Мазнеффа, 1936 года рождения, гражданина Франции. (На самом деле, как сообщила Н. Горбаневская, Мацнев, - русский, православный, писатель.) Вадим его среди прочих не узнает...

31 мая разговор со следователем крутится вокруг Владимира Буковского. Вадим говорит, что был наслышан о нем от Губанова, Добровольского и других как активном участнике “1-й Маяковки”, человеке, которого привлекали к уголовной ответственности за связь с группой Осипова и распространение книги М. Джиласа “Новый класс”, как одном из организаторов демонстрации в защиту Синявского и Даниэля. В.Тарсис называл Буковского лидером молодежного подполья.

Вадим характеризует своего друга как политика со сложившимся убеждением, что при существующей государственной системе никакие демократические

преобразования невозможны и поэтому с ней необходимо бороться. Видимо, понимая, что сказал лишнее, Вадим добавляет, что эти взгляды Буковского не носят агитационного характера и он никогда не разбрасывается беспочвенными антисоветскими высказываниями. Свои соображения он излагает в обстоятельных беседах, ни в коем случае не навязывая свою точку зрения, напротив, с интересом выслушивает возражения. “Я никогда не слышал от Буковского каких-либо клеветнических измышлений, - заявляет Вадим. - Буковский не извращал фактов, он высказывал свою точку зрения, которую подробно аргументировал”.

15 июня допрос длится шесть часов - с 11.15 до 17.40. Допрашивают начальник УКГБ по Москве и области генерал-лейтенант Светличный, начальник следственного отдела полковник Иванов и старший следователь капитан Смелов. Речь идет о СМОГе.

“Мое знакомство с лицами, называющими себя смогистами, - отвечает на вопрос Вадим, - относится к началу 1966 года. На их выступлениях в МГПИ я познакомился с Губановым, Вишневской, Батшевым, Лашковой. В мае познакомился с Пахомовым и Алейниковым. Наиболее тесный контакт у меня был с Губановым и его женой А. Басиловой. Формально я смогистом не был, но меня роднило со смогистами стремление к новым формам в искусстве, в частности, в поэзии, а также общая точка зрения, что у нас в стране нет свободы слова и печати, искусство и литература задавлены партией, талантливым поэтам и прозаикам не дают хода... То, что моя Баллада (имеется в виду находящаяся в деле “Баллада о неверии”, слабая в художественном отношении юношеская поэма Вадима Делоне, содержащая такие характерные строки:

*Вы просчитались немного -
Мы от идей не зверели.
Тем, кто не верует в Бога,
Трудно и в черта поверить.
С тем и блуждаем молчаньем,
Страшным молчаньем неверья.
Мы разворованы вами,
Нам остаются мгновенья.
Нас заливают, качают
В море свершений, и время
Каждый к себе подгребают,
Только мгновению веря...)*

одобрительно была оценена смогистами, а также хорошо принималась в молодежных аудиториях, укрепляло мою веру в сделанные мною ошибочные выводы. Кончилось тем, что я передал для опубликования на Западе свою балладу представителю НТС по имени Филипп...”

И деньги от иностранцев, оказывается, брали. Вадим простодушно сообщает, что как-то Габриэль предложил ему и Губанову, собиравшимся отдохнуть на море, помощь. Щедрости “француза” хватило на 15 рублей...

Так, с бору по сосенке, следствие собирало материал - теперь уже можно было крепко схватить Вадима за горло, “шить” ему связь с НТС, получение денег и публикацию за границей...

“Ребята мои, - писал В. Буковский, - Кушев и Делоне, каялись, писали слезные послания следователям. Для них все было ужасно: тюрьма, решетки, надзиратели. Полгода без родных, и впереди - неизвестность...”

Владимир Буковский прислал мне копию документа, подписанного председателем КГБ В. Семичастным и генеральным прокурором СССР Р. Руденко.

**“Секретно.
ЦК КПСС**

Как докладывалось ранее, начиная с декабря 1965 года, в Москве имели место неоднократные попытки организации различного рода сборищ и провокационных выступлений то в защиту Синявского и Даниэля, то “памяти жертв сталинизма”, то с демагогическими требованиями пересмотра законов. В последнем случае 22 января с.г. аналогичное сборище состоялось на пл. Пушкина, где собралась группа лиц в количестве 15-20 человек с плакатами, содержащими требования об отмене отдельных статей Уголовного кодекса и освобождении из-под стражи задержанных до этого органами КГБ наиболее активно проявивших себя распространителей антисоветских документов. Антиобщественные действия указанной группы сопровождались выкриками: “Долой диктатуру”, “Отменить антиконституционный указ” и т.д. Сборищам, как правило, предшествует распространение различного рода политически вредных материалов, в том числе листовок с демагогическими требованиями.

...В результате сложилась группа лиц в количестве 35-40 человек, которые осуществляют свою политически вредную деятельность путем изготовления и распространения антисоветской литературы, а также организации различного рода манифестаций и сборищ. Участники этой группы апеллируют к западной прессе, которая печатает изготовленные ими материалы, пытаясь распространить их на территории Советского Союза. В последнее время все чаще и чаще они выходят на зарубежную антисоветскую организацию НТС; ее журнал “Грани”, используя эти материалы в антисоветских компаниях, призывает на основе их к активным подрывным действиям, а лидеры НТС направляют отдельным лицам этой группы прямые инструкции.

С учетом изложенного Прокуратурой СССР и Комитетом госбезопасности в целях пресечения враждебной деятельности за изготовление, распространение и передачу за границу антисоветской литературы, а также за организацию и активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок, арестованы и привлечены к уголовной ответственности: Гинзбург А. И., 1936 года рождения; рабочие Литературного музея Галансков Ю. Т., 1939 года рождения, и Добровольский А. А., 1938 года рождения; лаборантка МГУ Лашкова В. И., 1944 года рождения; техник института по проектированию предприятий цветной металлургии Радзиевский П. А., 1947 года рождения; Кушев Е. И., 1947 года рождения, без определенных занятий, член ВЛКСМ; шофер Хаустов В. А., 1938 года рождения; Буковский В. К., 1942 года рождения, и Делоне В. Н., 1947 года рождения, оба без определенных занятий; и преподаватель средней школы Габай И. Я., 1935 года рождения...

Считая, что привлечение к уголовной ответственности указанных лиц вызовет определенную реакцию внутри страны и за рубежом, полагаем бы целесообразным поручить Отделу пропаганды ЦК и МГК КПСС провести необходимую разъяснительную работу...”

* * *

- В первый раз Вадим был арестован и предан суду за выступление на Пушкинской площади вместе с Буковским и кем-то еще, - говорит отец Вадима, Николай Борисович Делоне. - Трудно сказать, что там было на самом деле, но, очевидно, Вадим по молодости, глупости и неопытности сболтнул что-то лишнее.

- На следствии?

- Да, где-то там. Потому что когда состоялся суд, и Вадиму дали условный срок, а Буковскому какой-то большой срок, в кругах диссидентов возникло такое - не знаю, оправданное или неоправданное, мнение, что Вадим вел себя плохо. Что в какой-то мере он “закопал” Буковского. Тему обсуждали тогда все вокруг. И Вадим оказался в ситуации некоторого остракизма в своей среде. Именно из-за этого, в частности, он уехал тогда в Новосибирск. И ему позарез хотелось показать, что он не такой...

После того, как старший следователь следственного отдела УКГБ по Москве и Московской области капитан Смелов, признав предварительное следствие по делу № 270 законченным, в помещении следственного изолятора КГБ он объявил об этом Вадиму Делоне, обвиняемому по статье 190-3 УК РСФСР. Защитником Вадима стал Ш.А.Меламед, адвокат юридической консультации Краснопресненского района Москвы. По моим предположениям (в деле на это указаний, разумеется, нет), именно он, обговорив все с гебистами, склонил Вадима повиниться. В этом меня поддержала Н. Горбаневская, заметившая: “Не помню уже откуда, но тогда мы знали точно, что уговорили каяться обоих ребят именно адвокаты.” Эдак остороженько, чувствуя взрывчатый характер своего подзащитного, - не надо никого выдавать, просто покаяться. И Вадим написал заявление о чистосердечном признании.

“За время пребывания в следственном изоляторе я глубоко осознал и понял свою ошибку, - писал он. - Я глубоко раскаиваюсь в совершенных мною деяниях и чистосердечно признаю свою вину. Я честно и правдиво расскажу о том, как я пошел по неправильному пути...” Лексика-то не его, не Вадима это слова! Мудрый адвокат консультировал, направлял его руку. Далее Вадим рассказал о своих творческих исканиях, о дружбе со смогистами, которые смущали его крикливостью своих манифестов. О том, как под эгидой горкома комсомола было решено организовать поэтический клуб с названием “Авангард”, пригласив на открытие известных писателей - Солженицына, Некрасова, Коржавина, Тарковского. Но в последний момент идею отвергли, поставив ребят в неловкое положение. “В это время, писал Вадим, состояние моего здоровья ухудшилось, пришлось лечь в Соловьевскую психбольницу. Мной овладела навязчивая мысль, что меня специально поместили в беспокойное отделение, что под давлением извне меня собираются долго держать в сумасшедшем доме. Мной овладел почти панический страх...Итак, если я и нарушил закон, то абсолютно бессознательно и непреднамеренно. Дав согласие на участие в демонстрации, я не считал возможным встать на позицию “я не я, демонстрация не моя”. Такая позиция представляется мне нечестной. Поэтому я согласился держать один из плакатов...”

30 августа В. Буковского, В. Делоне и Е. Кушева привезли в городской суд на Каланчевку. Сляпанное кое-как дело выглядело бледновато. Свидетели обвинения (дружинники без повязок и иные представители власти) путались в показаниях, текстов лозунгов припомнить не могли. Не лучше оказался и прокурор, по словам которого нарушение общественного порядка заключалось в самом акте протеста, что никак не согласовалось с правами, декларированными Конституцией.

“Мои ребята, - пишет В.Буковский, - настолько повеселели, что в последнем слове хоть и выразили сожаление о случившемся, однако вины не признали...Мне выписали запланированные три года, а ребят отпустили из зала - дали по году условно.

На прощанье мы обнялись. Я знал, что им будет труднее, чем мне. Свобода иногда тяжелее тюрьмы, и после раскаяния, которое они демонстрировали в суде, им предстояло каяться еще и еще, да только уже всерьез. Дай Бог, чтоб они нашли в себе силы пережить это и остаться людьми...”

Все было предreshено заранее - и на самом высоком уровне. 31 августа из КГБ в ЦК КПСС полетела секретная бумага, подписанная новым лубянским начальником - Андроповым.

“На протяжении последних двух лет в Москве со стороны отдельных лиц из числа фрондирующей молодежи предпринимались попытки спровоцировать антиобщественные выступления с демагогическими требованиями “свободы” демонстраций, отмены некоторых статей Уголовного кодекса и другими. Одно из таких сборищ имело место 22 января 1967 года на площади Пушкина, которое инициаторы намеревались провести под лозунгом защиты задержанных органами КГБ авторов и распространителей анонимных документов и требовали отмены Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 года, предусматривающего ответственность за групповые действия против общественного порядка. В порядке пресечения подобного рода деятельности в январе 1967 года организаторы и наиболее активные участники антиобщественных проявлений Буковский В. К., 1942 года рождения, Делоне В. Н., 1947 года рождения, Кушев Е. К., 1947 года рождения, все без определенных занятий, и Хаустов В. А., 1938 года рождения, обойщик мастерской по ремонту мебели, прокуратурой города Москвы были подвергнуты аресту...”

Проведенная нами проверка характера связи Буковского и Делоне с зарубежной антисоветской организацией НТС показала, что они действительно поддерживали контакт с некоторыми ее представителями, посещавшими нашу страну по каналу культурного и туристического обмена, снабжали их политически вредными рукописями и документами, которые затем публиковались за рубежом...Органами Комитета госбезопасности совместно с общественными организациями в отношении ряда участников сборищ неоднократно принимались меры предупредительно-профилактического характера. Однако, Буковский, Делоне и другие, будучи морально неустойчивыми, попав под влияние зарубежной пропаганды и эмиссаров НТС, не прекратили своей деятельности, а продолжали организовывать сборища, о которых зачастую ставили в известность представителей зарубежной прессы.

Следствие по делу в настоящее время закончено, Буковскому, Делоне и Кушеву предъявлено обвинение по ст. 190-3 УК РСФСР. Судебное разбирательство предполагается провести в первой половине сентября 1967 года. Учитывая, что после суда со стороны НТС могут последовать враждебные акции и действия в защиту Буковского, Делоне и Кушева, Комитет госбезопасности намерен подготовить и продвинуть на Запад выгодную нам информацию об этом процессе”.

- Когда его взяли в 67-м году, - рассказывает Юлий Ким, - Вадиму и Е. Кушеву дали понять, что если они раскаются (не надо кого-то называть), немножко по сожалют о содеянном, то их отпустят. И они по сожалели. Их судили, дали условный срок каждому, и Вадик вышел с сильнейшим комплексом - человек как бы сдался, его сломали, хотя это совершенно не соответствовало действительности - он

никого не предал, не выдал. Но, как говорится, бросил им эту кость. И вышел с комплексом и был готов бунтовать дальше, что есть силы, - и бунтовал...

* * *

- Познакомились мы с Вадимом давно, в 1966 году, это был его восемнадцатый день рождения, - вспоминал Владимир Буковский, когда осенью 1999 года мы приехали в Кембридж для съемок. - К нему пришло много людей с Маяковки, и со «старой», и с «новой». Там я его увидел впервые. Был его младший братишка, Миша, тому совсем еще было немного, лет 14. Ну, разумеется, все были сильно пьяны, так что впечатления остались очень смутные. Было много поэтов, все читали стихи, и Вадик, конечно, свои - такая была в то время в Москве атмосфера. Мы с Мишей Капланом довольно быстро ушли. Потом пару раз пересекались в общих компаниях. Так что знали мы друг друга очень немного, я даже не шибко охотно позвал его на демонстрацию в защиту Гинзбурга и Галанскова, арестованных в январе 67-го. Устроили ее у памятника Пушкину. Отправились туда с нескольких точек. Одна была у меня - я жил тогда у Кропоткинских ворот, - другая у Якира. У меня дома дописывали лозунги, Витя Хаустов сколачивал их на кухне гвоздями, а Алик Вольпин писал памятку, как вести себя в случае ареста - никоим образом не надо сопротивляться и т.д. Потом сели в 15-й троллейбус, который как раз шел до Пушкинской. Народу на улице почти не было, стоял страшный мороз, так, случайные прохожие. Мы сошлись у памятника - и сразу было видно власть. Кто же еще будет на морозе стоять и ждать? Группка в штатском, - они, конечно, знали, - мы не скрывали, что организуем демонстрацию, все довольно открыто делалось.

Развернули плакаты. Прошло, думаю, не больше минуты, как штатские кинулись на нас с разного рода выкриками и угрозами, как потом мы писали в протоколе. В основном они матерились и вопили. Мы держали плакат с Андрюшей Монастырским, молодым поэтом. А Вадик - с Хаустовым. Витя в ту пору работал обойщиком, и уж плакат он сколотил очень надежно. И это оказалось плохо, потому как у нас плакат вырвали - и он разорвался. А их плакат никак не рвался. И хотя все соблюдали вольпинскую инструкцию и не сопротивлялись, штатские накиннулись на Хаустова, стали его скручивать. А Вадик отпустил руку и стоял рядом. Все это длилось секунды, и единственный, кого увели, был Витя Хаустов. Штатские ушли, пусто, мы одни стоим у памятника ну и пара иностранных корреспондентов, заранее привлеченных к этому делу. И как-то скучно сразу стало, холодно, возбуждение спало. Говорю: «Надо уходить, демонстрация кончилась». А Вадик отвечает: «Нет, я еще постою, вот Женька Кушев еще не подошел...» А Женька как всегда опоздал. Я говорю: «Вообще-то зря, они сейчас назад придут, эти менты, начнут остальных забирать, а демонстрация уже произошла». И Вадик остался на свою беду, что совершенно не нужно ему было. И его, конечно, потом забрали, забрали и Женьку, который сдуру, расстроившись, что опоздал на основное действие, решил кричать лозунги. Хотя это было категорически запрещено вольпинской инструкцией: выкрики потом истолкуют как угодно, ничего не докажешь в суде. Вот написанное - это вещественное доказательство.

Меня нашли через пять дней. Кроме нас с Хаустовым, эти двое были совершенно случайные люди. Плюс Илюша Габай, которого тоже уже потом задержали, демонстрация давно кончилась, он домой приехал...

- Вот такая, казалось бы, малозначительная история, - продолжает Владимир Буковский, - в результате которой возникло много всего. В частности, начался Вадик Делоне как общественный деятель. Начался не с самого лучшего момента - как бы

случайно, за компанию. И в общем было жалко. Конечно, на следствии оба они - и Женька, и Вадик, которым все это было ново, им по 18 лет, вся эта гебэшная система с «наседками», с давлением, - довольно плохо себя чувствовали. Начали даже каяться, - ну это все было несерьезно, никому ничего не добавляло, кроме них самих. На суде, конечно, оба приободрились и заявили, что никакой вины своей не признают. А адвокаты построили защиту на том, что они покаяться. Но это уже ничего не меняло - наши приговоры решались где-то в ЦК, и кому сколько дать было определено заранее...

Вот так Вадик начался. На него подействовал травматически факт, что он якобы не выдержал, дал слабину. Для его самолюбия было оскорбительно. Он потом много лет пытался найти себя. Я-то сидел, не знаю, но рассказывали, как он уехал в Сибирь, в Академгородок, тоже пытался там что-то устраивать, кого-то агитировать, читать стихи. Он все никак не мог остановиться, - завелся, и ему надо было доказать, что может вести себя достойно. Это, как ни жутко говорить, определило всю его судьбу. И когда он пошел в 68-м на демонстрацию, это было попыткой самореабилитации...

В той январской демонстрации участвовал и студент юридического факультета МГУ Михаил Федотов.

- Юлька Вишневская потом утверждала, что это она меня сподвигла, - вспоминает доктор юридических наук, профессор М. А. Федотов. - Помню, как ехали на 15 троллейбусе на Пушкинскую, было холодно. Перед этим собрались у Володи Буковского (а жили мы с ним по соседству, я - в Гагаринском переулке) и прямо от него ринулись со свернутыми транспарантами. Вся демонстрация заняла несколько минут, - на нас кинулись. Я тогда отделался легким испугом, хотя, как потом выяснилось, за мной уже ходил человек и следил за каждым шагом. Мы, конечно, друг перед другом бравировали: «За мной топтуны ходят...» Прекрасно помню слова Буковского: «Смотри, сколько здесь кагебешников! Давай сейчас бросим все, и пока они здесь, поедem к их бабам!»

А все наши мероприятия назывались «замесы». Так и говорили: «Следующий замес у нас тогда-то», «завтра замесим». Тогда же я придумал нам название, которое всем нравилось, - МООП. Так сокращенно обозначалось Министерство охраны общественного порядка. Мы же, говоря МООП, расшифровывали - московская оппозиция...

- Вы были дружны с Буковским?

- Не скажу, что были «не разлей вода», так же как и с Вадиком. Мы были немного в стороне, у нас была своя компания: поэты Андрюша Монастырский и Алеша Гришин, который писал под псевдонимом Алекс де Грегуар, Алена Аристова, сочинявшая рассказы «под Аксенова»... Все мы вышли из литературного объединения Дворца пионеров на Воробьевых горах. Дружили между собой, дружили со смогистами. Связующим звеном был, конечно, Володя Батшев. Вадим принадлежал к соседней, смогистской компании. Одновременно он примыкал к нашей «политической» тусовке, где были Таня Баева, Володя Буковский, Алик Гинзбург, Вера Лашкова, Петя Якир. Хотя Гинзбург всегда стоял особняком. Вообще каждый был сам по себе. Такой отдельной личностью был и Вадик. Мы с ним встречались неоднократно, я бывал у него дома. Естественно, обменивались рукописями. Когда у Вадима случился очередной обыск, то, помимо его стихов, изъяли и мою поэму «Пимен». Вернулась она ко мне через маму Вадика, когда КГБ возвратил ей какие-то бумаги.

Когда в августе 68-го Вадим вышел на Красную площадь, мы уже не были близки. В начале 68-го я женился, плюс к этому за участие во всех делах выгнали из

университета. Это связано с судом над Гинзбургом, Галансковым, Лашковой и Добровольским. Был январь 68-го. Сейчас бы сказали, что мы пикетировали здание городского суда, на самом деле мы просто стояли в ожидании вестей из зала, где проходил «открытый» процесс. Рядом стояли иностранные корреспонденты, они сообщили, что в этот день умер Илья Эренбург. Через два дня меня вызвали в деканат, заявили, что я не ходил на занятия по военной подготовке. И отчислили.

- Для всех нас, - говорит Михаил Александрович, - выход на политику был формой литературного творчества, вызванной затхлостью атмосферы в Советском Союзе. Для Володи Буковского демонстрация - акция политическая, для нас - литературно-художественная, но с политическим содержанием. Не случайно, многие участники Демократического движения были связаны с литературой. Я как студент-юрист знал, разумеется, статьи Конституции и твердил: наше дело абсолютно законное, мы ничего не нарушаем. И имел стопроцентную поддержку Алика Вольпина, чьи юридические построения были логически безукоризненными.

- Вам доводилось слышать, как Вадим читал стихи?

- Несколько раз. Они пользовались успехом. Вадим был одним из признанных авторитетов, но не единственным. Бесспорным лидером считался Леня Губанов. Вадик был утонченный, благородный, летящий где-то высоко...

На том вечере памяти Вадима в Библиотеке иностранной литературы Михаил Александрович Федотов тоже присутствовал.

- Я как всегда приехал с опозданием. Стоял в дверях, слушал, аплодировал. А был я тогда как-никак министром печати и информации. Вдруг подошел Алик Гинзбург, посмотрел на меня и произнес: «Маска, я тебя знаю!» Мы обнялись, и с тех пор практически неразлучны...

* * *

Прошло 24 года. 30 октября 1991 года Президиум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление, которое гласит:

Приговор Московского городского суда от 1 сентября 1967 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 16 ноября 1967 года в отношении Буковского В.К., тот же приговор в отношении Делоне В.Н. и Кушева Е.И. отменить, уголовное дело прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

Председатель Верховного Суда РСФСР В.Лебедев
Начальник секретариата Президиума ВС Т.Амелина

Глава 2. РОДОСЛОВНАЯ

*Утром сей семя твое, и вечером
не давай отдыха руке твоей,
потому что ты не знаешь,
то или другое будет удачнее,
или то и другое равно хорошо будет.
Екклезиаст, 11-6*

А теперь приглашаю тебя, мой читатель, совершить путешествие в далекое прошлое, чтобы узнать родословную моего героя. Должен заметить, что сам он не представлял ее доподлинно и рассказывал не слишком достоверные семейные предания. Между тем удивительное происхождение, как мне представляется, многое объясняет в характере Вадима. Итак...

25 января 1793 года, во второй год Великой Французской революции, в городе Туре, что находится на полпути из Парижа в Бордо на реке Луаре, родился младенец, которого нарекли Пьером. Отцом новорожденного был гражданин Карл (Шарль) Клавдий Делоне, матерью - Клотильда, урожденная Шамбеллан. Судя по тому, что свидетельствовали рождение Пьера его дядя по матери портной Рене Пьер Нуво и некая булочница, чье имя история не сохранила, семья принадлежала к третьему сословию.

Пьер Делоне получил медицинское образование в Туре, и перед началом русской кампании Наполеона оказался в армии, в 1-ом корпусе маршала Даву, с которым проделал долгий путь в Россию. Вполне вероятно, что лекарь Пьер Делоне участвовал в Бородинском сражении, - войска под командованием Даву бились под Москвой. Так или иначе, но осенью в Москве, захваченной французами, Пьер Делоне занемог и оказался в Голицынской больнице, куда помещали французских и русских офицеров. Пока военный медик болел, армия Наполеона оставила Москву. Выздоровев, Пьер помогал выхаживать раненых и больных в госпитале, сумел зарекомендовать себя наилучшим образом: архивные документы свидетельствуют, что ему была разрешена медицинская практика. С дозволения генерал-губернатора Пьер Делоне поступил на службу к статскому советнику Н. Дьякову. Два года француз, которого называли почему-то Константином Александром* сыном Делоне, облегчал больных как в доме Дьякова, так и в его деревнях. Впоследствии Дьяков дал пленному лекарю Константину Александру Делоне блестящий аттестат, не забыв упомянуть несколько случаев весьма успешного лечения. Кузнеца Никиту Липченко, страдавшего каменной болезнью, француз исцелил совершенно, и тот смог исполнять должность кузнеца, о чем свидетельствовал с приложением гербовой печати и подписи статский советник Дьяков.

Пути Господни неисповедимы, и уйдя почему-то от явно благоволившего к нему Дьякова, Петр Карлович (так на немецкий лад в конце концов стали звать Делоне) оказался в Таганроге. Вероятно, именно сюда, на юг России, собирали пленных французов для отправки на родину. Между тем пленным, хотя в плен он вроде бы и не попадал, считался и Пьер Делоне. Тогда-то и совершил он решительный шаг, мотивы которого, увы, неизвестны. Он обратился с прошением к таганрогскому градоначальнику генерал-майору Попкову разрешить ему остаться в России. В архивных материалах это выглядит следующим образом: “Рене Петр Делоне, сын

Карла Клаудена, - пишет Попков, - вошел ко мне с просьбой, из которой следует, что в прошлом, 1814 году, когда еще он был французским подданным купеческого звания города Тура, находился в России пленным. По пребывании его в Таганроге он просил меня о выдаче ему пропускного вида по России. Удовлетворяя его просьбе, я тогда же дал о том предложение таганрогской полиции, которая вследствие одного по приводе его на верность в подданство России к присяге, и выдала ему таковой вид с тем, чтобы в течение пяти месяцев избрал он себе род жизни, где пожелает.”

С документом в кармане Пьер Делоне устремился в Москву - сдавать экзамен в Медико-хирургической академии. Правда, ему пришлось завернуть в Тулу, поскольку таганрогская бумага не давала права на пребывание в столицах. Тульский гражданский губернатор 11 сентября 1814 года снабдил Петра Карловича следующим документом: “Объявителю сего, принявшему присягу на Российское подданство французскому уроженцу Делоне, следующему в Москву для экзамена в Медико-хирургической академии, благоволят городские и земские полиции чинить ему, Делоне, свободный пропуск. По прибытии в Москву обязан явиться к господину главнокомандующему”.

Чтобы держать экзамен в академии, Делоне подал прошение на высочайшее имя, где говорилось, в частности: “дабы всемилостивейшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение принять в конференции императорской Медико-хирургической академии (Московском отделении) и в испытании на звание лекаря снабдить меня надлежащим свидетельством”.

Петр Карлович блестяще выдержал экзамен, обнаружив знания фармакологии хорошие, хирургии, патологии и терапии - очень хорошие. Тогда же православный священник привел к присяге католика Петра Делоне: “Я, нижепоименованный, обращаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному всемилостивейшему Государю Императору Александру Павловичу, Его Императорскому Высочеству престолонаследнику, который назначен будет, верно и нелицеприятно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего...”

Получив свидетельство академии о присвоении звания лекаря, Делоне поступает на службу в странноприимный дом графа Шереметева и служит весьма успешно - настолько, что вскоре, в 1817 году, удостоивается ордена Святой Анны третьей степени. Вскоре Петр Карлович бросает службу и становится вольнопрактикующим врачом. Чуть ранее, в 1816 году, Делоне женился на своей соотечественнице. Модеста Катрин Жозефина Ларше (или Катрина Жозефина Софи - а на русский лад Софья Степановна) приехала в Россию из Парижа незадолго до кампании 1812 года и служила в доме князя Юсупова. Какого рода были ее занятия - неизвестно. Но известно, что вскоре у супругов родилась дочь, Софья Эмилия Клотильда. Позднее родился мертвый ребенок, и это подорвало здоровье жены Петра Карловича. Он успел съездить на родину устроить свои наследственные дела - к тому времени умер Шарль Клауден. Второй и последний раз Петр Карлович отправился во Францию в 1821 году вместе с семьей. Там он окончил Парижский университет и получил диплом доктора медицины, и в 1825 году вернулся в Москву. Жена и маленькая Софи остались во Франции. Впрочем, дочь приезжала повидать Петра Карловича перед замужеством. Похоже, что семейная жизнь Делоне не принесла ему счастья, - в России он сошелся с Елизаветой Николаевной Тухачевской, дочерью небогатых смоленских помещиков, с которыми был знаком и прежде. Во всяком случае, сохранились (у французских потомков Петра Делоне) письма в Париж к нему матери Елизаветы Николаевны. Она упоминает о денежном долге Петру Карловичу и сетует, что никак не может его вернуть, а также сообщает, что дочь скучает о нем. Есть основания полагать, что

Тухачевская стала гражданской женой Петра Карловича - документы не подтверждают ни развода с Софией Делоне, ни венчания с Елизаветой Николаевной. Так или иначе, но в 1828 году родился Борис. Но о нем - чуть позже. Закончим прежде историю Петра Карловича Делоне в том виде, как ее изложил Александр Сергеевич Шаров. (А.С.Шаров, умерший весной 1999 года, был доктором физико-математических наук, главным научным сотрудником Государственного астрономического института им П.К.Штернберга, женат на Анне Борисовне Делоне, тетке Вадима. Ему принадлежат самые полные и достоверные исследования родословной Делоне.)

Петр Карлович был, похоже, не лишен честолюбия: ему, иностранцу, представляется необходимым стать русским дворянином. И в 1827 году он подает прошение на имя Государя в Герольдию Правительствующего Сената: “Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение с приложением документов в Московское дворянское собрание принять и внести меня в дворянскую родословную книгу в какую часть следовать будет и дать мне о дворянстве грамоту, а подлинные документы мне возвратить”. Заметим, что дело о дворянстве рода Делоне хранится в Санкт-Петербургском историческом архиве.

В 1830 году в Москве свирепствовала холера, и доктор П.К.Делоне участвует в борьбе с эпидемией. Его усердие оценено по заслугам: в следующем году Петр Карлович награжден орденом Святого Владимира четвертой степени, дававшим право дворянского достоинства. И доктор ходатайствует, чтобы его, Делоне, внесли в 3-ю книгу московского дворянства, куда заносили лиц, своими чинами на гражданской службе или орденами бесспорно заслуживших дворянство. Несмотря на большую врачебную практику (Петр Карлович написал даже книжку по медицине, которую можно найти во Всероссийской государственной библиотеке), Делоне пустился в деловое предприятие. Вместе с неким французом он приобретает заводик, но вскоре прогорает и остается с долгами. В 50-м году Петр Карлович получает назначение в Симбирское больничное заведение старшим врачом. Может быть, место в казенной больнице было возможностью удалиться от кредиторов? Неизвестно, последовала ли за Петром Карловичем его семья. Сын Борис, во всяком случае, в это время поступил в Московский университет. А вскоре, в 1853 году, шестидесяти лет от роду, Петр Карлович Делоне скончался в Симбирске.

* * *

В Московском архиве хранится папка с документами о поступлении в университет Бориса Петровича Делоне, отмечал А. С. Шаров в очерке “Б.П. Делоне - дед матери Марии” (В сб. “**Восхождение. К 50-летию со дня героической гибели матери Марии**”, Тверь, 1994). В прошении на имя ректора он писал: “Родом я из купцов, уроженец Московской губернии, от роду имею 19 лет, воспитывался в доме родителей...”

Особенно интересно свидетельство о рождении, в котором говорится: “...вследствие прошения вольнопрактикующего медико-хирурга и кавалера Петра Карлова Делоне о выдаче ему свидетельства о рождении и крещении находящегося у него на воспитании малолетнего Бориса, родившегося от неизвестного (!) лица, для получения на прожитие паспорта или записи его в московское мещанство...дано ему свидетельство в том, что в метрической книге Никитского Сорока Рождественской в Палашах церкви 1828 года в ст. о родившихся под № 16 записано следующее: Апреля 21 числа в доме умершего московского купца Шевалдышева у живущей

привилегированной бабки Франциски Ивановой Бордерлио родила неизвестная незаконно прижитого сына Бориса, крещен мая 3 числа...”

Неслучайно Борис оказался в доме Петра Карловича, продолжает А.С.Шаров, нет сомнений в том, что отцом ребенка был сам Петр Карлович. Имя роженицы ни в одном из документов не называется, ею, как говорит семейное предание, была Елизавета Николаевна Тухачевская. Их брак не был узаконен, и имя Елизаветы Николаевны с фамилией мужа указано только на ее могиле на Митрофановском кладбище в Петербурге.

В университетском деле имеется справка от 1840 года, данная медиком П.К.Делоне, в том, что Борису привита оспа. Здесь 11-летний мальчик впервые назван по фамилии отца: вероятно, к этому времени ребенок уже был усыновлен. Недаром в прошении ясно говорится, что воспитывался он в доме родителей. При усыновлении незаконнорожденного дворянское звание к нему не переходило, и Борис Петрович был записан сначала в купечество, а затем в мещанское сословие.

О детстве Бориса Петровича известно мало. Его внучка (умершая в 1993 году сестра академика Б.Н.Делоне) Наталья Николаевна писала: “Сына своего Бориса Петр Карлович не захотел отдавать в гимназию, так как в то время там воспитательным средством служили розги, а он был против телесных наказаний. Благодаря дружбе с профессурой ему удалось дать сыну блестящее, в основном гуманитарное домашнее образование. Так, мой дед Борис Петрович помимо обязательных в то время латинского и греческого владел санскритом (как основой европейских языков) и древнееврейским (ивритом) как языком Библии”.

В воспоминаниях дочери Бориса Петровича Софьи Борисовны говорится: “Дедушка особенно любил моего отца, он был старшим и прекрасно учился, но дед его особенно строго воспитывал...Папа отличался в науках...”

Своекоштный студент Борис Делоне успешно переходил с одного курса на другой и в 1852 году в числе 52 воспитанников медицинского факультета закончил учение, набрав 91 балл, и был признан “достойным степени лекаря”.

Несколько документов о Б. П. Делоне А. С. Шаров обнаружил в Центральном военно-историческом архиве, среди них - дело о назначении пенсии его вдове с подробнейшим послужным списком.

Судя по воспоминаниям Софьи Борисовны, Борис Петрович познакомился со своей будущей супругой Софьей Александровной Дмитриевой-Мамоновой (представительницей старинного рода, восходящего к Рюрику) в Москве. “Папа и мама часто виделись. Много у них было общего, - писала Софья Борисовна. - Мама была старше отца, но на вид всегда моложе. У нее были блестящие черные глаза и ослепительный румянец. Отец был статным и красивым, но цвет лица у него был сероватым. Они полюбили друг друга. Когда мама объявила своей матери, что выходит замуж за Делоне и просит ее благословения, то бабушка пришла в ужас от такого мезальянса”.

Однако все преграды были преодолены, и свадьба состоялась. С началом Крымской войны супруги переехали в Петербург, где Борис Петрович был определен во второй сухопутный Санкт-Петербургский госпиталь младшим оператором. Через год его назначили в запасную дивизию Первого пехотного корпуса батальонным лекарем. Возмущенный беспорядками и воровством в госпитале, Борис Петрович однажды в ярости спустил с лестницы старшего доктора. Если бы не заступничество Великой Княгини Елены Павловны, взявшей Б.П. в Ораниенбаум дворцовым доктором, ему не миновать неприятностей. От безбедной дворцовой службы Борис Петрович однако в 1857 году отказался (дочь уверяет, что из-за болезни

Софьи Александровны) и получил место доктора в двух уездах - Бежецком и Весьегонском Тверской губернии.

Наталья Николаевна Делоне описывает тверскую жизнь деда так: “Дедушка Борис Петрович считал своим долгом лечить всех обращающихся к нему бедных бесплатно, ходил к таким больным домой по вызовам в трущобы, в том числе и по ночам. Пользовался он в этой среде огромной популярностью. Ему попутно жаловались на всякие невзгоды и притеснения со стороны власть имущих. А был дедушка весьма вспыльчив...” Далее Наталья Николаевна сообщает, как Борис Петрович, не стерпев грубости городничего, швырнул его в реку. В 1861 году Б.П.Делоне оставил службу уездного врача и приехал в Москву, став здесь известным доктором. Его статьи печатает “Медицинская газета”, выходят две брошюры и пространное сочинение “Сравнение медицины аюрвед с медициной гиппократидов” 1877 года, которое он подарил своему учителю, известному медику Ф.И.Иноземцеву.

Дальнейшие события в жизни Бориса Петровича определила русско-турецкая война. В 1877 году он зачислен в резерв врачей-хирургов при Военно-медицинском управлении действующей армии, а вскоре прикомандирован к подвижному лазарету Пятой пехотной дивизии, с которой участвует в походах и боях в Болгарии. 18 июля 1877 года - бой под Плевной, 19 августа - бой возле села Згалевице, 30 августа - взятие Гривецкого редута, а с 30 августа по 25 ноября - “обложение” и, наконец, 28 ноября - взятие Плевны. За июльское дело под Плевной “в воздаяние отличного мужества и храбрости” Борис Петрович пожалован орденом Святой Анны 3-й степени с мечами. За штурм Плевны - орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами.

В память сражений и походов турецкой кампании Борис Петрович был награжден бронзовой медалью, а также румынским орденом “Железный крест”, а в 1880 году ему было объявлено “монаршее благоволение за труды и усердие по прекращению тифовой эпидемии в войсках бывшей действующей армии”.

В последующие годы Борис Петрович Делоне служит медиком в разных гренадерских полках. Последнюю награду - орден Святого Владимира 3-й степени Борис Петрович получил в 1885 году. Орден давал право на дворянское достоинство, однако Борис Петрович не стал обращаться с надлежащим прошением к Государю, так и оставшись в мещанском сословии, впрочем, в чине статского советника, что соответствовало по военным меркам генеральскому званию...

С 1881 года Бориса Петровича мучают приступы грудной жабы - так называли в то время ишемическую болезнь, а в январе 1887 года последовал удар. За два дня до кончины Б. П. Делоне подал прошение об отставке.

Среди архивных документов сохранилась справка полкового священника: “Сим свидетельствую, что в хранящейся при Петропавловской церкви 3 Гренадерского Перновского полка метрической книге за 1887 год в третьей части об умерших под № 1 мужского пола записано: “Тысяча восемьсот восемьдесят седьмого (1887) года февраля 10 дня 3 Гренадерского Перновского короля Фридриха Вильгельма полка старший врач статский советник Борис Петрович Делоне, пятидесяти девяти лет от рождения, умер от апоплексии мозга, а двенадцатого февраля сего же года полковым священником Василием Истоминым погребен на Ваганьковском кладбище”.

Софья Александровна пережила мужа на пять лет. Их дочь Софья Борисовна вышла замуж за Юрия Дмитриевича Пиленко. От этого брака родилась Елизавета Юрьевна Пиленко (Кузьмина-Караваева), впоследствии православная монахиня мать Мария.

Имя сына, Николая Борисовича Делоне, можно найти в любой энциклопедии, рядом с именами других Делоне, потомков Петра Карловича, внесших крупную лепту в развитие российской науки и техники.

* Ирина Делоне высказывала мне сомнения в подлинности сведений, приводимых А. С. Шаровым, о происхождении Пьера Делоне. Она полагает, что Пьер действительно был племянником коменданта Бастилии, но почему-то скрывал происхождение. Ее, в частности, смущает непонятно откуда возникшее имя Константин Александр.

Есть и еще более невероятная легенда о Пьере Делоне. В семье существовало поверье, что свой род он вел от короля Людовика Святого. (*Прим. автора*).

Глава 3. РОДОСЛОВНАЯ (Продолжение)

*Для человеческого ума недоступна
совокупность причин явлений. Но
потребность отыскивать причины
вложена в душу человека.*

Лев Толстой

В словаре Брокгауза (издание 1890 года, дополнительный том) имеется довольно подробное перечисление трудов Николая Борисовича Делоне.

Родился он в 1856 году. Детство будущего ученого прошло в патриархальной Москве. Здесь он учился в классической гимназии, не оставившей особо приятных воспоминаний. Впрочем, гимназия дала Николаю Борисовичу знание «мертвых» языков; отрывки из «Илиады», уверяла Н. Н. Делоне, он помнил всю жизнь, а в Италии легко объяснялся с местными жителями, которые понимали его латынь. В 1878-м Н. Б. Делоне окончил курс на математическом отделении физико-математического факультета Московского университета. С 93-го по 95-й был приват-доцентом по кафедре механики Санкт-Петербургского университета, где в 1893 году получил степень магистра, а в следующем - доктора. В 1895 году Н. Б. Делоне был назначен ординарным профессором в сельскохозяйственный институт в Ново-Александрии по кафедре сельскохозяйственных машин. В 1900 году перешел на кафедру практической механики в политехнический институт Императора Николая II в Варшаве.

Среди его научных трудов - «Алгебраические интегралы движения твердого тела около неподвижной точки» (магистерская диссертация), «Передача вращения и механическое черчение кривых шарниро-рычажными механизмами» (докторская диссертация), «Начальное руководство к самостоятельному изучению высшей математики и механики», «Лекции по практической механике», ряд статей в специальных русских и иностранных научных изданиях. Кстати, Н. Б. Делоне - автор статей по механике в словаре Брокгауза.

Но, пожалуй, еще более известен Николай Борисович как один из пионеров русского планеризма, популяризатор авиационных знаний. С 1906 по 1928 год Н. Б. Делоне был профессором механики Киевского политехнического института, где еще до первой мировой войны построил несколько планеров-бипланов, на которых летали студенты-планеристы, в том числе и его сын Борис Николаевич, будущий академик. Николай Борисович организовал в КПИ воздухоплавательный кружок, куда однажды пришел...Сергей Павлович Королев. Ярослав Голованов в своей книжке (**Я.Голованов. «Королев», М., «Молодая гвардия», 1973**) так описывает эти события:

- Киевский политехнический - прекрасный институт...

Сергей улыбнулся : отчим сам кончил КПИ.

- Можешь обвинять меня в квасном патриотизме, - засмеялся Баланин, - но это действительно так. Отличная профессура, традиции.

- У авиации нет традиций, - буркнул Сергей.

- Не знаешь - помалкивай, - обернулся отчим. - Я сам не видел, но помню, мне рассказывали, как профессор Делоне построил планер и летал на нем со своими сыновьями, такими же сумасшедшими, как ты...

Осенью 1925 года в КПИ была организована небольшая, но весьма любопытная авиационная выставка, сразу заинтересовавшая Королева. Оказалось, что первый воздухоплавательный кружок был создан в КПИ, когда Королев только родился - в

1906 году. Его вице-председателем был тогда студент КПИ Викторян Флорианович Бобров, который к 1924 году стал ректором института. В 1909 году профессор КПИ Николай Борисович Делоне, один из талантливых учеников Николая Егоровича Жуковского, действительно построил с сыновьями балансирный планер-биплан и летал на нем. Он даже выпустил тоненькую книжку “Как построить дешевый и легкий планер и научиться летать на нем”. Делоне был заморожен публичной лекцией Жуковского, который приехал в Киев осенью 1908 года.

Далее автор описывает, как Н. Б. Делоне и В. Ф. Бобров экзаменуют детища своих питомцев.

«Все планеры вынесли на лужайку перед зданием института. Делоне совсем уже старенький, седенький, картуз натянут на самые брови, но глазки блестят по-мальчишески озорно. Он расспрашивал Яковчука о планерах, требовал точных цифр, а потом сверял их, заглядывая в записную книжицу...”

К этому времени сына профессора, Бориса Николаевича Делоне, окончившего в 1913 году Киевский университет, в городе не было, он уже сам профессорствовал в Ленинградском университете. Но в Киеве остались друзья, в том числе тоже увлекавшийся авиацией Игорь Сикорский, сын известного психиатра, а впоследствии знаменитый конструктор вертолетов. Сикорский, прославившийся в США своими винтокрылыми машинами, приезжал в Советский Союз и встречался с Б. Н. Делоне. Вспоминали, наверно, и киевскую юность...

На физико-математическом факультете Киевского университета вместе с Борисом Николаевичем учились О. Ю. Шмидт и Н. Г. Чеботарев, ставшие позднее знаменитыми учеными. Они вместе с Б. Н. Делоне занимались в алгебраическом семинаре профессора Д. А. Граве. Тогда и определилась область научных интересов Бориса Николаевича - алгебра и теория чисел. Его студенческая работа «Связь между теорией идеалов и теорией Галуа» удостоилась Большой золотой медали университета. А в 1915 году вышла его первая печатная работа, доказывавшая одну важную алгебраическую теорему...

Выйдя в 1928 году на пенсию, профессор Николай Борисович Делоне переселился к сыну в Ленинград, где в 1931 году скончался. Его жена, Надежда Александровна, дочь видного деятеля народного образования А. И. Георгиевского, пережила мужа на четверть века.

Профессором Борис Николаевич стал в 22 года. В 1929 году 39-летний математик становится членом-корреспондентом АН СССР. В 35-м, когда Академия наук переехала в Москву, перебрался в столицу и Б. Н. Делоне. Он преподает в Московском университете на механико-математическом факультете, до самой смерти трудится в Математическом институте имени Стеклова. Круг его интересов широк, увлечения разнообразны.

- Это телескоп Бориса Николаевича, - говорит Александр Сергеевич Шаров, звездный астроном, ученик и зять Б. Н. Делоне, указывая на здоровенную трубу, укрепленную на треноге и занимающую немало места в его кабинете. - После его кончины телескоп попал к нам.

Я поступил в университет в 1947 году, Борис Николаевич читал у нас лекции. Поначалу знал его лишь как профессора, который нашего брата студента сильно гонял, позднее, познакомившись с Анной Борисовной, смог узнать и оценить его лучше.

- Он был строгий преподаватель?

- Своеобразный. Не был буквоедом. Весьма интересно ставил вопросы. Иногда спрашивал: ну кто хочет получить у меня “пять”? А мог, почувствовав, что аудитория

уже притомилась, пройтись...на руках. Борис Николаевич был заядлый лыжник, любитель дальних пеших походов. Альпинист. На Алтае есть пик, носящий его имя.*

Борис Николаевич превосходно играл на фортепьяно (в репертуаре Б.Н. были Моцарт, Бах и Бетховен), недурно рисовал. Его картины были представлены на выставке “Ученые рисуют” в Центральном доме художника в Москве, а на его рояле играл Святослав Рихтер, когда только приехал в Москву и своего инструмента еще не приобрел.

Моя теща, Мария Генриховна, в девичестве Баннер-Фогт, была наполовину датчанка. Ее отец, Генрик Христианович, служил агрономом у матери Марии Генриховны, управлял ее имением. Звали ее Софьей Федоровной, фамилия - фон Веймарн, она была прапраправнучкой А.П.Ганнибала. У арапа Петра Великого было много детей, в том числе и дочь Софья Абрамовна. Она и стала прародительницей той ветви Ганнибалов, которая соединилась с родом Делоне.

Этим, впрочем, удивительные смешения национальностей не кончаются. По женской линии (Надежда Александровна по матери, второй жене А. И. Георгиевского, была грузинка) Борис Николаевич был потомком грузинских князей Дадияни...

Свою последнюю статью, озаглавленную «24 сорта кристаллических решеток», 90-летний ученый начал так:

«Когда мне было 14 лет (т.е. в 1904 году) я уже интересовался математикой. Мой отец был профессором механики Варшавского политехнического института, а выдающийся математик Вороной был профессором Варшавского университета. Как-то раз, в 1904 году, приезжает Вороной к отцу и возбужденно говорит: «Вот что оказывается, все тут линейно, это же все решает!» Я не знал, что называется линейностью, но я, кажется, все понял...» **

На даче члена-корреспондента Б. Н. Делоне в Абрамцеве с легкой руки Вадима бывало много народу. В какой-то компании Вадик познакомился с Венедиктом Ерофеевым и его женой Галиной, и как-то само собой они оказались на даче. Галина помогала по хозяйству, Венечка был тут же.

- Как относился к нему Борис Николаевич?

- Дед говорил: “Временами я, выросший в дореволюционной профессорской семье, чувствую себя рядом с ним просто дикарем!” - рассказывает двоюродный брат Вадима архитектор Сергей Шаров. - А надо сказать, дед знал литературу! Французские и немецкие книги он читал в подлинниках. Иногда дурачился. Одна из его любимых шуток: “Ну что Гоголь? Написал “Горе от ума”...” “Борис Николаевич, - говорили, стеснясь, незнакомые с его юмором, - это не Гоголь...” “Ну, тем более!” Так что Ерофеева он воспринимал очень хорошо.

- Богемность не коробила?

- А Ерофеев не был богемным. Народу, правда, приезжало немало. Дед смотрел на это сквозь пальцы - Вадик его приучил. Приходил живший по соседству Лев Копелев. Приползал (увы, чаще всего было именно так) Юрий Казаков. Бывала Белла Ахмадулина. Замечательный специалист по английской литературе В. Муравьев. Литераторы наезжали разные - от вполне приличных до совершенно неприличных.

Как относился дед к правозащитной деятельности Вадима? Сложно. Неодобрение ее проистекало из главного: его родного внука за это сажают! Сколько денег он угрохал на эти процессы! Вадим мог прийти к Борису Николаевичу и сказать: дед, нужны деньги на адвоката. Или на посылку кому-то. И дед без разговоров давал.

Как вся русская дореволюционная интеллигенция, дед придерживался левых взглядов. Он считал, что коммунистическая доктрина верна, но осуществляется варварскими методами, начиная с Ленина. Уже после Вадькиного отъезда, в последние

пять лет жизни, дед произвел полную ревизию всех своих воззрений. Из левых демократов (по дореволюционным меркам) он сильно сместился вправо. Марксистское учение расценивал уже как неверное в корне, в основе. Деятельность Вадима не осуждал, просто полагал, что это безумие. Не верил, что можно что-то изменить в стране. Между прочим, дед искренно восхищался Владимиром Буковским, который бывал в Абрамцеве. Я, впрочем, на самом деле не встречал другого такого человека, в ком так ощущалась воля; когда он входил, возникало ощущение, что тебя вдавливают в стену. Но при этом он очень милый человек, с приятной бодрой скороговоркой.

- Борис Николаевич умер в 1980 году, - продолжает Сергей, - в день открытия Олимпиады. В возрасте 87 лет он перенес тяжелый инсульт, потерял речь, но сумел заново научиться говорить. Врачи не могли поверить. В марте ему исполнилось 90. На юбилейном вечере Борис Николаевич говорил, что прожил долгую и счастливую жизнь, очень мало пришлось делать подлостей, так что и умирать не страшно.

Как-то в начале лета он отправился за город - жить не мог без длинных пеших прогулок. Вернувшись, пошел мыть сапоги, поскользнулся, сломал бедро. Его прооперировали, вставили штифт, но тут начались пролежни. Неподвижность была невыносима для человека, привыкшего постоянно и помногу двигаться. Начался сепсис. За неделю до конца я забрал его из больницы и перевез в Абрамцево. Там он и скончался, до последнего часа сохранив ясность ума...

Вадим безумно переживал смерть деда. Для нас он был центром вселенной, значил, не в обиду им будет сказано, больше, чем родители. Неважно, что мы, внуки, относились иногда к нему критически, могли посмеяться. Любишь-то не за что-то! И Ирина, жена Вадика, очень любила деда. Кстати, знаете, как вытаскивали Ирину из тюрьмы, когда она проходила по делу Красина и Якира? В отличие от них она не настроена была каяться. Вадим кинулся к деду: делай все, что возможно, спасай! И дед отправился посоветоваться к П. Л. Капице. Знакомы они были давным-давно, отношения хорошие. Помню, гуляя с дедом на Воробьевых горах, мы заходили к Петру Леонидовичу на чай. Капица сказал: Борис Николаевич, вы никого не знаете, я сам пойду к Андропову. Пошел, попросил за Ирину. Ему было обещано, что ее не будет на процессе.

- Это было обставлено какими-то условиями?

- Нет, только сказали, чтобы она не выпалась. А уж потом Вадика поставили условие: уезжай или упечем надолго. Он тянул год, очень не хотел уезжать.

Со смертью деда для Вадика многое кончилось - возвращаться стало некуда. С матерью отношения сложные. Оказалось, что главным, кто оставался здесь у Вадима, был дед. От него исходила какая-то радиация. Скажем, сижу дома усталый, измочаленный. Вдруг появляется дед - он мог запросто заскочить на полчаса - и все! Словно вкололи адреналин, опять есть силы. А всего-то посидели, попили чаю, потолковали. И так он действовал на всех...

Бориса Николаевича Делоне похоронили на Хованском кладбище, рядом с женой, Марией Генриховной. На могиле - огромный валун.

* * *

Две эти главки, углубляющиеся в историю, могут показаться лишними. Но это не так. Во-первых, существовало немало легенд, увы, ничего общего не имеющих с реальностью. Так, Вадим утверждал, что его далеким предком был комендант Бастилии. Между тем Пьер Делоне, от которого ведет свое начало русская ветвь рода, скорее всего не был родственником маркиза Делоне. Об этом не знали ни Борис

Николаевич, ни его сестра Наталья Николаевна, оставившая написанную ею историю своей жизни, где повторены эта и другие легенды. Следуя семейному преданию, Вадим сообщает в своих автобиографических заметках, что Пьер Делоне женился на дворянке Тухачевской. Очевидно, что о первом браке своего пращура (и о существующих поныне дальних родственниках во Франции) он представления не имел. Упомянул он о ранении Петра Карловича в Бородинском сражении. Однако А.С.Шаров установил, что ранен тот вовсе не был. И не увозил Елизавету Николаевну Тухачевскую, эта романтическая история - выдумка. Есть неточности и в описании жизни Бориса Петровича Делоне. Е.М. Богат сообщал: “Дед матери Марии, Борис Петрович Делоне был русским врачом и умер, получив рану под Плевной. Этот дед матери Марии в молодости похитил и увез на тройке одну из самых богатых невест - молодую графиню Софью Дмитриевну Мамонову”. Увы, здесь все неверно.

Словом, понадобились основательные архивные исследования, чтобы более или менее полно и достоверно восстановить истинные судьбы предков Вадима Делоне.

Во-вторых, историко-биографический этюд необходим для того, чтобы лучше представить себе особенности характера Вадима Делоне. Не от того ли же Бориса Петровича унаследовал он нетерпимость ко всякой несправедливости? Не гены ли Ганнибалов, грузинских и русских князей сообщили ему горячность и вспыльчивость, обаяние и жизнелюбие, благородство и доверчивость? Оценить Вадима труднее и без учета личности деда, Бориса Николаевича Делоне.

Есть и некая грустная символика в том, что Пьер Делоне умер вдали от родины и Вадим повторил его судьбу...

* Одна из красивейших вершин в массиве Белухи на Алтае называется «Пик Делоне» - по имени ее первовосходителя. Б.Н. написал книгу «Вершины Западного Кавказа», в которой описал несколько десятков основных вершин этого района. Им разработаны принципы технической классификации вершин, действующие и поныне.

** В ежегоднике «Наука и человечество», изд-во «Знание», Москва, 1981

Глава 4. ПРАЖСКАЯ ВЕСНА

*Бывают времена, когда люди принимают
коллективную вонь за единство духа.
Фазиль Искандер*

Если уж свою историю знаем из рук вон плохо, то что говорить об истории других государств? Не сомневаюсь: сегодня мало кто из 20-30-летних представляет, что происходило в Чехословакии весной и летом 68-го года и как чехословацкие события отражались на нашей советской жизни. Поэтому совершим еще одно историческое отступление. Оно, впрочем, очень важно для понимания обстановки, в которой жил и совершил свой подвиг Вадим Делоне.

В середине 60-х казалось, что сталинизм побежден, и подавление венгерской революции 56-го года, травля Бориса Пастернака, гонения на Иосифа Бродского и суд над Синявским и Даниэлем - лишь отдельные его рецидивы. В январе 68-го, когда о хрущевских сумасбродствах стали уже забывать, произошло совершенно незначительное для большинства советских граждан событие: в Чехословакии сняли партийного вожака Новотного, причем без всякого скандала, и на его место избрали Александра Дубчека. Краткое газетное сообщение, одно из череды многих. Скоро из передач “Голоса Америки”, ВВС, “Немецкой волны” и “Свободы” (каждый слушал то, что удавалось “поймать”) стало понятно, что в соседней Чехословакии к власти пришли реформаторы.

“Людей интересовали в первую очередь не политические реформы и механизмы демократии, а существо отношений между ними и политической властью, - писал один из идеологов Пражской весны Зденек Млынарж. - Сначала они лишь несмело надеялись, а затем в процессе Пражской весны поверили, что власть и правительство действительно могли бы стать их властью и правительством и что их мысли, взгляды, дела могут иметь реальный вес.”

Посол Чехии в России Лубош Добровски, с которым мне посчастливилось познакомиться летом 98-го года,* не приемлет определения «Пражская весна»:

- Беллетристическое название «социализм с человеческим лицом», как свою цель окрестили протагонисты «Пражской весны», является слишком упрощенным и, в результате, ошибочным, вводящим в заблуждение. «Пражская весна», этот в течение долгого времени спонтанно возникающий сложный общественно-политический процесс, явилась историческим шансом на постепенный отказ от социализма, на обратный возврат к традиционной европейской демократии. Это был шанс вернуть естественный государственный суверенитет, шанс отвергнуть и устранить прямой имперский великодержавный нажим, с помощью которого тогдашний Советский Союз деформировал наше чехословацкое историческое развитие при услужливом сообщничестве пользующегося все меньшей поддержкой, но тем не менее все более наглого, бесстыдного коммунистического руководства государственной власти. «Социализм с человеческим лицом» был, возможно, целью коммунистов-реформаторов, по крайней мере, менее смелых. У широкой общественности были другие цели. И если держаться этого беллетристического названия, то некоммунистам хотелось скорее «человеческого лица без социализма»...

“Послеянварская (1968 г.) политика ЦК КПЧ, Национального фронта ЧССР и чехословацкого правительства, изложенная в программе действий КПЧ, получила невиданную поддержку чехословацких трудящихся, - писал в 1989 году бывший председатель правительства ЧССР О.Черник. - Идеологическая схема периода административно-бюрократического руководства, как тяжкое наследие сталинизма, по-прежнему доминировала во всех социалистических странах Восточной Европы...далекие от жизни принципы душили новые, нетрадиционные решения, любая такая попытка или же просто поиск самостоятельных решений становились подозрительными, истолковывались как попытка ревизии принципов марксизма-ленинизма...”

Как утверждает профессор Иржи Валента, лидеры компартии Чехословакии включили свою плюралистическую концепцию социализма “с человеческим лицом” в “Программу действий”, принятую после некоторых колебаний в апреле 1968 года в качестве “Великой хартии вольностей” нового руководства Дубчека. Во внутривластной сфере она предусматривала прежде всего значительно большую степень внутривластной демократии, предоставление большей автономии государственному аппарату, другим политическим партиям и парламенту; восстановление гражданских свобод (свободы собраний и ассоциаций) и более решительное продолжение политической реабилитации; восстановление национальных прав этнических меньшинств в рамках федеративного государственного устройства; проведение экономической реформы. Вопросами экономики в новом руководстве страны занимался Ота Шик. Позднее он вспоминал: “Программа действий открыла дорогу последовательной экономической реформе и всесторонней демократизации общества. В программе было отражено значение рыночного механизма для социалистического хозяйства и самоуправления предприятий. В ней подчеркивалось, какие условия должны быть созданы, чтобы на предприятиях и в общественной жизни интересы отдельных слоев населения и отдельных социальных групп были взаимосвязаны. Для решения спорных вопросов и возможности выбора населению должны представляться различные альтернативы...” Реформаторы предлагали отказаться от административно-командных методов управления народным хозяйством, заменив их чисто экономическими рычагами. А это невозможно без большей общественной свободы. “Партийное руководство соседних социалистических стран начало называть процессы, происходящие у нас, опасными и угрожающими социализму, - писал О. Шик. - Уже первый визит Брежнева в Прагу, а также визиты других руководителей социалистических стран после смены нашего высшего руководства 22 февраля 1968 года были связаны с критикой нашего развития. То, что средства массовой информации развернули свободный обмен мнениями, так напугало этих руководителей, что без всяких доказательств они объявили об угрозе социализму. Давление на наше руководство со стороны Советского Союза возрастало день ото дня и придавало силы консерваторам.”

Коллаборанты и их московские хозяева не гнушались и провокационными фальшивками. 19 июля “Правда” сообщила, что в районе чехословацко-западногерманской границы был обнаружен “тайный склад” оружия американского производства, якобы доставленного в ЧССР для “реваншистов и сторонников реставрации старых порядков”. В том же номере газеты помещалась информация, что советские власти достали копию американского секретного плана, направленного на свержение режима в Праге. Спецслужбы Чехословакии моментально выяснили, что найденное оружие относится к временам второй мировой войны, однако упаковано в мешки...советского производства. Нажим шел по всем направлениям: московское

радио увеличивает объем вещания на Чехословакию. Проводятся военные учения Варшавского договора на территории ЧССР - и войска не торопятся выводить. “Интурист” отменил поездки советских туристов в Чехословакию, тем не менее туда потоком хлынули туристы иного рода - агенты КГБ. Чехословацкие газеты исчезли из киосков “Союзпечати” за неделю до вторжения, впрочем, некоторые из них, например, “Литерарны листы”, у нас и не продавались. Как пишет И. Валента, советские интеллектуалы знакомились с выступлениями чехословацких реформистских лидеров через “Хронику текущих событий”, точнее - через самиздат. Академик А. Д. Сахаров настаивал, чтобы советские вожди позаимствовали некоторые идеи чехословацких реформаторских программ, в частности, подготовили закон об отмене цензуры.

“Тогдашнее советское руководство и его ближайшие союзники утверждали ею (“доктриной Брежнева”) за собой неоспоримое право и обязанность решать, что соответствует интересам социализма, что им угрожает, и защищать эти интересы в любой стране всеми имеющимися в их распоряжении средствами”, - так комментировал двадцать лет спустя чехословацкие события Виктор Шейнис в газете “Известия”.

Так что же особенно раздражало Кремль? З. Млынарж считает: “Самым большим грехом Дубчека было то, что он постоянно преподносил Москве сюрпризы. Он назначал секретарей ЦК и министров без согласования кандидатур с Москвой. Позднее Брежнев в открытую упрекал его в этом. Для Брежнева именно своеволие в кадровых перемещениях в Праге было первым признаком “контрреволюционной угрозы”. Впрочем, по утверждению пражских реформаторов, перемены происходили медленно, нерешительно, и все больший размах приобретала инициатива “снизу”.

“Общественность не могла ждать, - цитирую того же З. Млынаржа, - пока закончится борьба за кресла министров и секретарей ЦК, и годами заглушаемые противоречия вырвались на поверхность. Концепции демократической реформы из-за отсутствия должной инициативы руководства КПЧ стали рождаться помимо его воли и влияния: в печати, на радио, телевидении, на разных митингах и собраниях.”

Происходило неслыханное: пресса, ТВ и радио сбросили оковы цензуры, бурлящим потоком полилась свободная речь - и никого не увольняли, не сажали! Лидер компартии запросто встречался с людьми, отвечал на самые каверзные вопросы. Как ни смешно сегодня звучит, забрезжил тогда “социализм с человеческим лицом”, то есть какая-то более динамичная, гуманная модель общественного устройства, что на фоне нашей заскорузлости вызывало искреннее восхищение. Импонировал и предводитель чехословацких коммунистов.

“Политический вес Александра Дубчека за эти месяцы возрос с головокружительной быстротой, - вспоминал З. Млынарж, - что было неожиданным и для него самого, и для его окружения, и, несомненно, для Кремля. И действительно, было чему удивляться: первый секретарь компартии, которая на протяжении двадцати лет проводила в стране диктаторскую политику, стал харизматическим лидером народного движения за демократию и гуманизм... После десятилетий господства цинизма и лицемерия искренность Дубчека была особенно притягательной в глазах народа, для которого чистая человеческая вера являлась ценностью уже сама по себе.”

В Кремле царили беспокойство и раздражение. Советская пресса начала массированную атаку на “ревизионистов и контрреволюционеров”: как из дырявого мешка посыпались коллективные письма трудящихся, инспирированные партийными комитетами, и демагогические резолюции. Характерен рассказ Ота Шика о встрече с советскими высшими военными чинами.

“Советский генералитет, находившийся в Праге с 17 по 22 мая, настаивал на встрече с нашим правительством. Мне это напоминало английских офицеров, которые в период колониализма призывали пред свои очи туземных вождей. Сейчас здесь сидели маршалы Гречко, Епишев, Якубовский и другие, фамилий которых я уже не помню. Как же Черник и другие министры старались произвести хорошее впечатление на эту военную верхушку и ублажить их! С некоторыми из них я хотел поговорить, но они только допытывались, кто из нас чем занимается и где находился во время войны. Это в действительности означало, что нас вызвали на ковер и выговаривали нам. Неужели мы и вправду только колония? Через полчаса мне все это надоело, и, хотя это было и недипломатично, я попросту взял и ушел.”

А военные приготовления шли полным ходом.

“Летом 1968 года меня, молодого офицера, занесла военная судьба в Карпаты на границу с братской социалистической Чехословакией, - не без иронии писал Виктор Суворов в книге “День М”. - Контрреволюция душила страну, и нашей доблестной Советской Армии надо было вмешаться и народу братскому помочь...Неделю в лесах ждем, другую. Месяц ждем, другой ждем. А дело уже к августу клонится. Надоело в лесах. Или бы одно решение наши вожди приняли, или другое: или вернули бы наши дивизии в лагеря и военные городки, или дали бы приказ оказать интернациональную помощь братскому народу...” Знаком того, что вторжение скоро состоится, стал привоз тысяч пар...кожаных сапог, ибо негоже освободителям топтать по Европе в кирзачах.

Нашлись и в чехословацком руководстве скрытые или явные ставленники Кремля, которые тайно сговаривались с московскими хозяевами. А тут еще писатель Людвиг Вацулик опубликовал сразу в нескольких газетах манифест “Две тысячи слов”, который подписали видные деятели культуры, науки, спортсмены, коммунисты и беспартийные. В нем выражалась тревога за судьбу реформ, которые тормозятся с благословения Кремля высокопоставленными промосковскими деятелями. Авторы документа предвидели возможность интервенции, и это вызвало страшную ярость в Москве. Ультиматум собравшихся в Варшаве коммунистических вождей, переговоры в Чиерне над Тисой, - тучи сгущались.

Упомянутый уже Виктор Суворов, участвовавший в “освободительной” операции, рассказывает, как она готовилась. Были сформированы Прикарпатский и Центральный фронты. Прикарпатский фронт был создан на основе управления и войск Прикарпатского военного округа и нескольких польских дивизий. Командующим Прикарпатским фронтом назначили генерал-полковника Бисярина. В состав фронта вошли четыре армии: 13-я, 38-я, 8-я гвардейская танковая и 57-я воздушная. В тот же день 8-я танковая и часть сил 13-й начали перемещение на территории Южной Польши, где в их состав дополнительно включили польские дивизии. Центральным фронтом командовал генерал-полковник Майоров. Фронт был сформирован на основе управления Прибалтийского военного округа с включением в него войск Прибалтийского военного округа, ГСВГ и СГВ, а также отдельных польских и восточногерманских дивизий. Центральный фронт имел стандартную организацию и был развернут в ГДР и Польше, в его состав также входили четыре армии: 11-я и 20-я гвардейские, 4-я гвардейская танковая и 37-я воздушная. Много позже, пишет В. Суворов, я узнал о том, что один фронт был также развернут в Венгрии, но этот фронт в Чехословакию не входил, а только прикрывал действующую группировку. Кроме Южного фронта на территории Венгрии была развернута оперативная группа “Балатон” - она в Чехословакию вошла. Утром 19 августа офицерам был зачитан секретный приказ о формировании главного командования “Дунай”. Главнокомандующим был назначен генерал армии Павловский, чью ставку развернули

где-то на юге Польши. В первый день операции для обеспечения высадки десантных дивизий в распоряжение главного командования “Дунай” выделялись пять дивизий военно-транспортной авиации. Боевую тревогу, продолжает автор “Освободителя”, нашему полку объявили в 23.00. По каналам закрытой связи всем фронтам, армиям, дивизиям, бригадам, полкам и батальонам был передан сигнал: “А ТЕПЕРЬ НАШЕ ВРЕМЯ”.

“Задним числом все, что печаталось в газетах от 21 августа 1968-го, казалось символичным, - замечают П. Вайль и А. Генис. - Синоптики обещали для Москвы переменную облачность, но в западных районах СССР - ближе к границе - тучи сгущались. Вторая программа Центрального телевидения демонстрировала фильм “Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен”. Институт марксизма-ленинизма рапортовал о завершении работы над полным собранием сочинений В. И. Ленина. “Литературная газета” опубликовала отрывок из романа Н. Задорнова под названием “Конец вольницы”. 21 августа 1968 года - года, который Организация Объединенных Наций посвятила правам человека, а геофизики объявили годом активного Солнца, в Советском Союзе досрочно закончились шестидесятые и начались - никакие.”

21 августа появившаяся с большим опозданием в киосках и почтовых ящиках газета “Правда” опубликовала Заявление ТАСС.

“Партийные и государственные деятели Чехословацкой Социалистической Республики, говорилось в нем, обратились к Советскому Союзу с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами. Это обращение вызвано угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю и установленной конституцией государственности со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами”.

В Праге же происходило вот что. “Двери кабинета Дубчека распахнулись неожиданно, и внутрь прямо ворвались семь или восемь солдат, которые нас тут же окружили и, встав за большим столом, направили автоматы в наши затылки. За ними появились два офицера...- вспоминал Зденек Млынарж. - Кто-то, по-моему, Дубчек, что-то сказал, и полковник заголосил: “Не разговаривать! Молчать! По-чешски не говорить!”

Тем временем в Праге открылся XIУ чрезвычайный съезд КПЧ, обратившийся к коммунистическим партиям всего мира.

“Накануне этого съезда, говорилось в обращении, войска СССР, ПНР, НРБ, ГДР и ВНР без каких-либо поводов и без согласия законных правительственных и партийных органов, против воли нашего народа насильственно захватили нашу территорию, вызвали в стране беспорядок, сделали и делают невозможным продолжение начатого пути. Мы стоим перед горькой правдой: войска государств, в которых мы привыкли видеть друзей, ведут себя как оккупанты. Конституционные органы нашего государства и представители партии не могут продолжать выполнение своих функций. Они не имеют возможности обсудить возникшую ситуацию в нормальных конституционных формах. Они не имеют никакого доступа к средствам связи. Видные руководители интернированы...”

Думаю, тогда мало кто знал, что решение о военном вторжении в Чехословакию было принято в Москве...12 апреля 1968 года. Об этом написал в недавно вышедшей книге «Вторжение. Чехословакия. 1968» непосредственный участник и руководитель

акции - Александр Майоров. 12 апреля его, командующего 38-й армией, вызвал командующий войсками Прикарпатского округа генерал-полковник В. Бисярин.

«Передо мной лежала карта масштаба 1:500000. Я прочел крупно написанное: «Карта-приказ...» И далее, ниже заголовка, также тушью, но мелким каллиграфическим почерком было написано: «...на вторжение 38-й армии в ЧССР с целью подавления, а при необходимости и уничтожения контрреволюции на ее территории». Карта-приказ, подписанная министром обороны Гречко и начальником Генштаба Захаровым, была высочайше утверждена Брежневым... Проведя три месяца в Чехословакии в ходе учений, А.М. Майоров докладывал Брежневу обстановку в этой стране и свой прогноз ее развития:

« - В одно прекрасное утро, Леонид Ильич, под Чопом, Мукачево, Ужгородом могут быть выброшены 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии войск НАТО. А через всю Чехию и Словакию на максимальных скоростях пойдут к ним на соединение пятый и седьмой армейские корпуса США и первый и второй армейские корпуса ФРГ. Нам известно: маневры войск НАТО намечены на начало сентября...А в ночь перед выброской воздушных десантов будет сформировано марионеточное правительство Чехословакии. Оно объявит о нейтралитете, о выходе из Варшавского договора, обратится с просьбой к НАТО - защитить страну от советского вторжения...»

Вскоре после оккупации ЧССР А. Майоров был назначен командующим Центральной группой войск и ревностно выполнял приказы из Москвы, нередко проявляя собственную инициативу. Пепел Яна Палаха** не стучал в его сердце...

В Москве представители Демократического движения спорили, что следует предпринять. «Помню, что накануне очень долго обсуждалась целесообразность этой акции, - рассказывает Юлий Ким, имея в виду акцию протеста на Красной площади, - и, грешен, но я принял очень горячее участие в том, чтобы удержать друзей от демонстрации. Я осаждал Ларису Иосифовну Богораз, она долго и внимательно, из уважения, как я понимаю, ко мне, выслушивала все доводы против и, наконец, как бы согласилась. Я так понимаю - чтобы быстрее от меня отвязаться. Что касается Вадика - он знал об этой акции, но не был в Москве «.

- Они знали, что это кончится арестом, - говорит Николай Борисович Делоне, - и ему советовали...

- Идти?

- Не идти.

- Его отговаривал Ким?

- Ну, Юлик-то точно. Но еще, по-моему, Якир. Ну, тут я не знаю. Почему они его отговаривали? По самой простой причине. Он уже был судим. Ясно было, что в следующий раз для него уже будет безусловный срок. Но он на это ответил: я хочу показать, что я не боюсь. Это было осознанное донкихотство...

Отговаривал не только Ю. Ким. Н. Горбаневская утверждает: о демонстрации знало несколько десятков человек, и среди них нашлись еще отговаривавшие, даже в последнюю ночь, в том числе Валерий Чалидзе.

- Это был человек удивительный, - говорит о Вадиме Юлий Ким, - неотразимого обаяния, с широкой улыбкой. Тем более удивительно, что этот парень, сочинявший стихи, - правда, к этому делу он сызмала относился серьезно, - избалованный вниманием друзей и девушек, оказался в рядах диссидентов, рискнул своей свободой, всем своим благополучием и пошел на это прямо, сознательно. И достойно прошел и суд, и расправу. В сущности, это, конечно, подвиг.

“Мне, например, известно, что в Институте русского языка АН СССР “братскую помощь” Чехословакии осудили три младших научных сотрудника - А. Н. Булатова, Л. П. Касаткин и К. И. Бабицкий, а еще трое воздержались при голосовании, - писал в “Юности” Юрий Зерчанинов. - В начале семидесятых в институт пришел новый директор, Филин, и избавился сначала от Касаткина, а затем выпроводил на пенсию и Булатову. Что же касается незаурядного лингвиста Константина Бабицкого, то его судьба драматична. На том собрании в институте он сказал: “Родина - мать. Ее не выбирают. Но сегодня мне стыдно, что я гражданин Советского Союза”.

“ - Когда Брежнев ввел войска в Чехословакию, - сказал Генрих Алтунян, - он весь народ взял в подельники. Во всех учреждениях проводились собрания: кто за то, что правильно ввели? Лес рук. Кто против? Никого. Вот и хорошо, весь народ “за”. Однажды на кухню Петра Григорьевича (Григоренко. - Ю.К.) пришел какой-то возбужденный человек: “Петр Григорьевич, на весь Ленинский район Москвы нашлось только три человека, которые на всех этих митингах и собраниях выступили против!” Тут встал этот громадный человек, вы помните Григоренко, и говорит: “Как всего три? Целых три человека! О которых мы не знаем! Вы представляете, на заводе Лихачева идет собрание. Кто за? Тысячи рук. Кто против? ...И человек поднимает руку. Это же герои! Как вы можете говорить “всего три”? Целых три человека!” (цитирую статью Э.Поляновского “Мятежный генерал” в “Известиях”, 31 марта 1994 г.).

Те события описал и Александр Солженицын.

“Счастливей того лета придумать было нельзя - с такой легкой душой так быстро доделывал я роман. Счастливей бы не было, если б - не Чехословакия...Считая *наших* не окончательными безумцами, я думал - они на оккупацию не пойдут. В ста метрах от моей дачи (село Рождество на границе Московской и Калужской областей. - Ю.К.) сутки за сутками лились по шоссе на юг танки, грузовики, спецмашины, - я все считал, что наши только пугают, маневры. А они - вступили и успешно раздавили...Сердце хотело одного - написать коротко, видоизменить Герцена: **стыдно быть советским!** в этих трех словах - весь вывод из Чехословакии, да вывод из наших всех пятидесяти лет! Бумага сразу сложилась. Подошвы горели - бежать, ехать. И уже машину я заводил...”

Прикидывал А.И. объехать академика Капицу, Шостаковича, Сахарова да еще Ростроповича и предложить им ту бумагу подписать. Но рассудил, что ученые и музыканты отлившийся текст захотят исказить, переиначить. Значит - подписывать одному. Но на столе неоконченные произведения, в голове - неначатые, а в этом угаре придавят строптивного писателя, и конец всем планам. И А.И. смолчал, - “тем постыдней, что за Чехословакию была у меня и особая личная ответственность: все признают, что у них **началось** с писательского съезда, а он - с моего письма...”

В эти же дни Солженицын впервые встретился с Сахаровым. “Это было, - пишет А.И., - через неделю после оккупации Чехословакии и через три дня после демонстрации семерых на Красной площади. У себя в Рождестве я слышал все по радио, но живых подробностей московской демонстрации не знал”. Эти подробности писателю рассказала тогда же его будущая жена Н.Д. Светлова: “Оказалось, тесна с ними, с Движением, и двое участников - ее друзья...”

Александр Исаевичу, возможно, тогда не довелось слышать слова правоверного советского писателя А. Первенцева: «Прежде чем вводить танки в Чехословакию, их надо было ввести в «Новый мир».

Интересно, как запечатлел происходившее в своем дневнике Корней Иванович Чуковский. 11 января 68-го он записывает: “Таня опять: написала негодующее письмо

в “Известия” по поводу суда над четырьмя и опять стремилась прорваться в судебную залу вместе со своим племянником Павлом (Литвиновым. - Ю.К.). Мне кажется, это - предекабристское движение, начало жертвенных подвигов русской интеллигенции, которые превратят русскую историю в расширяющийся кровавый поток. Это только начало, только ручеек. Любопытен генерал Григоренко - типичный представитель 60-х годов прошлого века. И тогда были свои генералы. Интересно, ширится ли армия протестантов, или их всего 12 человек: Таня, Павлик, Григоренко, Кома Иванов*** - и обчелся.

Павлик вручил иностранным корреспондентам вполне открыто свое заявление, что нужно судить судей, инсценировавших суд над четырьмя, что Добровольский предатель, что все приговоры были предрешены, что весь зал был заполнен агентами ГПУ - и это заявление вместе с ним подписала жена Даниэля (Л.И.Богораз. - Ю.К.)...”

27 сентября Корней Иванович записывает: “Вчера была поэтесса двадцати одного года. ...Я спросил, есть ли у нее в институте товарищи. Она ответила:

- Были у меня товарищи - “ребята” (теперь это значит юноши), но всех их прогнали.

- Куда? За что?

- Они не голосовали за наше вторжение в Чехословакию.

- Только за это?

- Да. Это были самые талантливые наши студенты.

И это сделано во всех институтах...”

Утром 29 июля 68-го года арестовали - за “нарушение паспортного режима” - правозащитника Анатолия Марченко. Незадолго до ареста он отправил по почте “Открытое письмо чехословацким газетам”. В нем говорилось: “Я внимательно (насколько это возможно в нашей стране) слежу за событиями в Чехословакии и не могу спокойно и равнодушно относиться к той реакции, которую вызывают эти события в нашей печати. На протяжении полугода...газеты стремятся дезинформировать общественное мнение нашей страны и в то же время дезинформировать мировое общественное мнение об отношении нашего народа к этим событиям. Позицию партийного руководства газеты представляют как позицию всего населения - даже единодушную. Стоило только Брежневу навесить на современное развитие Чехословакии ярлыки “происки империализма”, “угроза социализму”, “наступление антисоциалистических элементов” и т.п. - и тут же вся пресса, все резолюции дружным хором подхватили эти же выражения, хотя наш народ сегодня, как и полгода назад, ничего по существу не знает о настоящем положении дел в Чехословакии.”

В начале года на даче, которую снимал друг П. Григоренко Алексей Костерин, собрались правозащитники: преподаватель физики Павел Литвинов, филолог Лариса Богораз, экономист Виктор Красин, историк Петр Якир, поэт Наталья Горбаневская и, конечно, Петр Григоренко. Они обсудили возможность выпуска информационного бюллетеня. А уже 30 апреля распространялись первые экземпляры “Хроники текущих событий”. В течение двух лет ее вела Наталья Горбаневская, потом эстафету подхватывали многие другие, по мере того, как госбезопасность арестовывала помощников и распространителей бюллетеня.

Наталья Горбаневская внесла уточнения, которые считаю необходимым привести полностью.

“О том, что информационный бюллетень нужен, говорилось множество раз, в том числе, вероятно, и на этой встрече в Долгопрудном, где народу было не меньше, а то и намного больше 30 человек. Красин любил быть “лидером” (большинство из нас самой

идеи “лидерства” на дух не принимали) и запоминал события так, чтобы в них была видна его ведущая роль. Если уж говорить о “решении”, то был разговор у Юлика Кима и Иры Якир, где были, по-моему, еще Габай и Литвинов, и я сказала что-то вроде: “Ребята, ну давайте я возьмусь...” - и они дали свое “добро”. Слова “Хроника текущих событий” мы слышали каждый день в передачах Би-Би-Си, так что название тоже не придумал Красин, тем более что в первые два года это было не заглавие, а подзаголовок: в 68-м году “Хроника” называлась “Год прав человека в Советском союзе”, в 69-м - с тем же ироническим оттенком - “Год прав человека в Советском Союзе продолжается”. В 70-м, уже без меня, ХТС стало заглавием, а наверху, над заголовком, вроде лозунга, - “Борьба за права человека в Советском Союзе продолжается”. И кстати, встреча в Долгопрудном (мы потом с Ильей Габаем, уже после наших отсидок, все выясняли, что это было: сходка под видом пьянки или пьянка под видом сходки, - и решили, что несомненно второе) была не на даче, которую снимал Костерин, а у какого-то их с П.Г. друга.

Я вела “Хронику” не два года - разве что два календарных года, потому что 24 декабря 69-го была арестована. И то: 3-й номер выпускала не я: уходя на демонстрацию, я отдала подготовленные материалы; 10-й номер я не доделала до конца, потому что уезжала навестить в ссылке Литвинова и Богораз, отдала практически готовый выпуск Якиру, но он ухитрился туда что-то вставить совсем не в стиле “Хроники”; для 11-го, датированного 31 декабря 69-го, я успела только собрать материалы, чудом не взятые на обыске и попавшие к Ире Якир (уходя и целуясь на прощанье, успела ей шепнуть, где они, и больше двух лет не знала, действительно ли они остались целы, потому что у меня взяли мешок бумаг без протокола).»

В третьем выпуске 68-го года “Хроника” сообщала: “29 июля в посольство Чехословакии было передано письмо пяти советских коммунистов с одобрением нового курса КПЧ и осуждением советского давления на ЧССР. Письмо подписали П.Григоренко, А.Костерин, В.Павлинчук, С.Писарев и И.Яхимович.”

21 августа состоялся суд над Анатолием Марченко. Приговор - год лагерей.

Об интервенции Марченко узнал уже в камере. “Ночью почти не спал, - писал он позднее, - ждал утра - последних известий по радио и газеты...Были бои или Дубчек сдался без сопротивления? А вдруг там началась такая же резня, как в Венгрии в 1956 году?”

* * *

Но это было позднее. А осенью 67-го Вадим, выйдя за ворота Лефортовской тюрьмы, отправился в Новосибирск, где в Академгородке жил и работал ученик его деда академик Александр Данилович Александров, в недавнем прошлом ректор Ленинградского университета. В бытность ректором Александр Данилович не поладил с обкомовским начальством, пришлось уйти, чем он был огорчен, так как не осуществились его планы реформирования университета, включавшие создание особого университетского самоуправяемого городка. Академик поселил Вадима у себя в коттедже, ходатайствовал о приеме его в университет.

- В начале 30-х годов я был в Ленинградском университете его (Б.Н.Делоне. - Ю.К.) учеником и был принят у него без малого как член семьи - “старший сын”; и когда Борис Николаевич переехал в Москву, я, бывая в Москве, останавливался в их доме (до 50-х годов, но тесные отношения сохранились - отсюда истоки моей связи с Вадимом), - вспоминал Александр Данилович. - В то время - это был 1967 год - мы с женой Марианной Леонидовной, десятилетним сыном и школьной подружкой дочери

жили в Новосибирске, в Академгородке, в коттедже на краю леса. Мне удалось устроить Вадима в Новосибирский университет, и он поселился у нас как член семьи. Однако в университете он толком не занимался. Наши попытки повлиять на него были довольно безуспешными. Несмотря на это мы жили мирно; многое обсуждали: проект поэмы о Галилее (против пошедшего тогда от Брехта его умаления), брошюру, которую я писал на темы морали, мою статью в “Новом мире”, заголовок которой - “Раз уж заговорили о науке” - он предложил, и другое. Вадим был добрым, озлобления в нем не было, но в душе его лежала тяжесть. Как-то жена провожала его утром, чтобы он шел вовремя в университет, а он едва двигался. На ее замечание он ответил: “У меня душа тяжелая”. Над ним тяготело сознание, что его товарищ Буковский в заключении, а он на свободе.

Спустя годы Вадим с юмором вспоминал учебу в Новосибирском университете. “Ко мне с этими стихами на древнегреческом, - писал он деду из Парижа, - все приставала одна дама, преподававшая латынь, но и греческий знавшая. Она почему-то считала, что всякий великий поэт обязан в совершенстве знать Овидия и Сафо в подлинниках, и на этом основании не желала ставить мне зачеты. Спасло меня лишь то, что своевременно был я направлен изучать сибирские и народные диалекты в Тюмень (Вадим имел в виду три года, которые он отбывал в исправительно-трудовом лагере в Тюмени. - Ю.К.), а то бы так и застрял до сих пор на древних греках...”

В дни суда над Галансковым и Гинзбургом на стенах новосибирского Академгородка появились лозунги: “Честность - преступление”, “Советское законодательство равно фашистскому”. Знаменательно, что в тщательно контролируемом КГБ закрытом Академгородке виновных так и не нашли.

“В этот сказочный период власти не могли запретить бесчисленные вечера, на которых читались неподцензурные стихи, выступали барды. Тогда в первый и последний раз перед такой широкой аудиторией на своей родине свободно пел Александр Галич. Над клубом Академгородка красовался двусмысленный плакат: “Поэты! Вас ждет Сибирь!” - так вспоминал Вадим о времени своего пребывания в новосибирском добровольном изгнании.

В 68-м в Новосибирск отправился бард, московский приятель Вадима Владимир Бережков.

- Мы прилетели с Толей Ивановым, - рассказывает В.Б., - это мой друг художник, он писал и песни, теперь живет в США. Дорогой мечтали, как выйдем в тайгу, выпьем бутылку портвейна. Но как только я попал в клуб - или Дворец культуры? - первое, что вижу: под лестницей стоят Вадик Делоне и Галич, распивают водку.

(Именно тогда родилось посвященное Александру Галичу стихотворение:

*Мы заботами заболочены,
Очертила нас четко очередь,
И не хочется быть за бортом нам,
В Дон-Кихоты идти не хочется.
...Вот и кинулся он, вот и бросился
В безнадежный бой и неравный,
Хоть и волосы не без проседи
И здоровышко в неисправности...)*

Вадик жил в двухэтажном особнячке академика Александрова, окруженном соснами, с кусочком тайги на участке, - продолжает В.Бережков. - Комната Вадика была на втором этаже. В тот момент он пытался учиться в новосибирском университете. Там мы возобновили нашу дружбу...

Несколько месяцев спустя на суде Вадим объяснил, почему бросил учебу. «Я поступил туда по настойчивому совету родных; языкознание как профессия меня не устраивало; кроме того, в мае 68-го я был в Москве и узнал, что потерял московскую прописку. Потом была статья про меня в «Вечернем Новосибирске», мягко говоря, очень тенденциозная. После этого мне стало неудобно там оставаться...»

Действительно, продолжать разбрасывать листовки, вывешивать дерзкие лозунги и вести вольнодумные разговоры, не рискуя навлечь неприятности на тех, кто его пригрел, было нельзя, и Вадим вернулся в Москву.

В столице жили событиями Пражской весны, жадно ловили каждое известие из Чехословакии, разговоры на кухнях вели только об этом...

* В июле 1998 года я отнес эту рукопись в посольство Чехии в Москве в качестве дара президенту В. Гавелу. Буквально на следующий день со мной беседовал господин Лубош Добровски. Не стану пересказывать все то лестное, что услышал о своей работе. Посол заметил, что рукопись нужно издать в Чехии.

В сентябре господин Добровски сообщил: «Вашу книгу я передал руководителю канцелярии Президента Чешской Республики с подробным рассказом об авторе. Мне сказали, что президент Гавел принял книгу с благодарностью...»

Увы, больше вестей из Чехии не поступало. Слишком далеко отступили, похоже, события 30-летней давности. (*Прим. автора*).

** Ян Палах - пражский студент. Акт его самоожжения в знак протеста против оккупации Чехословакии имел большой резонанс.

*** Кома Иванов - Вячеслав Всеволодович Иванов (р.1929), филолог, переводчик, сын Т. В. и Вс. В. Ивановых.

Глава 5. ЗА ВАШУ И НАШУ СВОБОДУ!

*У нас созданя веками какой-то еще нигде не
виданный высший культурный тип, которого
нет в целом мире, - тип всемирного боления за
всех. Это - тип русский.
Ф. М. Достоевский*

Попробуем восстановить события того августовского дня тридцатилетней давности. 25 августа 1968 года, воскресенье. Вадим ночевал на даче в Абрамцево. Он намеревался с утра отправиться в Москву - отвезти кому-то какую-то книгу, - такое объяснение было придумано для родных. Просил брата разбудить пораньше. В назначенное время Миша принялся тормошить Вадима, тот никак не хотел просыпаться. Но Миша, пообещав, проявил настойчивость и, наконец, Вадим поднялся и нехотя, полусонный, двинулся на станцию. По другим сведениям, тетушка Анна Борисовна дала Вадиму будильник, чтобы он не потревожил остальных. А поводом для раннего отъезда была встреча с кем-то на предмет устройства на работу...

Из Абрамцево электричкой - не больше часа езды. Что он делал, о чем думал в вагоне - глядел на подмосковные пейзажи, проносившиеся мимо дачные поселки? А может быть, читал ту книгу, что вез? Едва ли. Надо полагать, предстоящее слишком захватывало и волновало. И потому скорее всего смотрел он в окно, понимая, что снова эти места увидит не скоро...

С Ярославского вокзала Вадиму нужно было попасть на Автозаводскую, и он спустился в метро. Летним воскресным днем в подземке не тесно. Через полчаса он вышел из единственного тогда вестибюля на Автозаводской, свернул направо, идти всего ничего. Старый лифт медленно тащится на девятый этаж. Звонок.

- Вадик приехал в воскресенье утром сюда, в эту квартиру, - вспоминал Юлий Ким, - где я был один, и сразу же спросил меня: **пошли ли они на площадь**. Я знал, что пошли, скрывать было нечего. Попытался его немножко придержать, но он посмотрел на меня и, улыбаясь скорее грустно, чем весело, сказал со своим замечательным “эр”: “Старик, через три года увидимся...”

Просто так сказал, без аффектации. Ибо заранее знал, что по 190-й статье получит именно такой срок, да и тот, условный, прежний, висел на нем. Знал доподлинно, но никакие уговоры и увещания не действовали. И потому без колебаний зашагал обратно к метро.

До площади Свердлова доехал за четверть часа, не более. Мельком глянул на гостиницу “Москва”, быстрым шагом мимо музея Ленина, вверх по Историческому проезду. И вот уже он идет по Красной площади. Думаю, маршрут его был именно такой. Ну а если даже ошибаюсь - вдруг Вадим подъехал на такси? Это ничего не меняет. К тому же по Красной площади движения транспорта тогда уже не было. Так что все-таки к Лобному месту (есть указания и в воспоминаниях Н. Горбаневской) Вадим шел пешком через площадь.

Зеваки и экскурсанты на площади, верно, думали: статный красавец спешит на свидание. А он, видя как стрелки курантов неумолимо приближаются к 12, думал, сдерживая учащенное дыхание: вот сейчас, вот сейчас! А может быть, вспомнились Вадиму его собственные строчки:

*Русь в семнадцатом черту продали
За уродливый Мавзолей.*

Могут меня упрекнуть: и думал-де о другом, и дело было иначе, нафантазировал автор. Как было в действительности, теперь уже вряд ли кто скажет. Дело-то не в нюансах. Самое поразительное, непостижимое - что только семеро (это из многомиллионной страны!), и среди них две женщины, вышли тогда к Лобному месту. Впрочем, на самом деле на демонстрацию вышло восемь человек - восьмой была Татьяна Баева. “Но обстоятельства сложились так, - пишет Н.Горбаневская, - что в легенде удержалась цифра 7. Собственно, я - вторая после самой Татки - в этом виновата...”

Не сомневаюсь, симпатии многих в то лето были на стороне Чехословакии, не прислушавшейся к окрикам “старшего брата”. Но все мы, несогласные, в лучшем случае слушали “вражеские голоса” и молча держали фигу в кармане. Да судили-рядили на кухнях - посмеют оккупировать или нет? А эти семеро - самым юным был Вадим, ему не исполнился еще 21 год - двинулись к Спасским воротам протестовать.

“Это было совсем не просто, - говорит Владимир Дремлюга, подельник Вадима по демонстрации 25 августа, получивший тот же срок. - Меня уже “пасли” днем и ночью. Слева один, справа другой, и ты между ними, как в тисках. Ведут до “передаточного пункта”, а он был на каждой станции метро, на каждой площади, и обрабатывают: если не уедешь из города, кости переломаем, ноги выдернем...Постоянные угрозы в течение двух часов. А потом, оглянуться не успеешь, - неподалеку уже двое новых: “Володя, ты же неплохой парень, какого черта лезешь в это дерьмо? Брось все, поезжай за город, отдохни...”

Ближе к утру я оторвал кусок простыни, написал на нем краской: “Да здравствует Дубчек! Долой оккупантов!”, спрятал под рубашку, нашел в УК РСФСР статью 190-3 (до трех лет лишения свободы), подчеркнул ногтем и ушел из дома. Уже светало...Я шел на площадь ради суда. Я хотел, чтобы нас услышали, хотел там выступить с последним словом, которое готовил на протяжении всего следствия. Хотел говорить об унижении, когда кто-то, например, Брежнев, решает, что мне читать, как жить. Но говорить мне не дали”.

Страна единодушно одобряла “оказание братской помощи” Чехословакии. В прессе и по радио выступили герой соцтруда А. Адылов (прогремевший впоследствии откровенной уголовщиной) из Узбекистана, народный поэт Белоруссии Петрусь Бровка, народный артист СССР режиссер Сергей Герасимов, литераторы Л. Татьяничева, Б. Кербабаев, И. Винниченко, Г. Марков, народный поэт Латвии Ян Судрабкалн, а также бесчисленные шлифовщики, слесари, фрезеровщики, наладчики, передовики производства и труженики полей, доярки и оленеводы. Механизм этого спектакля известен: звонят из райкома в первичную парторганизацию - подготовьте, мол, отклики, да чтобы были женщины, беспартийные, представители молодежи. Если есть - то герой соцтруда. И пошла писать губерния! А передовикам и оленеводам, в сущности, было глубоко безразлично, чью там землю топчет советский сапог и чьи мостовые утюжат краснорозетные танки. За полвека думать отучили. С кандидатами, делегатами и депутатами, образованщиной нашей, и того проще. Прикрикнули: нужна ваша подпись, необходима. А иначе - сами знаете. Страшно - защитить диссертацию не дадут, в загранкомандировку не пустят, набор книги рассыпят, из очереди на квартиру выкинут. И подписывали.

“Стыды. Не ходил на Красную площадь с теми, семерыми, против наших танков в Чехословакии, - писал драматург Александр Володин в “Записках несерьезного человека”. - Описываю случай. Я был в Ленинградском доме ВТО. и там не очень знакомая женщина сказала, что она хочет есть, а денег нет. А у меня в кармане пиджака были. И я сказал: “Пойдем напротив в ресторан, там поедим”. Конец цитаты. А это как раз было, когда наши танки вошли в Чехословакию. А я Чехословакию люблю за фильмы, которые все время в Америке получали “Оскар”. И вот я сильно напился, и встал, и обернулся к залу, и во всю глотку: “Стукачи, выньте карандаши и блокноты! Я за свободу демократии и Чехословакию!” И все стали смотреть на меня, но никто не вынимал карандаши...”

Можно, конечно, и так. Эти семеро знали: едва ли услышат, не поддержат - это уж точно, арестуют. Но не могли молчать, как не смолчал когда-то Толстой.

“Я подошла к Лобному месту со стороны ГУМа, с площади подошли Павел, Лариса, еще несколько человек. Начали бить часы. Не на первом и не на роковом последнем, а на каком-то случайном из двенадцати ударов, а может быть и между ударами демонстрация началась, - вспоминала Наталья Горбаневская. - В несколько секунд были развернуты все четыре плаката и совсем в одно и то же мгновение мы сели на тротуар.”

- Все произошло очень быстро, - рассказывал впоследствии Вадим. - Сначала мы слышали резкий свисток, потом со всех сторон набежали и ринулись к нам кагебешники в штатском. Мы оставались сидеть - и тогда, когда они набросились на нас, и тогда, когда орал “жидовские свиньи”, и тогда, когда они стали избивать Виктора Файнберга, вышибив ему передние зубы. Мы не защищались...

В обвинительном заключении потом записали: **“Богораз, Делоне, Литвинов, Бабицкий, Дремлюга и Файнберг, будучи несогласны с политикой КПСС и советского правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, вступили в преступный сговор с целью организации группового протеста против временного вступления на территорию ЧССР войск пяти социалистических стран. Для придания своим замыслам широкой гласности они заранее изготовили из белой материи плакаты с текстами: “Руки прочь от ЧССР”, “Долой оккупантов”, “За вашу и нашу свободу”, “Свободу Дубчеку”, “Да здравствует свободная и независимая Чехословакия” (последний на чешском языке), то есть содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Затем, после предварительной договоренности (обвиняемые. - Ю.К.) 25 августа с.г. в 12 часов дня прибыли к Лобному месту на Красной площади, доставив с собой спрятанные указанные плакаты, где во исполнение своего преступного сговора приняли активное участие в групповых действиях, развернули плакаты и, обращаясь к находившейся на площади публике, стали выкрикивать аналогичные с плакатами призывы, чем грубо нарушили общественный порядок и нормальную работу транспорта. Этими действиями обвиняемые вызвали возмущение находившихся на Красной площади граждан...”**

Вадим с Павлом Литвиновым держал плакат со словами: “За вашу и нашу свободу!” Полдень наступил. Оцепеневшие от изумления рабочие, студенты, представители трудовой интеллигенции и колхозного крестьянства не поняли: “Это чехи?” Кто-то крикнул: “Жида!” Потом раздался клич: “Бей антисоветчиков!”, на сидящих обрушились удары. Люди в штатском тащили демонстрантов к машинам, продолжая наносить удары. Никто из семерых не оказал никакого сопротивления.

Скоро семерка была доставлена в 50-е отделение милиции: гебистам, видимо, надо было получить санкции на дальнейшие действия.

Андрей Амальрик свидетельствовал: “На следующее утро (26 августа. - Ю. К.) мы выехали в Москву. Я узнал, что в демонстрации участвовало семь человек. Лариса Богораз предупредила корреспондентов, что демонстрация начнется в 11, но все собрались у Лобного места только к 12, когда корреспонденты разошлись, только один задержался и увидел, как на другом конце площади группа людей развернула плакаты и тут же была смята милицией и агентами в штатском. Агенты изображали возмущенную толпу, на суде большинство оказалось служащими одного и того же подразделения внутренних войск. Отпустили только Горбаневскую, у которой было двое маленьких детей, она рассказывала, что на них бросились с криком: “Это все жида, бей их!” . Плакаты были по-чешски и по-русски, один со старым лозунгом: “За вашу и нашу свободу!” У Лобного места было еще несколько человек, шедших на демонстрацию, но они не решились подойти, Петр Якир уверял, что был задержан в метро... Через несколько минут после того, как арестованных увезли, из Кремля выехала чехословацкая делегация во главе с Дубчеком”. Последнее утверждение неверно: участвовавший в московских переговорах З. Млынарж писал: “ Около девяти часов утра по московскому времени в воскресенье 25 августа 1968 года самолет (советский военный самолет, где кроме представителей чехословацкого руководства находились лишь несколько офицеров) приземлился на Внуковском аэродроме. Помпезные правительственные “чайки” отвезли нас на Ленинские горы, в госсобняки...”

И все-таки мир узнал о демонстрации на Лобном месте. В концлагере под Воронежем нелегально слушал “вражьи радиоголоса” Владимир Буковский. “Войска Варшавского блока были посланы разрушить мой замок, - писал он, - и были наголову разгромлены семью людьми на Красной площади. На Лобном месте, где в старину казнили разбойников, состоялась публичная казнь социализма, и мне чуть не до слез жалко было, что не удалось принять в этом участие. Зато порадовался, что там был Вадик Делоне. Все-таки устоял парень после нашего суда, осилил себя...”

“О демонстрантах узнали все, кто хочет знать правду в нашей стране, - заявил правозащитник и филолог Анатолий Якобсон, - узнал народ Чехословакии, узнало все человечество. Если Герцен сто лет назад, выступив из Лондона в защиту польской свободы и против ее великодержавных душителей, один спас честь русской демократии, то семеро демонстрантов безусловно спасли честь советского народа. Значение демонстрации 25 августа невозможно переоценить...Я думаю, что если бы даже демонстранты не успели развернуть свои лозунги и никто бы не узнал об их выступлении, - то и в этом случае демонстрация имела бы смысл и оправдание. К выступлениям такого рода нельзя подходить с мерками обычной политики, где каждое действие должно приносить непосредственный, материально измеримый результат, вещественную пользу. Демонстрация 25 августа - явление не политической борьбы (для нее, кстати, нет условий), а явление борьбы нравственной...”

Леонид Плющ в своих воспоминаниях «На карнавале истории» писал:

«26-го позвонил П. Якир и сообщил, что 25-го на Красную площадь вышли на демонстрацию Лариса Богораз, Виктор Файнберг, Павел Литвинов, Наташа Горбаневская, Константин Бабицкий, Владимир Дремлюга и Вадим Делоне. Они вышли с плакатами протеста против оккупации ЧССР. Их арестовали и, видимо, обвинят либо в «антисоветской пропаганде», либо в «клевете на власть», либо в нарушении «работы транспорта и государственных учреждений». Мы радовались, что нашлись люди, заявившие, что не все в СССР поддерживают агрессию. Многие

жалели, что вышел на площадь Литвинов, - он так нужен самиздату. Но все понимали, что в данном случае «здравый смысл» был откинут во имя чувства протеста, из-за невозможности молчать - соучаствовать в агрессии. Многие завидовали им, несмотря на понимание важности тихой самиздатской работы. По всем учреждениям проводили собрания в поддержку «братской помощи» и «спасения социализма» в ЧССР. Некоторые не являлись, другие воздерживались, третьи протестовали. Несогласных стали репрессировать...»

Раиса Орлова вспоминала:

«Около двенадцати часов дня к нам врывается Майка.

- Вчера на Красной площади была демонстрация протеста против вторжения в Чехословакию. Всех забрали.

- Сколько участников?

- Семь.

...Семь. Кроме Павла никого не знаю, еще видела мельком Ларису Даниэль. Семь. Декабристы вывели полки.

*Хочешь выйти на площадь?
Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?*

Эти семеро посмели. За всех тех, кто хотел, кто мучился, но не посмел. Вышли. Большая площадь. Они - одни. Беззащитные. Там, на башнях, рубиновые звезды. Они погасли. Павел и его товарищи - между погасшими звездами и теми, что еще не возшли. Взойдут ли? Когда?..»

«Чего они этим добились? - вопрошал Георгий Владимов. - Хоть кого-нибудь их жертвенность подвигла к действию, хотя бы устыдила? ...Слишком часто не понимаем мы или не помним, что живем - в истории, где никакой наш поступок не теряется бесследно...И я ощутил масштаб свершения. Да если только это одно поставить в заслугу нашему Демократическому движению, можно считать - оно состоялось.»

* * *

“Легализацию вступления войск пяти государств Варшавского Договора на территорию ЧССР должно было провести вновь созданное рабоче-крестьянское правительство, - вспоминал Олдржих Черник. - Но здесь произошел срыв. Чехословацкий народ еще ночью узнал о заявлении Президиума ЦК КПЧ, а после этого был проинформирован чехословацким правительством, Национальным собранием и президентом республики о том, что эта акция - введение войск - проведена без их ведома и что речь идет о нарушении чехословацкого государственного суверенитета.”

Пока член Политбюро ЦК КПСС, первый зампред Совмина К.Т. Мазуров, облаченный в военную форму и высадившийся в Праге в первом эшелоне, отдавал приказ арестовать А. Дубчека и членов партийного руководства, а также Председателя Национального собрания и премьера правительства, делались попытки создать коллаборационистское “рабоче-крестьянское правительство”.

Виктор Суворов в своей книге описывает, как восприняли пражане “братскую помощь”:

“Молодые и старые, женщины и мужчины - все устремились к советским танкам.

- Зачем пришли?

- Мы вас не звали!

- Мы свои проблемы без танков решим!

Солдатам на такие мудрые вопросы крыть было явно нечем...

- Мы вас защищать пришли.

- Вас американцы с немцами захватить хотят. Забыли войну, что ли?

- Вот когда они нас начнут захватывать, тогда и приходите!

Офицеры, особенно политработники, сразу окунулись в массы, но без видимого успеха.

- Мы по просьбе вашего же правительства!

- Назовите тогда хоть одного из членов правительства, кто просил вас вмешиваться в наши дела!

- Товарищи!!!

- Мы тебе не товарищи! - Замполиту дали в морду. Он за пистолет. Солдаты оттаскивают его назад из толпы.

- Фашисты чертовы!

- Это вы фашисты!

- Свою страну довели до того, что жрать нечего, и хотите, чтобы все вокруг голодными сидели!

- Это временные трудности, дальше у нас лучше будет!

- А без вас бы совсем хорошо было.

- Убирайтесь, откуда пришли! Вместе со своим Марксом и Лениным!..”

Советское руководство было, похоже, в растерянности. Кремлевским владыкам не приходило в голову вести переговоры с арестованными коммунистическими лидерами, публично клейменными как правые оппортунисты. Однако сесть за стол переговоров пришлось.

“Через несколько часов после похищения Дубчек и его сторонники сначала были привезены в штаб-квартиру Варшавского Договора в Польше, а затем вскоре доставлены в Закарпатье на Украине, - писал И. Валента, - где их держали как пленников в тюрьме КГБ. Только через три дня, 23 августа, их привезли в Москву. Похоже, что агенты КГБ имели противоречивые указания о том, что с ними делать. Одно время с Дубчеком обращались как с предателем, а через несколько дней как с уважаемым чехословацким лидером...”

В стане оккупантов тем временем находились отважные, осмелившиеся протестовать. “Хроника текущих событий” (выпуск четвертый, 68-й год) сообщала: “В ночь с 21 на 22 августа 20-летний ленинградец Бугославский написал на трех кладтовских конях: “Вон Брежнева из Чехословакии”. Тут же, на Аничковом мосту, он был арестован и через две недели осужден по статье 70-й на пять лет строгого режима. Верховный суд РСФСР переквалифицировал его действия по статье 190-1 и соответственно изменил меру наказания: три года общего режима (максимум по данной статье). Эстонский студент, написавший в Тарту на стене кинотеатра в ночь с 21 на 22 августа: “Чехи, мы ваши братья”, при задержании был зверски избит: у него отбиты почки и он до сих пор находится в больнице”.

“26 августа я узнал о демонстрации семерых на Красной площади, - писал Анатолий Марченко. - Павел, Лариса, Наташа, Костя - это были мои друзья. С Делоне я тоже был знаком. Дремлюгу и Файнберга не мог припомнить - может быть, встречались где-нибудь в компании. Сначала меня это сообщение ошеломило. Слишком много дорогих мне людей оказалось в тюрьме, и дальнейшая их судьба была неизвестной. Как я отнесся к этому поступку моих друзей? Мое отношение вначале

было двойственным. Теперь власти расправятся с ними и надолго избавятся сразу от нескольких активных участников Сопротивления - получается, что этот поступок даже на руку властям. В то же время я понимал, что это их самопожертвование не является необдуманым шагом или эффектным жестом. Каждый участник демонстрации прекрасно понимал, что с Красной площади им только одна дорога - в тюрьму. Но они, видимо, не могли смириться с позором своей страны, переживали его как свой собственный позор, и нашли единственный способ активно выразить свои чувства. Этот поступок был как бы итоговой чертой развития каждого из вышедших на площадь...”

Чешский философ Иван Свитак так оценивал ситуацию: “Если бесстрастно посмотреть на сегодняшнюю оккупированную Чехословакию, то приходится сказать, что иллюзии левой интеллигенции относительно природы советской власти, ее неспособность видеть реальное лицо бюрократической элиты тотальной диктатуры были главной причиной поражения. Насилие тотальной диктатуры победило беззащитный гуманизм, потому что в решительный момент руководители реформистского крыла не смогли опереться на народное движение и оборонять страну новой военной силой. Их демократизм обернулся наивностью перед командирами танковых колонн...”

“Летом 1968 года наше государство и общество в очередной раз оказались у исторической развилки, - писал Виктор Шейнис в октябре 89-го года, - и двинулись в тупик. Неосталинизм продлил свое владычество еще почти на два десятка лет. И чем дальше мы шли по избранному тогда пути, тем больше нагромождалось острых и болезненных проблем, тем опаснее становились атрофия и злокачественное перерождение важнейших клеток социального организма, тем вернее обрекали мы себя на всесторонний кризис экономики, общества, идеологии, морали с непредсказуемыми последствиями. “

Впрочем, и в 68-м не все были одурачены советским агитпропом. Весьма емкую запись сделал тогда в своем дневнике Алексей Кондратович, заместитель А. Твардовского по «Новому миру»:

«Более мрачного года, чем 68-й, я не знаю. 68-й - крах последних иллюзий и надежд...Отовсюду тянет смердящим духом истлевшего Сталина. И дух этот пытаются представить как благовоние...»*

Понадобилось более двадцати лет, огромные перемены в сознании людей, постепенный (но далеко не полный) демонтаж имперской коммунистической идеологии, чтобы Советское правительство выступило с заявлением, в котором, в частности, говорилось:

“В 1968 году тогдашнее советское руководство приняло во внутреннем споре в Чехословакии вокруг объективно назревших задач позицию одной стороны. Оправдание такому несбалансированному, неадекватному подходу, вмешательству в дела дружественной страны виделось в то время в острой конфронтации Востока и Запада. Мы разделяем точку зрения Президиума ЦК КПЧ и правительства ЧССР, что вступление армий пяти социалистических стран в пределы Чехословакии в 1968 году не было обоснованным, а решение о нем в свете всех известных теперь фактов было ошибочным.”

Запоздалое, не до конца искреннее признание...

« - Лет через 25-30 придет время рассказать о нашем чехословацком походе, - говорит министр обороны Гречко в цитированной выше книге А. Майорова. - Леонид Ильич не намерен был вводить войска. По многим причинам. Тут и венгерские

события. Они свежи в памяти. И риск развязывания большой войны. Но нельзя нам было терять Чехословакию! А к вводу войск его подталкивали не только события внутри ЧССР. Леонида Ильича торопили каждодневно и Ульбрихт, и Гомулка, и Живков. Да и Кадар. И наши ястребы в Политбюро - Шелест, Подгорный, Мазуров, Шелепин...Все они требовали ввода войск в ЧССР...» Командующий ЦГВ уверен: действовали правильно, никакой исторической ошибки совершенно не было. Так, без тени раскаяния, вспоминают кровопролитную войну в Афганистане. Так, возможно, десятилетия спустя мемуаристы оправдают войну в Чечне, которую вела демократическая Россия...**

* А. Кондратович. «Последний год». («Новый мир», 1990, № 2)

** С Александром Михайловичем Майоровым, генералом армии, участником второй мировой войны, чехословацких событий и войны в Афганистане, я встретился в мае 1999 года. Отстаивая свою - неизменную - точку зрения на дела 30-летней давности, генерал утверждал, что, оккупировав Чехословакию, Советский Союз не дал разгореться третьей мировой войне. В 1981 году А.М. Майоров твердо заявил руководителям СССР, что необходимо вывести войска из Афганистана, - победа в этой войне невозможна. Резко неодобрительно высказывается военачальник о чеченской войне. Вообще, генерал склонен просматривать события 1956, 1968 и 1979 года в исторической перспективе. Это нашло отражение в его книге «Правда об афганской войне». По-военному прямой, последовательный, генерал не скрывает своего отношения ни к прежним советским вождям (Александр Михайлович, в частности, очень тепло вспоминает Л. И. Брежнева), ни к нынешним российским лидерам, которых не жалует, чрезвычайно трезво и критически оценивает современную обстановку в стране и мире. (*Прим. автора*)

Глава 6. СЛЕДСТВИЕ

*Блаженны изгнанные за правду, ибо их
есть Царство Небесное.
Матф., 5-10*

В отличие от 67-го года расследованием дела демонстрантов занималась городская прокуратура. Заместитель прокурора Москвы Колосков издал распоряжение: “Для расследования дела об организации и активном участии в групповых действиях, нарушающих общественный порядок, граждан Дремлюги В.А., Богораз Л.И., Делоне В.Н. и других, создать бригаду следователей в следующем составе:

1. Акимова Л. С., старший следователь, руководитель бригады,
2. Гневковская Н. В., старший следователь,
3. Лапушенков А. А., старший следователь,
4. Соловьев Б. Н., старший следователь прокуратуры Ждановского района,
5. Галахов В. М., старший следователь прокуратуры Краснопресненского района”.

“Бригадир” Л. С. Акимова, хорошо знакомая Вадиму, ставшая к тому времени из младшего советника юстиции советником юстиции, приняла дело к производству “для проведения предварительного расследования по признакам преступления, предусмотренным статьями 190-1 и 190-3 Уголовного кодекса РСФСР”.

25 августа в дело легли первые листы.

Капитан милиции Стребков из мотомеханизированного полка написал рапорт начальнику 50-го отделения милиции:

“Доношу, что 25 августа 1968 года экипаж патрульной а/м МОК 57-04 в составе к-на милиции Стребкова, сержанта милиции Кузнецова нес службу на Красной площади. Примерно около 12 часов нам было приказано подъехать на Лобное место, где группа лиц учинила хулиганские действия. Я подъехал к Лобному месту, где мне в машину посадили неизвестного гр-на и я поехал в 50-е о/м, а на других машинах доставили еще граждан из числа учинивших беспорядки.

При осмотре в 50-м о/м у этих лиц был обнаружен плакат с надписью “Руки прочь от Чехословакии”.

Инспектор И. Розанов рапортовал своему начальству - старшему инспектору 4-го ОРУД-ГАИ майору милиции Сучкову:

“25 августа 1968 г. работал на перекрестке ул. Куйбышева - Красная площадь. Примерно около 12 часов дня к Лобному месту подошла группа в количестве шести-восьми человек, остановилась и через несколько минут группа людей села у Лобного места. Сразу развернули плакаты (что на них было написано не знаю). Ко мне обратился гражданин за помощью посадить их в машину, что я и сделал.”

Свидетелей демонстрации оказалось много - по выходным дням на Красной площади достаточно празднующихся граждан, интуристов, влюбленных и так далее. Но вот что примечательно: свидетели Б. П. Богатырев, В. Е. Васильев, Н. И. Долгов, И. Г. Иванов и С. И. Веселов оказались сотрудниками одной и той же в/ч 1164. Не знаю, может быть, порядок в той войсковой части был такой - по воскресеньям для поднятия боевого духа прогуливаться по Красной площади, может быть, готовились они к какому параду (к какому?), но только 25 августа в полдень дружно оказались у

Лобного места и гневно выразили свое отношение к демонстрантам. Свидетельница Надежда Николаевна Ястреба, проживавшая в Челябинске, на допросе (на ее показания потом ссылались и адвокаты, и подсудимые) сообщила:

“25 августа я пришла в 11.50 на Красную площадь, чтобы встретиться со своими знакомыми. Примерно в 11.55 я увидела, как по направлению Лобного места шла женщина, одетая в платье темного цвета, примерно 28 лет, в очках, волосы темные, несколько волнистые, короткая стрижка. Сейчас я узнала, что фамилия этой женщины - Горбаневская. Я обратила внимание на Горбаневскую и видела ее хорошо, потому что сама стояла у Лобного места, прижавшись спиной к камням, в теневой стороне, а Горбаневская шла в мою сторону и везла впереди себя коляску с ребенком. Когда она была от меня примерно метрах в 3, я увидела, как со стороны Спасских ворот к Горбаневской подошли Богораз, Литвинов, Делоне - это я запомнила хорошо, четвертым, кажется, был Файнберг. Когда все перечисленные подходили к Горбаневской и Лобному месту, то я их всех видела в профиль. Первой к Горбаневской подошла Богораз, она нагнулась над коляской и стала говорить о чем-то с Горбаневской, но о чем говорили, мне слышно не было. После разговора с Богораз Горбаневская первая, как-то демонстративно, решительно села на парапет у Лобного места. В том месте парапет очень низкий. Едва Горбаневская поправила свое платье, прошли считанные секунды, как сразу же рядом с ней тоже демонстративно сели Богораз, Делоне, Литвинов и Файнберг. Все сели ко мне спиной и всех я видела в это время со стороны спины. Сразу же, как только все сели, мгновенно вскинули вверх руки. Я очень хорошо видела, что в руках у Делоне и Литвинова были развернуты лозунги. Держали они лозунги на вытянутых руках. Я очень хорошо видела, что на лозунге, который развернул Делоне, был написан текст черным красителем, текст длинный, написан в два ряда и очень густо. Со стороны спины я никак не могла прочитать его, поэтому содержание не знаю. В руках Горбаневской был флажок трехцветный, по-моему, самодельный.

...Я видела, как вели Литвинова и Делоне, они шли спокойно, их вели под руки по двое мужчин. Машины стояли от меня далеко, вокруг галдела толпа и мне не было слышно, говорили что-либо или выкрикивали Делоне, Литвинов и др. Я увидела, что какой-то иностранец - я это определила по его виду и поведению - фотографировал толпу. К нему подошли и сказали, что он может фотографировать храм Василия Блаженного и другие исторические памятники, а не толпу...”

Еще одна участница демонстрации - Татьяна Баева. Но Лариса Богораз настоятельно посоветовала ей отмежеваться от остальных. Тем не менее следователь Галахов допросил 2 сентября Баеву.

- Что вам известно об организации массовых беспорядков на Красной площади? Кто их организовал? Приглашал ли кто вас принять участие?

- Мне об этом ничего не известно, - ответила Татьяна. - Кто их организовал - не знаю. Участвовать в данных действиях меня никто не приглашал. 25 августа я оказалась на Красной площади случайно.

- Где вы находились 24 августа, что делали?

- Этого не помню.

- Кому и когда рассказывали о событиях на Красной площади 25 августа с.г.?

- Рассказывала об этом очень многим, но кому - сейчас не помню. О данных событиях рассказывала 25 августа вечером семье Якир. Присутствовали Якир П. И., Савенкова, возможно, Ким. Я говорила, что 25 августа пришла на Красную площадь, зачем, не объясняла. Назвала всех, кого задержали...”

3 сентября Акимова допрашивала Петра Якира, 1923 года рождения, уроженца г. Киева, беспартийного, младшего научного сотрудника Института истории АН СССР.

- По поводу событий на Красной площади 25 августа мне ничего заранее известно не было, - заявил Петр Ионович. - Сам я в этот день на Красной площади не был. Как, кем и где шла подготовка к демонстрации - не знаю. Где был 25 августа днем - отказываюсь отвечать, так как это не относится к делу.

От Баевой я узнал, что в 12 часов в этот день у Лобного места на Красной площади находились мои знакомые Л. Богораз, П. Литвинов, В. Делоне, К. Бабицкий, В. Дремлюга. Впоследствии об этом событии я узнал и от других знакомых, к тому же слышал об этом по зарубежному радио. Об этих событиях Горбаневская написала письмо в 8 зарубежных газет, и содержание его передавали также по радио...

В тот же день допросили жену Ильи Габая Галину.

- С Н. Горбаневской я познакомилась года полтора назад, - сказала Галина Викторовна. - Она приезжала ко мне домой с кем-то из моих знакомых, возможно, с Литвиновым. Когда я познакомилась с Наташей, мой муж был арестован в связи с его участием в демонстрации. Она просто приезжала ко мне поддержать морально, иногда помогала по хозяйству. Я всегда была очень хорошего мнения о Наташе, никаких странностей в ее поведении не замечала.

25 августа с.г. я пошла с сыном на Красную площадь погулять, это было днем, точно время сказать не могу. Посмотрели развод караула около Мавзолея, затем направились к храму Василия Блаженного. Около Лобного места я увидела большую толпу, но что там происходило - не знаю, не было видно. Я видела, что к Лобному месту подъезжали машины, которые кого-то увозили. В одной из машин я увидела свою знакомую - Татьяну Баеву. Ее я встречала у Якира, где бываю очень часто. Что происходило на Красной площади сказать не могу, кого задержали я не видела...

Следствию важно было доказать, что "групповые действия, нарушившие общественный порядок", мешали движению транспорта, хотя всякий нормальный москвич знает, что членовозы выскакивали из Спасских ворот не часто, тем более в выходные дни. Заместитель начальника следственного управления прокуратуры Федоров направляет бумагу начальнику 4-го ОРУД-ГАИ Свердловского района подполковнику Зуеву: "В связи с расследованием уголовного дела о грубом нарушении общественного порядка на Красной площади прошу вас срочно сообщить в прокуратуру - не является ли часть Красной площади у Лобного места проезжей частью и не может ли большое скопление людей в этом месте нарушить движение транспорта."

Зуев отвечает как положено: "Часть Красной площади между ул. Куйбышева и Спасской башней Кремля является проезжей частью, по ней постоянно движется транспорт, следующий из Спасских ворот на ул. Куйбышева, в связи с чем скопление в этом месте пешеходов создает повышенную опасность для движения..."

29 августа старший следователь Акимова "с соблюдением требований ст.ст. 179 и 182 УПК РСФСР в присутствии понятых Масловой Г. И. и Ремневой Л. М. в помещении следственного изолятора КГБ при СМ СССР при дневном освещении произвел осмотр плакатов, изъятых у обвиняемых, и предметов, обнаруженных при обысках.

Осмотром установлено:

1. Плакат на обрывке белого материала размером 70x29 см, текст исполнен красным красителем "За вашу и нашу свободу".

2. На обрывке белого материала размером 121x48,5 см на одной стороне текст исполнен карандашом: “Долой оккупантов”, на оборотной стороне текст также исполнен карандашом: “Свободу Дубчеку!”

3. На обрывке белого материала, размером 87x45 см текст исполнен черным красителем: “Руки прочь от Чехословакии”.

4. На обрывке белого материала размером 118x35 см имеется текст на чешском языке, исполненный темно-красным красителем.»

Вот этот-то текст на чешском языке вызвал дополнительные хлопоты у следователей: пришлось пригласить переводчика, взяв с него соответствующую расписку, дабы изложил содержание плаката по-русски.

Начальству, надо полагать, было выгодно, чтобы число участников демонстрации было как можно меньше, поэтому уже 12 сентября Акимова пишет постановление, в котором говорится: “Во время совершения указанных действий на Красной площади находились близкие знакомые обвиняемых - Т. А. Баева, И. В. Корхова, М. В. Леман и М. Л. Русаковская. Однако в процессе предварительного следствия данных, подтверждающих, что указанные лица знали заранее о подготовке на Красной площади антиобщественных действий обвиняемыми и принимали активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, не добыто”. На этом основании Акимова решила Баеву, Корхову, Лемана и Русаковскую к уголовной ответственности не привлекать.

Н. Горбаневская уточнила: “Леман не был нашим знакомым - тоже был взят случайно, но Лариса попросила его, когда выйдет из “полтинника”, съездить к Якиру, и так он оказался засеченным и кончил тем, что через несколько лет уехал в Израиль”.

* * *

Первый допрос Вадиму учинили в тот же день, 25 августа. Происходил он в “полтиннике” с 15.55 до 17.25. Допрашивал старший следователь следственного управления УООП Мосгорисполкома майор милиции Караханьян.

- По существу заданных мне вопросов могу показать следующее, - сказал Вадим. - 1 сентября 1967 года я был осужден Мосгорсудом по статье 190-3 УК РСФСР на один год лишения свободы условно в течение 5 лет. Я был осужден за участие в демонстрации на площади Пушкина 22 января 1967 года. До декабря 1966 г. я учился в Московском педагогическом институте им. Ленина. Был отчислен из института в связи с непосещением занятий, а фактически за чтение своих произведений. После этого я работал внештатным корреспондентом “Литературной газеты” вплоть до ареста 25.01.67. После того, как я был освобожден в зале Мосгорсуда 1 сентября, я был зачислен на 1-й курс факультета языкознания Новосибирского государственного университета. Учебу в Новосибирске оставил в конце июня 1968 года в связи со статьей, опубликованной в газете “Вечерний Новосибирск”, в которой говорилось, что в моих стихах все ложь и клевета, мрак и безнадежность. Кроме того, в газете намекалось, что я не совсем законным путем поступил в НГУ. Оставив учебу, я в середине июля 68 г. вернулся в Москву, где ходатайствовал о восстановлении мне прописки. 7 августа я был прописан у своей матери - Делоне Ирины Оттовны. На работу я пока никуда не устроился. **Я не хочу говорить органам следствия, кто мне позвонил по телефону и сказал, что 25 августа 68 г. на Красной площади соберется группа граждан, чтобы выразить свой протест по поводу введения советских войск в Чехословакию. Я решил поехать на Красную площадь. Я еще не знал, буду ли я в группе этих граждан или же посторонним наблюдателем.**

Ровно в 12 часов дня я прибыл на Красную площадь к Лобному месту. Я прибыл туда, так как считаю, что введение советских войск на территорию Чехословакии является актом незаконным, противоречащим всем международным нормам. Я также считаю, что это является подавлением демократического движения в Чехословакии. Я полностью согласен с требованиями подпольного съезда коммунистической партии Чехословакии, а именно с требованием вывода войск и возвращения чехословацких лидеров.

На площадь я прибыл один, продолжал Вадим, и один же подошел к Лобному месту. В какой форме должен был выражаться этот протест, я не знал, со мной этот вопрос не обговаривался. У Лобного места я встретил некоторых своих знакомых: Литвинова Павла Михайловича, которого я знаю с января 1967 года в связи с делом моих друзей Гинзбурга и Галанскова. Кроме Литвинова там была Богораз Лариса Иосифовна, жена писателя Даниэля, которую я знаю как человека, имеющего свои убеждения и не боящегося их высказывать. Там же была Наташа Горбаневская, с которой я познакомился в компании, не помню уже в какой. Был там и Дремлюга Владимир, с которым тоже встречался в компаниях. Остальных присутствовавших я не знаю. Сколько всего там собралось людей - не знаю. В 12 часов 03 минуты я оказался в группе граждан, некоторые из которых подняли транспаранты. Я отказываюсь отвечать на вопрос, были ли у меня или в руках моих знакомых транспаранты. Содержание транспарантов было таково: “За вашу и нашу свободу”. Точный текст остальных транспарантов не помню. Могу только сказать, что в них было требование о выводе советских войск из ЧССР. Кроме поднятия лозунгов никаких действий на Красной площади не было. Через несколько минут вокруг группы собрался народ. Я был в этой группе. Подбежали несколько мужчин в штатском платье и, не предъявляя документов, грубо вырвали лозунги из рук тех, кто их держал. При этом люди в штатском выражались нецензурно. Одного из участников группы (держал ли он лозунг, я не видел), Виктора Файнберга, дважды ударили по лицу и выбили ему два зуба. Другого участника, Павла Литвинова, ударила сумкой по голове какая-то женщина. Вокруг группы собралась толпа народу, раздались несколько возгласов: “За что вы их бьете?” Через некоторое время подъехала “Волга”, и двое мужчин, один из них вел машину, стали хватать сидящих на ступенях Лобного места участников группы, не предъявив документов и не обратившись предварительно с просьбой пройти в машину. Мне заломили руки за спину, хотя я не сопротивлялся, и бросили в машину. В ту же машину затолкнули Литвинова, при этом два раза ударив. Затем нас доставили в 50-е отделение милиции. Туда же были доставлены Богораз, Горбаневская, Дремлюга, Файнберг и другие, которых я не знаю по фамилиям и именам.

В заключение хочу добавить, что возражаю против моего задержания и его формы. Вадим Делоне.

Тут же, в 50-м отделении, Вадима обыскал старший сержант Квоков, изъяв “деньги в сумме 5 руб.75 коп., часы наручные “Восток”, ремень брючный и сумку-сетку.”

Вечером в воскресенье старший следователь Стрельцов нашел, что “из материалов уголовного дела усматривается, что на квартире Делоне В.Н. могут находиться документы и предметы, имеющие значение для дела, и постановил произвести обыск в квартире по адресу: Пятницкая улица, 12, кв. 5.”

В течение полутора часов с 21 часа до 22.30 следователь Петров в присутствии понятых делал обыск. Вначале Вадиму предъявили требование “о выдаче предметов, вещей и документов, имеющих значение для дела. **Добровольно ничего выдано не было**”.

При обыске, говорится в протоколе, было изъято:

1. Копировальная бумага.
2. Уведомление о почтовом отправлении
3. Сброшюрованное дело о демонстрации на пл. Пушкина 22.01.67
4. Газета “Вечерний Новосибирск” за 8.06.68
5. Газета “Комсомольская правда” за 18.01.68
6. Записная книжка
7. Грамота
8. Паспорт
9. Крест белого цвета
10. Стихи О. Мандельштама
11. Папка со множеством листов машинописного текста “Генетика этики”, “Меморандум о лояльности”, “Проект устава” и т.д.

Вадим успел написать матери записку: “Задержан по подозрению участия в демонстрации протеста по поводу Чехословакии. Прости и еще раз прости за новые неприятности, но... Вадим. P. S. Поцелуй Мишку”.

Из 47-го отделения милиции (что на Пятницкой, где жил Вадим) было затребовано объяснение Вадима, написанное несколькими днями раньше.

“По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее, - писал Вадим 22 августа. - По вышеуказанному адресу я проживаю с матерью, Делоне И. О., 1919 г.р., работающей в Институте геологии и разработки горючих ископаемых младшим научным сотрудником, и братом Михаилом Николаевичем, учащимся средней школы, 1952 г.р.

Со времени моего приезда из Новосибирска я продолжительное время ходатайствовал о восстановлении прописки в г. Москве, и был прописан 7 августа сего года, паспорт получил на руки из домоуправления 12 августа. Ранее 17 июля в 47-м о/м у меня было отобрано предупреждение о трудоустройстве, и разъяснен Указ от 4 мая (о тунеядстве. - Ю.К.). В связи с вышеизложенным я не имел возможности поступить на работу. Временно, до устройства на работу живу на средства матери и друзей. Близких друзей могу перечислить по фамилиям и именам. Юрий Живлюк. Петр Ионович Якир. Павел Литвинов. Богораз Л.И. Андрей Вознесенский, поэт. Евгений Евтушенко, поэт. Некрасов Виктор Платонович, писатель. Галич Александр Аркадьевич, драматург.

С указанными товарищами нахожусь в хороших отношениях, они знают меня достаточно хорошо. Кроме них у меня много приятелей и знакомых, которые постоянно ко мне заходят, однако я не считаю их своими близкими друзьями. В основном это люди, интересующиеся моими стихами. Кроме того, у меня много знакомых в других городах, иногда они приезжают ко мне домой. Например, Александров Александр Данилович, академик, математик. У него я проживал в Новосибирске. Профессор Р. Л. Берг (Ленинград). Во время прихода ко мне участкового у меня находились Александр Стесин и Владимир Гришин, мои школьные друзья. Кроме них у меня был Владимир Бережков, автор и исполнитель популярных песен”.

Тон объяснения, заметим, издевательский. Вадим откровенно иронизирует над милиционерами.

Вадимом занималась следователь Гневковская. 28 августа она подписала постановление о привлечении его в качестве обвиняемого и в тот же день допросила.

“В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, - заявил Вадим, - хотя сущность предъявленного обвинения мне понятна. Могу заявить, что **никакой**

предварительной договоренности с Богораз, Литвиновым, Дремлюгой и другими лицами я не имею, хотя некоторых из них хорошо знаю.

Плакаты я впервые увидел на Красной площади 25 августа 68 г. около 12 часов, кто принес эти плакаты - не знаю. Из плакатов, которые я видел, я ни один не считаю подходящим под признаки статьи 190-1 УК РСФСР. Т.е. считаю, что они не содержат заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Действительно, эти плакаты содержали лозунги, довольно резко критикующие политику Советского правительства и КПСС в отношении вмешательства в дела Чехословакии. **Однако мне не известна ни одна статья Уголовного кодекса, предусматривающая уголовную ответственность за критику правительства или КПСС. Я считаю совершенно невозможным отождествлять критику правительства и КПСС с понятием заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Я также отрицаю, что на Красной площади в 12 часов 25.08.68 имели место групповые действия, так как я считаю, что факт, когда один или несколько граждан развернули плакаты в общественном месте, еще нельзя считать групповыми действиями. Действия граждан, собравшихся у Лобного места, никак нельзя расценивать как грубое нарушение общественного порядка.**

Я отрицаю, что все собравшиеся люди вокруг группы с лозунгами выказывали возмущение нашим поведением. Многие относились сочувственно.

Арест свой считаю незаконным и настаиваю на привлечении к уголовной ответственности лиц, избивавших собравшихся у Лобного места, т.е. меня и моих знакомых.”

Поразительно: со следователями разговаривает не тот интеллигентный юноша, которого год назад удалось согнуть; перед ними зрелый, убежденный в своей правоте мужчина. Видимо, Гневковская и ее коллеги почувствовали это - и очень скоро. Что до остальных участников демонстрации - они также держались безукоризненно.

Почему-то тем самым днем, 28 августа, датировано постановление о заключении под стражу. Совершенно очевидно, что с 25 августа Вадим и его друзья уже не были на свободе. Подписанная Акимовой бумага, где говорилось об избрании в виде меры пресечения содержание под стражей, была направлена начальнику следственного изолятора КГБ при СМ СССР.

* * *

Работа у следователей кипит. 30 августа Гневковская допрашивает в качестве свидетеля мать Вадима, Ирину Отговну (И. О. Делоне умерла в 1997 году в Москве). Коротко рассказав о детстве сына, учебе в школе и болезнях, она замечает, что в институте у Вадима появились друзья - Губанов и другие, а прежние положительные товарищи от него “отошли”. В январе 1967 г. сына арестовали за участие в демонстрации на Пушкинской площади.

“После ареста сына никто из его товарищей ко мне не приходил. После рассмотрения в суде он был осужден к условной мере наказания. Чтобы отвлечь Вадима от дурной компании, продолжает И. О., с помощью деда мы устроили его в Новосибирский университет на филологический факультет и отправили его из Москвы. Вначале там все шло хорошо. Затем в Академгородок приехали барды - Галич и др. Вадим стал болтаться с ними и не сдал весеннюю сессию, за что его опять отчислили.

11 августа Вадим приехал в Москву, его прописали и он стал устраиваться на работу, однако у него что-то не получалось. По возвращении Вадима я категорически запретила ему встречаться со старыми приятелями и приводить их к нам. Поэтому никто из товарищей Вадима дома у нас не бывал. Кто ему звонил по телефону, сказать не могу.

23 августа вечером Вадим собрался уходить из дома. Я спросила - куда, он ответил, что идет к одной знакомой, ни имени, ни фамилии не назвал. Я стала разговаривать с Вадимом о его поведении, старалась по-доброму внушить ему, что он стоит на неправильном пути.

В субботу утром Вадим совершенно неожиданно собрался на дачу в Абрамцево. Я предложила ему поехать вместе. Однако он отказался и поехал один. Я была совершенно спокойна, так как знала, что Вадим на даче. 25 августа в воскресенье я была дома до 19 часов. Никто не звонил. Когда я вернулась домой в 23 часа, соседи мне сказали, что сын приезжал домой вместе с работниками милиции и у нас был обыск. В комнате на столе я обнаружила записку Вадима...”

На следующий день Гневковская допрашивает Бориса Николаевича Делоне, 1890 года рождения, русского, беспартийного, заведующего отделом геометрии Математического института АН СССР.

Опустим зафиксированную в протоколе историю взаимоотношений родителей Вадима. Ясно, зачем Борис Николаевич посвящал в семейные дела Гневковскую: слабая попытка найти оправдание поступков внука...

- В январе 67-го Вадима арестовали за то, что он связался с плохой компанией и вместе с ними выступал с лозунгами на площади Пушкина. Затем судили и дали условную меру наказания. Адвокат (помните, был такой защитник по фамилии Меламед из Краснопресненской юридической консультации? - Ю.К.) сказал нам, что внука нужно изолировать от его плохого окружения. В то время Вадим больше всего дружил с Буковским, - заявил Борис Николаевич. - А вот других его товарищей и друзей я просто не знаю. Мы решили отправить его из Москвы. Я обратился к своим товарищам из новосибирского отделения АН СССР, и благодаря их содействию Вадим был принят в НГУ. Вадим никак не хотел туда ехать и нам пришлось его долго уговаривать. Я знал, что на Вадима большое влияние оказывал Якир. Я позвонил Якиру и попросил его помочь. Мы встретились, и нам удалось уговорить Вадима уехать. Академику Александрову Вадим очень понравился, он жил там на правах члена семьи, и Александров подолгу беседовал с ним, нашел общий язык.

По приезде из Новосибирска Вадим постоянно общался с Якиром и Литвиновым. Я много беседовал с внуком **по поводу его поведения и его взглядов, которые я не разделяю**. Однако на все мои убеждения Вадим отвечал, что не менее умные люди, чем я, тоже ученые и порой крупные, разделяют его взгляды. Переубедить Вадима я никак не мог. 25 августа я только вечером приехал на дачу в Абрамцево, и жена сына сказала, что у нас был Вадим всю субботу, а утром в воскресенье уехал. Никаких подробностей не рассказала. В начале недели, в какой день не помню, ко мне домой пришел внук Грабаря, кажется, Саша Грабарь, который сказал, что его просили сообщить, что Вадим арестован за демонстрацию на Красной площади. Кто просил нас передать об этом, я толком не понял. Какая была демонстрация я не знаю...

Любопытно, что Б.Н. заметил: “Вадим почему-то очень нравится женщинам и часто их меняет”.

Впрочем, легко убедиться, что родные Вадима, толкуя о “плохой компании”, не говорят ничего такого, что могло бы этой компании повредить. Мало кого знают,

отговаривали, даже запрещали. Словом, воспитывали, как могли. Ничего иного говорить им не оставалось.

2 сентября в Лефортово Гневковская вновь допрашивает Вадима, который свои показания, данные 28 августа, полностью подтверждает.

- К ним могу добавить следующее, - говорит Вадим. - 21 августа я видел в народном суде Тимирязевского района, где шел процесс по делу Марченко, Литвинова, Богораз, Дремлюгу, Вольпина-Есенина, было много незнакомых. В основном говорили о деле Марченко. В этот же вечер я был дома у Якира и там тоже шло обсуждение процесса Марченко. Что делал 22 августа днем - не помню, но вечером, кажется, встречался со знакомой из Абрамцева, мы с ней были в каком-то кафе, зовут ее Тамара.

23 днем был на работе у Якира. Вернулся в 11 вечера. Утром 24 уехал на дачу. Я держал лозунг, но какой - говорить не хочу. Какие лозунги и кто держал, тоже не хочу говорить. Кто и где изготовил лозунги, кто принес их на Красную площадь - не знаю...

Для порядка или пытаюсь запугать Вадима психушкой Гневковская решает устроить ему судебно-психиатрическую экспертизу, поручив ее производство, конечно же, ЦНИИ судебной психиатрии имени Сербского.

5 сентября амбулаторную экспертизу провели, о чем прокуратуру уведомляет профессор Г. Морозов. Акт, снабженный грифом "секретно", гласит:

"Испытуемый понимает цель направления его на экспертизу, считает себя психически здоровым. Он не отрицает своего участия в демонстрации, но отмечает, что попал на нее якобы случайно. В то же время не сожалеет о том, что участвовал в демонстрации, так как убежден, что каждый человек должен быть честным и открыто выражать свое мнение по поводу каких-либо событий. Говорит, что готов нести ответственность, хотя не считает себя в чем-то виновным.

На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что Делоне В.Н. психическим заболеванием не страдает. Поэтому, как недушевнобольного, в отношении инкриминируемого ему деяния, совершенного вне какого-либо болезненного расстройства психической деятельности, Делоне В.Н. следует считать вменяемым.

Председатель комиссии, доктор медицинских наук Д. Лунц,
Кандидат медицинских наук М. Тальце."

Из материалов уголовного дела № 41074/56-68с

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о привлечении в качестве обвиняемого

12 сентября 1968г.

г.Москва

Старший следователь прокуратуры г. Москвы младший советник юстиции Гневковская, рассмотрев уголовное дело № 41074/56-68с, установила, что гражданин Делоне В.Н. достаточно изобличается в том, что будучи несогласен с политикой КПСС и Советского правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, вступил в преступный сговор с обвиняемыми по настоящему делу Литвиновым, Богораз, Бабицким, Дремлюгой, Файнбергом и Горбаневской.

Вследствие этого и на основании статей 148 и 149 УПК РСФСР постановил:

привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемого Делоне В.Н., предъявив ему обвинение по ст.ст.190-1 и 190-3 УК РСФСР.

Настоящее постановление мне объявлено и права разъяснены. В. Делоне.

ПРОТОКОЛ

допроса обвиняемого

12 сентября 1968 г.

В предъявленном мне обвинении 12 сентября 68 г. я виновным себя не признаю. В постановлении совершенно верно указано, что я был не согласен с политикой КПСС и советского правительства в отношении их решений о вводе войск в ЧССР. Мне неизвестно, чтобы это решение было одобрено всеми трудящимися Советского Союза, так как никакого референдума по этому вопросу не проводилось.

Все тексты плакатов являются критикой отдельного и совершенно конкретного действия КПСС и Советского правительства. Право на такую критику обеспечено советской Конституцией, а именно статьей 125.

...Хотел бы добавить, что еще в 1966 году я был обеспокоен возможностью широкого толкования статей 190-1 и 190-3 в виду недостаточной конкретности и тенденциозности их формулировок и в связи с этим принял участие 22 января 67 года участие в демонстрации с требованием отмены или пересмотра этих статей, а также статьи 70-й УК РСФСР. Приговор по делу демонстрации на Пушкинской площади, в особенности в отношении В. Буковского, окончательно убедил меня в том, что статья 190-я произвольно толкуется вопреки социалистической законности и советской Конституции. Об этом я писал в своей статье под названием "Письмо очевидца". Статья эта, разумеется, не опубликована...

Глава 7. СЛЕДСТВИЕ (Продолжение).

*Я избрал путь истины, поставил пред
собою суды Твои.
Псалтирь, 118-30*

Позволю себе небольшое отступление.

В июне 1997 года на редакционном бланке я направил по факсу в Центр общественных связей Федеральной службы безопасности просьбу разрешить ознакомиться с архивным следственным делом поэта и правозащитника Вадима Делоне, осужденного Мосгорсудом в 1967 и 1968 года по статье 190 УК РСФСР.

Прошла неделя, миновала другая. Ответа не было. Оставалось успокаивать себя тем, что запросов подобных моему шлют во множестве, архивы бездонны, поди найди нужное дело. Пролетели еще две недели. Сочтя, что прошло достаточно времени, позвонил. Бодрый молодой мужской голос сообщил, что послание мое получено и отдано “на исполнение”, посоветовал позвонить через несколько дней. Так минули еще недели две, а может и три. Я регулярно звонил, мне терпеливо объясняли: “на исполнении”. Наконец назвали некую Юлию Валерьевну, которая мне все и разъяснит. Судя по голосу, она тоже молода, и мои домогательства выносила спокойно, растолковывая, что архив огромен, найти там дело непросто. Кончился июль, а ничего не сдвинулось. Пролетели август и сентябрь. Возникла на горизонте и другая дама по имени Ольга Владимировна. Она-то меня и обрадовала, сообщив, что интересующее меня дело находится в Управлении ФСБ по Москве и Московской области, куда и следует направить очередное прошение.

Послание свое я отправил заказным. И - о чудо! - вскоре раздался звонок. Мужчина, представившийся Виктором Михайловичем, сообщил, что дело Вадима Делоне найдено, и он готов меня с ним ознакомить. Но есть ли разрешение самого Вадима? Несколько удивившись (как теперь понимаю - напрасно) неосведомленности собеседника, я ответил, что Вадим умер в 83-м году в Париже. А свидетельство о смерти его имеется? Растерялся я: ведь даже если и есть документ о смерти, то не ехать же за ним в Париж! Впрочем, заметил, что есть некрологи в газетах и иные косвенные свидетельства кончины. А разрешение можно получить у отца Вадима. Но чтобы непременно нотариально заверенное, сказали мне. И потом - он реабилитирован? Этого я не знал...

В конце концов, с ксерокопиями газет и нотариальной доверенностью отправился я в Кисельный переулок, где в течение нескольких дней знакомился с делом Вадима. Что касается материалов о его подельниках - В. Буковском и Е. Кушеве - то их мне смотреть было запрещено. Пока я изучал четыре толстенных тома, Виктор Михайлович читал принесенную мною книжку В.Делоне “Портреты в колючей раме” и, кажется, кое-что узнал впервые, хотя, как он сказал, трудится в этом ведомстве около 30 лет.

Впрочем, я благодарен Виктору Михайловичу (фамилии своей он не назвал). Он был достаточно деликатен и не стоял постоянно над душой, иногда даже выходил куда-то, оставляя меня наедине со страшными документами.

А вот дело 68-го года, как выяснил все тот же Виктор Михайлович, хранится в Мосгорсуде, куда он и порекомендовал мне обратиться, снабдив необходимыми адресами и телефонами.

Мосгорсуд, долгие годы помещавшийся на Каланчевке, теперь находится недалеко от метро “Преображенская”. Над входом - герб Москвы с Георгием и российский триколор. В спецчасти мне выдали первый том дела - а всего их пять. Несколько дней ездил туда, как на работу, не отрываясь, читал, выписывал, вновь и вновь переживая события тридцатилетней давности. Какие же сюжеты придумывает жизнь! Документы я получал из рук Валентины Ильиничны Осиной. На том процессе 1968 года она была секретарем суда...

* * *

Из материалов уголовного дела № 41074/56-68с

ПРОТОКОЛ

объявления обвиняемому о назначении криминалистической экспертизы 2 сентября 1968 г.

Старший следователь прокуратуры г.Москвы младший советник юстиции Гневковская в помещении следственного изолятора КГБ ознакомил в соответствии с требованиями ст.184 УПК РСФСР обвиняемого Делоне В.Н. с постановлением от 30 августа 1968 г. о назначении по делу криминалистической экспертизы.

Обвиняемый Делоне В.Н., ознакомившись с постановлением о назначении экспертизы, заявил: с постановлением о назначении криминалистической экспертизы ознакомился лично и полностью. Отводы экспертов не заявляю, дополнительных экспертов не предлагаю. Дополнительных вопросов к поставленным в постановлении от 30 августа не имею.

ПРОТОКОЛ

Старший следователь прокуратуры г.Москвы младший советник юстиции Гневковская с соблюдением требований ст.186 УПК РСФСР получила у обвиняемого Делоне Вадима Николаевича экспериментальные образцы рукописного текста, исполненного печатными буквами карандашом, шариковой ручкой и перьевой ручкой.

Обвиняемому Делоне были даны три листа белой бумаги и предложено карандашом, шариковой и перьевой ручкой исполнить любой произвольный текст печатными буквами с различным написанием их.

Обвиняемый Делоне исполнил текст карандашом, начинающийся словами: “Поболтают с час о Дон-Кихотах...” и кончающийся словами “Вадим Делоне”. На другом листе исполнил текст перьевой ручкой, начинающийся словами: “Ну так что же, пускай будет суд...” и кончается словами “Вам стихи прочитаю надсадно”. И третий лист: текст исполнен шариковой ручкой и начинается словами: “Не пройдет прощанье карнавалом...” и кончается словами: “Либералы в комнатках столичных”.

Дополнение: отобран еще один лист экспериментального образца. Исполнен на одном листе шариковой и перьевой ручками и карандашом и начинающийся словами: “За свободу...” и оканчивающийся словом “Долой”.

Старший следователь Гневковская. Обвиняемый Делоне.

* * *

В.Буковскому

Не пройдет прощанье карнавалом,
 Не придется бегать по бутылки -
 И тебя проводит до вокзала
 Ржавый смех начальства пересылки.
 Конвоир отхаркается шуткой -
 Станет жутко или безразлично.
 Усмехнутся, хвастаясь рассудком,
 Либералы в комнатах столичных.
 Поболтают с час о Дон-Кихотах,
 Разойдутся чинно по семействам,
 А тебя потопят в анекдотах,
 Как свое гражданство в фарисействе.
 Да и я ведь сам немногим лучше.
 В комнатенке скомкан нелюдимо -
 Я с тобой расстался, как попутчик,
 На скамье унылой подсудимых.
 Но не так, не так ведь расстаются,
 Дай мне, Боже, сил, помилосердствуй
 В час, когда колеса пронесутся
 Дрожью барабанною по сердцу.
 Петухи не каркали три раза,
 На допросы молча выводили,
 Но подвел меня проклятый разум,
 Перевесил сердце и осилил.
 Все же не солгу и не утешусь -
 Будь спокоен, друг мой, будь спокоен -
 Я с тобою, если не повешусь,
 Если только быть с тобой достоин.
 Москва, 1967

* * *

12 сентября младший советник юстиции Гневковская, признав предварительное следствие по делу о групповом нарушении общественного порядка законченным, а собранные доказательства достаточными для составления обвинительного заключения, в помещении следственного изолятора КГБ объявила об этом Вадиму Делоне, обвиняемому по статьям 190-1 и 190-3 УК РСФСР, и разъяснила, что он имеет право ознакомиться со всеми материалами дела как лично, так и с помощью адвоката. Вадим просил вызвать для участия в знакомстве с делом защитника С. В. Каллистратову.

Через несколько дней Вадим пишет ходатайство на имя старшего следователя прокуратуры Л. Акимовой.

- Ознакомившись с материалами дела по обвинению меня и других по статье 190, заявляю следующие ходатайства:

1. Приобщить к делу грамоту, свидетельствующую о том, что я получил вторую премию на литературном конкурсе в Новосибирске. Грамота изъята у меня во время обыска.

2. Произвести следствие по настоящему делу и выявить лиц, нарушивших порядок на Красной площади в г. Москве 25 августа 1968 года, а именно лиц, избивавших у Лобного места Файнберга, меня и Литвинова, лиц, оскорблявших демонстрантов и провоцировавших последних, лиц, клеветавших на демонстрантов, выкрикивавших: “Хулиганы, бандиты, антисоветчики” (эти и другие выкрики провоцировали толпу на необдуманные действия). Прошу всех этих лиц привлечь к уголовной ответственности.

У лиц, показавших, что они вырывали у мирных демонстрантов лозунги и мешали проведению демонстрации, право на которую обеспечено статьей 125 Конституции СССР, прошу потребовать объяснений их незаконных действий и решить вопрос об их ответственности.

3. Прошу установить личность лиц в штатском, доставлявших меня, Литвинова, Богораз и Дремлюгу в 50 о/м и допросить их по следующим вопросам:

1) на каком основании они задержали нас? Были ли для этого у них какие-либо полномочия? А если были, то почему они не предъявили никаких документов?

2) кто дал им право применять ко мне, Литвинову и другим грубую физическую силу, в то время как для этого не было никаких оснований, что явственно следует из показаний Ястребы, Баевой, Русаковской и др.? В отношении этих лиц также прошу решить вопрос об их ответственности за действия на Красной площади 25 августа.

Все эти ходатайства логично следуют из материалов дела и основаны на показаниях моих собственных, а также показаниях Литвинова, Богораз, Бабицкого, Дремлюги и других. Все остальные ходатайства поручаю заявить моему адвокату С. В. Каллистратовой.

Следствие сочло возможным удовлетворить ходатайство Делоне о приобщении к делу грамоты. Остальное решили оставить без последствий, так как “в процессе следствия было установлено, что грубое нарушение общественного порядка на Красной площади допустили обвиняемые по данному уголовному делу, а также Горбаневская Н. Е. и Файнберг В. И. Следствие не располагает материалами, что в отношении обвиняемых во время задержания и доставления в отделение милиции были допущены противоправные действия, а потому нет необходимости в установлении этих лиц.”

Грамота, подписанная секретарем Советского РК ВЛКСМ Новосибирска и президентом кафе-клуба “Под интегралом” свидетельствовала, что Вадим Делоне, студент НГУ, стал лауреатом литературного конкурса, посвященного 50-летию Советской власти. Премия была присуждена ему за стихотворения “Осень”, “Гуси” и “Вместо посвящения”.

В то время как Вадим и его друзья находились в Лефортово, следователь Акимова одновременно расследовала еще одно дело. Лариса Богораз и Павел Литвинов обратились к Акимовой с ходатайствами.

“Мне известно, что старший следователь Акимова ведет также расследование по делу моей сестры И. М. Белгородской (дело возбуждено 7-10 августа), - писала Л. Богораз. - Белгородская обвиняется по статье 190-1 в распространении двух документов, одним из авторов которых являюсь я. Следователь Акимова допрашивала меня в качестве свидетеля по делу Белгородской, и я на допросе подтвердила свое авторство. Если следствие по делу Белгородской считает эти документы криминальными (я их таковыми не считаю) - я прошу объединить касающиеся меня

материалы из ее дела с материалами дела о демонстрации с тем, чтобы обвинение меня по статье 190-1 рассматривалось во всей сумме инкриминируемых по этой статье действий.”

Акимова моментально отказала в ходатайстве. Такая же реакция была на заявление Павла Литвинова. Он писал:

- Еще до моего ареста мне стало известно об аресте Белгородской Ирины Михайловны. Насколько я знаю, она обвиняется по статье 190-1 УК РСФСР и ее дело ведет прокуратура г. Москвы. Ей инкриминируется документ, под которым стоит и моя подпись. Я подтверждаю, что действительно участвовал в составлении этого документа и подписал его. Целью его составления было ознакомить с ним общественность. Я этот документ ни в какой степени не считаю криминальным, но если следствие придерживается противоположного мнения, прошу включить его в обвинение по моему делу.

Не думаю, что советник юстиции Акимова оценила благородство своих подследственных. А Вадим скорее всего в ту пору не мог предположить, что несколько лет спустя Ирина Белгородская станет его женой...

Следователи трудятся не покладая рук: обвиняемые, хотя и не признавали своей вины, рассказали все необходимое, свидетели тоже были наготове, вещественные доказательства налицо. К 20 сентября управились, сочинили обвинительное заключение.

«По делу арестованы и привлечены к уголовной ответственности Богораз-Брухман Л.И., Делоне В.Н., Литвинов П.М., Бабицкий К.И., Дремлюга В.А. и Файнберг В.И., материал в отношении которого выделен в отдельное производство, - говорилось в этом документе. - Активной участницей групповых действий на Красной площади была Горбаневская Н.Е., уголовное дело на которую в связи с признанием ее судебно-психиатрической экспертизой невменяемой прекращено. Не отрицая факта прибытия 25 августа с.г. на Красную площадь с плакатами, в этих своих действиях не усматривают преступления и поэтому себя виновными не признают. Об организации и подготовке групповых действий обвиняемые дать показания отказались. Настоящее уголовное дело подлежит направлению в Московский городской суд для рассмотрения по существу». Подписала обвинительное заключение Акимова, резолюцию “согласен” наложил заместитель начальника следственного управления горпрокуратуры Федоров.

Андропов, Щелоков и Маляров докладывали 5 сентября в ЦК КПСС:

“СЕКРЕТНО.

В последнее время, особенно в связи с событиями в Чехословакии, Литвинов, Богораз-Брухман и некоторые их единомышленники вновь активизировали свою враждебную деятельность. 25 августа сего года около 12 часов дня на Красной площади по заранее обусловленному сговору они предприняли попытку, имея при себе плакаты “Руки прочь от ЧССР!”, “За вашу и нашу свободу!”, “Долой оккупантов!” (на русском языке) и “Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!” (на чешском языке), учинить демонстрацию. С участием общественности враждебная акция была своевременно пресечена...В связи с указанным антисоветским проявлением было задержано одиннадцать человек, пятеро из которых после опроса в милиции освобождены.

Комитетом госбезопасности, Министерством охраны общественного порядка и Прокуратурой СССР принимаются дополнительные меры по предотвращению возможных враждебных акций со стороны антиобщественных элементов”.

Винтики государственной машины работали медленно, но верно. 2 октября член Мосгорсуда Л.Н.Монахов, “проверив материалы предварительного расследования и найдя достаточно оснований для рассмотрения дела в судебном заседании, руководствуясь статьями 221-223 УПК РСФСР, постановил:

Предать суду Богораз Л.И., Делоне В.Н., Литвинова П.М., Бабицкого К.И. и Дремлюгу В.А. - всех по статьям 190-1 и 190-3 УК РСФСР.

Назначить дело слушанием в закрытом судебном заседании на 9 октября 1968 года в 10 часов с участием прокурора и адвокатов. Вызвать в суд подсудимых и свидетелей по списку обвинительного заключения”.

Тем временем в материалы дела легла еще одна бумага - телеграмма, которую бабушка Павла Литвинова послала Н. Подгорному:

“К вам обращается вдова Максима Максимовича Литвинова с просьбой помочь освободить моего внука Павла Литвинова, который сейчас заключен в Лефортовскую тюрьму. Я плохо знаю и не могу понять, в чем его обвиняют, но твердо убеждена, что его арест ничем не может быть оправдан. Он честный и настоящий человек, унаследовавший от деда наши идеалы и любовь к справедливости. Прошу вас как главу государства содействовать исправлению ошибки властей и ускорить освобождение моего внука”.

Владимир Буковский, обнаруживший некоторые документы партийной верхушки, не без удивления пишет: “По нашим арестам, судам, приговорам им (вождям.- Ю.К.) приходилось иногда и поспорить, откладывая решение для дополнительной проработки проблемы, возвращаться к ней по несколько раз.” Снимая копии с документов почившего в бозе ЦК КПСС, В.Буковский обнаружил письмо, с которым вдова наркома иностранных дел М. Литвинова обратилась к Микояну с просьбой не сажать внука. И Микоян переправил прошение Брежневу со своей припиской: “Леонид Ильич! Прошу обратить внимание. В данный момент устроить суд - как это, говорят, проектируется - над внуком Литвинова и др. - это значит дать новую пищу нашим врагам. Они уже отсидели. На этот раз ограничиться предупреждением - было бы разумнее. А. Микоян. 13.1X.”

Значит, бабушка Павла продублировала телеграмму Подгорному обращением к Микояну. Каков был результат ее просьб - увидим. А Леонид Ильич на письме А. Литвиновой собственноручно начертал: “Ознакомить членов ПБ”.

Закорючки «членов ПБ» есть и на донесении Андропова в ЦК от 20 сентября 68-го за номером 2205-А. Вероятно, именно этот документ предопределил ход процесса и приговор.

“Секретно.

ЦК КПСС

В дополнение к нашему № 2102а от 5 сентября с.г. сообщая, что прокуратурой гор. Москвы в контакте с комитетом госбезопасности закончено расследованием и передается в суд уголовное дело по обвинению Богораз-Брухман Л.И. (жена осужденного писателя Даниэля), Литвинова П.М., Бабицкого К.И., Файнберга В.И., Дремлюги В.А., и Делоне В.Н. Вина указанных лиц в учинении 25 августа 1968 года беспорядков на Красной площади подтверждается показаниями многочисленных свидетелей и изъятыми вещественными доказательствами.

В ходе оперативной работы, проводившейся после ареста названной группы, получены данные, что обвиняемые, и особенно Богораз-Брухман и Литвинов,

враждебно настроены к советской действительности. Вместе с Бабицким, Файнбергом и другими они до ареста распространяли письма, протесты против прошедших ранее судебных процессов по делам на Гинзбурга, Галанскова и других, то есть, как сообщил наш источник, “активно занимались оплевыванием общественного и государственного строя”.

Накануне организации беспорядков на Красной площади этими лицами были заблаговременно уведомлены аккредитованные в Москве иностранные корреспонденты с целью передачи о “демонстрации” клеветнической информации на Запад. В разговоре с источником обвиняемый Литвинов заявил: “О предстоящей демонстрации были предупреждены журналисты ряда западных агентств, которые смогли сфотографировать для печати демонстрантов как представителей передовой части интеллигенции СССР, которая протестовала против оккупации свободолюбивой Чехословакии...”

Характеризуя политические взгляды участников группы, и, в частности, Делоне, наш источник указывает, что последний, “называя себя ярым противником советской власти, люто ненавидит коммунистов, коммунистическую идеологию, целиком согласен со взглядами Джиласа. Анализируя деятельность группы он (Делоне) пояснил, что у них не было определенной программы, устава, как у оформленной политической организации, но у всех было единое мнение, что наше общество не развивается нормально, отсутствует свобода слова, печати, действует жестокая цензура, невозможно высказывать свои мысли и убеждения, подавляются демократические свободы.” Деятельность этой группы и их пропаганда развивались в основном в кругу писателей, поэтов, а также охватывали широкий круг лиц, работающих в области математики и физики. Среди многих ученых велась агитация с целью заставить последних подписывать письма, протесты и воззвания, которые составлялись наиболее активно занимающимися такого рода деятельностью Петром Якиром и Павлом Литвиновым.

Этот же источник, отмечая положение арестованного Делоне в названной группе, сообщил: “Делоне был вхож в круг больших ученых, академиков, среди них был своим человеком и связывал таким образом группу с ученым миром, воздействуя на последних, ведя среди них активную пропаганду...По словам Делоне, многие из ученого мира разделяют их взгляды, но осторожничают, боясь лишиться работы, быть исключенными из партии”.

По оперативным данным, Делоне в 1967-1968 гг., являясь студентом Новосибирского государственного университета и проживая у академика Александрова, ученика его деда, вел активнейшую антисоветскую пропаганду, разрисовывал краской дома в академгородке с различными призывами и лозунгами, наладил выпуск литературы “самиздата”. Факты распространения листовок и появления надписей на домах в новосибирском академическом городке имели место.

Арестованный Делоне нашему источнику говорил: “...денежными средствами нам помогает интеллигенция, высокооплачиваемые академики, писатели, которые разделяют взгляды группы Якира-Литвинова”.

По имеющимся в распоряжении КГБ данным, Богораз-Брухман и Литвинов недавно получили нелегально от находящегося в заключении Даниэля сборник стихотворений, охаивающих советскую действительность, и переправили его для издания за границу.

Комитет госбезопасности счел целесообразным воздержаться от использования этих оперативных данных по настоящему делу, чтобы не придавать ему политической окраски.

Председатель комитета госбезопасности Ю. Андропов”

Увы, в материалах дела я не обнаружил никаких упоминаний о гбешном “источнике”, который так подробно информировал Лубянку и которому, очевидно, доверяли Вадим и его подельники...

2 октября Вадиму под расписку вручают копию обвинительного заключения, а затем с разрешения судьи Лубенцовой с ним встречается адвокат С. В. Каллистратова. 4 октября член Мосгорсуда Монахов просит заместителя начальника следственного изолятора КГБ подполковника Поваренкова доставить заключенных Богораз, Делоне, Литвинова, Бабицкого и Дремлюгу 9 октября к 10 часам утра по адресу: Серебряническая набережная, 15/17, помещение Пролетарского районного народного суда для слушания дела.

Накануне судебного заседания С. В. Каллистратова вновь встречается с Вадимом.

Глава 8. СУД

*Я вас почитаю за одного из таких, которым
хоть кишки вырезай, а он будет стоять да
с улыбкой смотреть на мучителей, - если
только веру или Бога найдет...*
Ф. М. Достоевский

Из протокола судебного заседания.

9 октября 1968 года судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в составе председательствующего Лубенцовой, народных заседателей Попова и Булгакова, при секретаре Осиной с участием прокурора Дрель и адвокатов Каминской, Поздеева, Каллистратовой и Монахова разбирала в открытом судебном заседании дело по обвинению Богораз, Делоне, Литвинова, Бабицкого, Дремлюги по статьям 190-1 и 190-3 УК РСФСР. В судебное заседание доставлены подсудимые.

Председательствующий объявляет состав суда. Подсудимые отводов составу суда и другим участникам процесса не имеют. Отводов нет и у адвокатов.

Вадим Делоне заявляет ходатайство: направить дело на доследование для установления лиц, которые 25 августа задерживали его и других демонстрантов. Он утверждает: эти лица нарушили общественный порядок, незаконно задержали демонстрантов и избивали их. Делоне также присоединяется к ходатайству Богораз допустить в зал заседания друзей подсудимых.

Ходатайства отклоняются.

На вопрос Лубенцовой подсудимые заявляют: предъявленные обвинения понятны, виновными себя они не признают. Подсудимым и их защитникам удалось настоять, чтобы в суд вызвали свидетелей Великанову, Медведовскую и Лемана. В вызове свидетелей Пановой, Боевой, Габай, Русаковской и Крысина отказали.

В зале заседания был ответственный секретарь газеты “Московская правда” Виктор Белицкий. Не совсем, правда, понятно, для чего; статья о процессе, утверждает он, была загодя получена из Агентства печати “Новости”, но записи для себя он вел. Их он и опубликовал в начале 1991 года:

“Пятеро на скамье подсудимых вызывали в памяти пушкинский рисунок повешенных декабристов. Спустя двадцать два года я отчетливо помню нынешнюю пятерку на этой скамье: отважная умница с толстыми черными косами Богораз; страшно взволнованный необходимостью отстаивать свои убеждения перед ненавистной силой Литвинов; готовый, казалось, хоть сейчас на смерть, но только публичную, юный романтик Делоне; грустный, спокойный логик и семьянин Бабицкий; агрессивный, шумный, заранее со всем не согласный Дремлюга...”

Замечу, что наиболее полно и достоверно процесс отображен в книге Натальи Горбаневской “Полдень”, выпущенной издательством “Посев” и отечественному читателю, к сожалению, совершенно неизвестной.

После необходимых формальных процедур слово дают подсудимым.

- Я пришла на Красную площадь для того, чтобы выразить свой протест нашему правительству по поводу ввода войск на территорию Чехословакии, - заявила Лариса Богораз. - У меня с собою был плакат, выражавший этот протест. Я подошла к Лобному месту, села на тротуар и развернула плакат...

Я считаю, что мои действия не являются нарушением общественного порядка, эти действия не нарушили движения транспорта, не препятствовали прогулкам граждан на Красной площади, само по себе выражение протеста не может рассматриваться как нарушение общественного порядка, так как это противоречило бы гарантированным Конституцией гражданским свободам. Лозунги, отобранные у меня и моих друзей, не содержат клеветнических измышлений...

- 22 августа из сообщений нашей печати я узнал о том, что наши войска введены на территорию ЧССР, - сказал Павел Литвинов. - Я был не согласен с решением нашего правительства и решил выразить свой протест. 25 августа в 12 часов дня я пришел на Красную площадь и сел у Лобного места. Вокруг нас стали собираться граждане, они спокойно нас спрашивали, зачем мы здесь сидим, мы спокойно им объясняли...

Я не вижу состава преступления ни в своих действиях, ни в действиях других. Я знаком со статьей 190-3 Уголовного кодекса. Прежде чем идти на площадь все хорошо продумал, все последствия этого события представлял.

- Начну с того, - заявил Вадим Делоне, - что по существу предъявленного мне обвинения виновным себя не признаю. Я принял участие в протесте, так как был не согласен с решением нашего правительства о вводе войск в ЧССР. Я держал плакат. Тексты плакатов не содержат ничего клеветнического. Предъявленное мне обвинение несостоятельно. Я был возмущен акцией нашего правительства. Я не хочу говорить, кто передал мне плакат с текстом "За вашу и нашу свободу". Этот лозунг я поднял.

1 сентября 67-го года я был осужден Мосгорсудом по статье 190-3 к условной мере наказания. Считаю, что этот приговор в отношении меня и других лиц был неправильным. Я этот приговор не обжаловал - в этом моя ошибка...

На следующий день заседание продолжилось. Адвокат Д. Каминская просит суд выяснить в 50-м отделении милиции, кто из сотрудников КГБ и УООП доставлял задержанных, и допросить их. Подсудимые и их защитники поддерживают просьбу Каминской. Прокурор предлагает ходатайство отклонить. Разумеется, позиция обвинения одерживает верх.

Выступает свидетель защиты Инна Корхова.

- 24 августа мне позвонил Литвинов и назначил встречу в воскресенье, в половине двенадцатого у метро "проспект Маркса". В назначенное время мы встретились. Литвинов предложил пойти на Красную площадь. На углу улицы Куйбышева мы встретили Богораз с какими-то мужчинами. Литвинов подошел к ним и о чем-то поговорил. Потом сказал, что **сейчас я должна все увидеть, но ни во что не вмешиваться.**

Когда они сели, я была от них примерно в 40 метрах. Содержание лозунгов не прочитала. Литвинов сидел очень спокойно, ничего не говорил, даже когда его ударили. Я видела Файнберга, лицо у него было в крови. Потом подошли машины и задержанных начали в них сажать. С ними обращались очень грубо...

Свидетель Татьяна Великанова:

- Я узнала о демонстрации утром 25 августа от своего мужа (К. Бабицкого. - Ю.К.). Я тоже пошла туда. Позвонила своим знакомым и попросила их придти. Я видела как мой муж и другие лица сели у Лобного места. Я заметила человека, который бил ногами Файнберга. Моего мужа взяли последним, они с Горбаневской дольше всех сидели у Лобного места. Я еще долго оставалась на площади и видела, как засвечивали пленки...

Суд переходит к прениям. Слово предоставляется государственному обвинителю, помощнику прокурора Москвы Дрелю.

- Считаю, что вина всех подсудимых полностью доказана. Действия их правильно квалифицируются по статьям 190-1 и 190-3. При определении меры наказания я прошу суд учесть личность подсудимых и конкретные обстоятельства данного уголовного дела. Прошу суд определить подсудимым следующие наказания по каждой из этих статей и по совокупности: Богораз - 4 года ссылки, Литвинову - 5 лет ссылки, Бабицкому - 3 года ссылки, Делоне - два года лишения свободы с присоединением одного года лишения свободы по приговору Мосгорсуда от 1 сентября 1967 года, а окончательно - три года лишения свободы с отбыванием срока в ИТК общего режима. Дремлюге - три года лишения свободы с отбыванием в ИТК общего режима.

Адвокаты Каминская, Поздеев, Каллистратова и Монахов заявляют, что вина подсудимых не доказана и просят оправдательного приговора. То же говорит Лариса Богораз, отказавшаяся от помощи защитника...

События тех дней отразились в дневнике Корнея Ивановича Чуковского.

1 октября. Безумная жена Даниэля! Оставила сына, плюнула на арестованного мужа и сама прямо напросилась в тюрьму. Адвокатши по ее делу и по делу Павлика - истинные героини, губящие свою карьеру. По уставу требуется, чтоб в политических делах адвокаты признавали своих клиентов виновными и хлопотали только о снисхождении. Защитницы Павла и Ларисы* заранее отказались от этого метода.

8 октября. Сейчас ушел от меня известный профессор Борис Николаевич Делоне - дед злополучного Вадима. Рассказал между прочим, как Сталин заинтересовался "Историей опричнины", разыскал книгу о ней и спросил, жив ли автор. Ему говорят: "жив" - "Где он?" - "в тюрьме". "Освободить его и дать ему высокий пост: дельно пишет". Профессору Делоне это рассказал сам автор - Смирнов.

Б. Н. Делоне - говорун. Рассказывал, как принимал у себя француженку Деруа. Все было хорошо, вдруг один оратор сказал: "Жалко одно, что вами управляет такой длинноносый премьер" (Де Голль). Все смутились. Бестактность. И вдруг француженка сказала: "Он не только длинноносый - он глупый. Очень глупый."

Рассказывал, как молодой Якир в Кишиневе, где ставили памятник его отцу, вдруг сказал перед многотысячной публикой, собравшейся на торжество: "Неужели не стыдно Ворошилову и Буденному, кои подписали смертный приговор моему отцу?"

Делоне 78 лет. Бравый старик. Альпинист. Ходит много пешком..."

Среда, 9 .Октябрь. ...в Москве судят Павлика, Л. Даниэль, Делоне. Чувствую это весь день. Таня, Флора, Миша у меня как занозы. И старуха Делоне....

Воскресенье, 13. Октябрь. Пришла к вечеру Таня - с горящими глазами, почерневшая от горя. Одержимая. Может говорить только о процессе над Павликом, Делоне, Богораз и др. Восхищается их доблестью, подробно рассказывает о суде, который и в самом деле был далек от законности... Теперь, когда происходит хунвейбинская расправа с интеллигенцией, когда слово интеллигент стало словом ругательным - важно оставаться в рядах интеллигенции, а не уходить из ее рядов - в тюрьму. Интеллигенция нужна нам здесь для повседневного интеллигентского дела. Неужели было бы лучше, если бы Чехова или Констэнс Гарнетт посадили в тюрьму..."

"Мне казалось тогда, - писал Андрей Амальрик, - что демонстрация была ошибкой - во всяком случае тактической. Я считал, что если Движение сосредоточится на внутренних вопросах, то сможет найти все более широкую поддержку, властям все труднее будет представлять нас в виде кучки отщепенцев. Но если выступить в защиту Чехословакии, то это останется непонятым, а власти арестуют всех демонстрантов и лишат Движение руководителей и активных участников, что сможет за несколько лет привести к его распаду. Помню, как мы спорили об этом с Петром Григоренко - он вместе с Виктором Красиным был в Крыму во время демонстрации, иначе одним из

первых появился бы на Красной площади, размахивая палкой. Думаю теперь, что я был не прав. Было бы очень печально, если бы из самой России не раздался этот слабый и отчаянный крик протеста. Исторически было необходимо - и это важнее тактических соображений, - чтобы было сказано “нет” советскому империализму, быть может, в конечном счете решительное “нет” семи человек на Лобном месте окажется весомее, чем равнодушное “да” семидесяти миллионов на “собраниях трудящихся”...”

Конспективную запись происходившего в августе-октябре 68-го года сделала Майя Улановская, жена правозащитника Анатолия Якобсона, которая совсем юной попала в ГУЛАГ и провела там пять лет.

“...суд над Анатолием Марченко, и в тот же день - советские танки в Праге. Отчетливое чувство: конец, мы живем в 52-м году. Но не у всех такое чувство. 25 августа у Лобного места на Красной площади демонстрация 7 человек. Держат плакаты: “Руки прочь от Чехословакии!”, “Позор оккупантам!”. Читатель свободного мира! Понимаешь ли ты, что это значит - демонстрация протеста на Красной площади? Суд над демонстрантами, и в толпе у здания суда на Серебряннической набережной - и молодые, и пожилые, и средние. И бывшие арестанты, и будущие. И очень много “представителей общественности”. Часть представителей устроилась в зале, чтобы в нужный момент “выражать мнение народа”, а часть крутится возле нас и бросает, походя, реплики про Сталина. И как последняя идиотка, я что-то кричу в истерике. Оказывается, легче рассуждать, что протест в этой стране не имеет смысла, чем устранишься, ведь среди подсудимых наши друзья, и все происходящее для нас - глубоко личное дело. И личное, и общественное. И ты, уже привыкнув жить на свободе, утерев былую готовность сидеть, опять попадаешь в диссиденты, и снова ты у них на крючке, и никуда не денешься...”

11 октября - последний день процесса. С защитительными речами выступают адвокаты подсудимых. С. В. Каллистратова говорит:

- Руководствуясь законом и только законом, я обязана, в силу своего профессионального долга, просить суд об оправдании Вадима Делоне, так как ни в законе, ни в материалах дела нет оснований признать уголовно наказуемыми его действия...С одной стороны, прокурор говорит, что подсудимые - это незначительная кучка неправильно мыслящих людей, которая тонет в единодушии всего народа. Значит, их действия не так уж опасны? Но с другой стороны, прокурор требует определить меру наказания самую суровую - три года лишения свободы, то есть, очевидно, исходит из признания какой-то повышенной опасности этих действий, хотя материалы дела не дают для этого оснований. Если, как утверждает прокурор, в самом факте выражения несогласия с отдельными мероприятиями правительства содержится состав преступления, - то тогда защищать Делоне возможно. Но пусть прокурор укажет закон, определяющий, что в этом есть состав преступления...

Последнее слово предоставлено подсудимым.

- Я уже сказала, - подчеркнула Лариса Богораз, - что виновной себя не признаю, так как в моих действиях не усматриваю состава преступления. Тексты плакатов, которые мы держали, не содержат клеветнических измышлений и не порочат государственный и общественный строй. В них отражено наше несогласие только по вопросу ввода войск в ЧССР. Я действовала обдуманно, сознавала, что делаю. Я и сегодня убеждена в правоте своих действий. Если бы я этого не сделала, то считала бы это ошибкой. Мои убеждения основываются на том, что...

Здесь прокурор перебивает Л. Богораз. После замечания, что следует говорить только по делу, подсудимая продолжает:

- Я очень сожалею, что со мной на Красной площади оказались начинающий поэт, молодой человек Делоне и ученый Бабицкий, которым прокурор попросил определить суровое наказание. Я считаю это неправильным и необъективным.

Павел Литвинов:

- Виновным себя не признаю. Преступления я не совершал. Когда я шел на Красную площадь, я предвидел последствия. Предъявленное мне обвинение считаю необоснованным. Я всегда боролся против несправедливости и буду бороться...

Владимир Дремлюга:

- С 17-летнего возраста я протестовал против всякой несправедливости. На Красную площадь я пришел, так как был не согласен с решением правительства о вводе войск в ЧССР. Я убежден, что поступил правильно. Я считал...

Председательствующий останавливает Дремлюгу.

- Мои убеждения, - продолжает после замечания Дремлюга, - привели меня сюда, поэтому я буду говорить о своих убеждениях!

Лубенцова вновь прерывает Дремлюгу.

- Я до настоящего времени убежден в правоте своих действий. Еще во времена сталинизма...

Прокурор возмущен:

- Прошу суд еще раз сделать замечание подсудимому и разъяснить ему статью 297 УПК РСФСР.

В своем последнем слове Константин Бабицкий сказал:

- Прошу суд не считать нас врагами нашего государства, а видеть в нас людей, которые имеют свои взгляды. Я понимаю, что должен понести наказание, и это меня не радует. Вы будете решать нашу судьбу. Одновременно вы будете решать судьбу человечества. Прошу вас быть справедливыми.

- Я убежден, - говорил в последнем слове Вадим Делоне, - что критика отдельных действий правительства не только допустима и законна, но и необходима. Все мы знаем, к чему привело отсутствие критики правительства в период сталинизма.

Я понимал, что мое положение особое. И что обвинение, безусловно, воспользуется этим, если против меня будет возбуждено уголовное дело. В отличие от других подсудимых я знал, что такое тюрьма; я провел в ней более 7 месяцев. Однако я все-таки вышел на демонстрацию. Принять такое решение для меня было нелегко: наказание должно было быть суровым. Это лишь доказывает, что я действовал с глубокой убежденностью в своей правоте. Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади я могу расплатиться годами лишения свободы...

Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Опустив уже известный набор формулировок вроде “заведомо ложные измышления”, “участие в групповых действиях” и тому подобное, остановимся на главном. Судебная коллегия удовлетворила просьбу прокурора: Дремлюга и Делоне получили три и два года и десять месяцев лишения свободы соответственно, Бабицкий, Богораз и Литвинов - 3, 4 и 5 лет ссылки.

Пока оформляли бумаги, минуло несколько дней. 15 октября в Лефортово пришла подписанная Лубенцовой сопроводилка: “Направляю 10 экземпляров копий приговора судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 11 октября 1968 года для немедленного вручения осужденным Богораз, Делоне, Литвинову, Бабицкому, Дремлюге.”

Бабушка Вадима Мария Генриковна просит свидания с внуком - Лубенцова разрешает. Встречается с Вадимом дед, Борис Николаевич. На свидание с сыном приходит мать Вадима, Ирина Оттовна.

Из материалов уголовного дела № 41074/56-68с

Из кассационной жалобы В. Делоне.

“ Даже в последнем слове мне пришлось отказаться от попытки объяснить свои действия, мотивировать их, так как прокурор и председательствующий непрерывно прерывали меня и других подсудимых, угрожали лишить последнего слова вообще.

Мне ведь прямо вменялся в вину текст лозунга, который я поднял 25 августа на Красной площади, а текст лозунга как раз отражал мои убеждения, мое отношение к действиям правительства.

Действия представителей власти превратили судебное заседание в практически закрытый процесс. Судебное заседание было открыто только для специально подобранной публики и некоторых самых близких родственников. В ходе судебного заседания был грубо нарушен принцип гласности судопроизводства.

Приговор суда, на мой взгляд, является совершенно необоснованным и неправильным. 25 августа на Красной площади у Лобного места я действительно поднял лозунг с текстом “За вашу и нашу свободу” в знак протеста против введения советских войск в Чехословакию. Однако абсурдно рассматривать этот факт сам по себе как нарушение общественного порядка. Статья 125 Конституции СССР гарантирует гражданам свободу митингов, демонстраций и уличных шествий.

Право на такую критику не только гарантировано конституцией, но и превращается в обязанность, в гражданский долг каждого честного человека. Вне зависимости от справедливости или несправедливости с чьей бы то ни было субъективной точки зрения, такая критика необходима обществу и служит его демократическому развитию.

Если приговор Мосгорсуда останется в силе, это будет означать не только лишение свободы для меня лично, это будет означать, что гарантированная нам Конституцией свобода слова, демонстраций и уличных шествий существует только в тексте Конституции, но не на практике. Это мое глубокое убеждение”.

Из кассационной жалобы адвоката С. Каллистратовой.

“Считая, что молодой поэт Делоне В.Н. осужден к непомерно суровой мере наказания при отсутствии в его действиях состава преступления, прошу рассмотреть нижеследующие доводы:

Защита не может не отметить того обстоятельства, что самый молодой из осужденных (Делоне только 20 лет) оказался единственным, кому суд определил меру наказания более суровую, чем просил прокурор.

“За вашу и нашу свободу” - это название кинофильма, идущего сейчас на экранах Москвы, это название только что вышедшей книги, это заголовок статьи, опубликованной в “Комсомольской правде” 12 октября 1968 г. Признание такого лозунга криминальным по подтексту невозможно.

Осуждение Делоне явилось результатом явно расширительного толкования уголовного закона”.

...У дверей, за которыми происходило судилище, толпились друзья демонстрантов. “Нам “не хватило” мест в зале: они были заняты людьми, которые проходили в здание с черного хода по специальным пропускам, - писал Илья Габай. - По инициативе П. Г. Григоренко было составлено письмо с требованием допустить друзей подсудимых в зал суда. Под ним успели поставить подписи около четырех

десятков человек. И желающих подписаться было еще достаточно. В разгар сбора подписей некто в штатском выхватил письмо и разорвал его...”

Петиция в защиту осужденных, адресованная депутатам Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, в редакции “Известий” и “Советской России”, была составлена и подписана, в частности, Т. Великановой, математиком, А. Вольпиным, кандидатом физико-математических наук, И. Габаем, педагогом, П. Григоренко, военным пенсионером, Н. Емелькиной, служащей, И. Квашой, заслуженным артистом РСФСР, Ю. Кимом, педагогом, Ю. Киселевым, художником, С. Ковалевым, кандидатом биологических наук, В. Красиным, экономистом, А. Левитиным (Красновым), церковным писателем, В. Некрасовым, писателем, Л. Плющом, математиком, И. Роднянской, литератором, В. Туриянским, слесарем, П. Якиром, историком, А. Якобсоном, переводчиком.

В стране развитого социализма были, по точному наблюдению В. Буковского, свои проблемы с законом, которые режим никак не мог разрешить со времен революции. Прежде всего потому, что идеология вообще, а марксистско-ленинская в особенности, несовместима с понятием “закон”. Идеология - это легенда, миф и поэтому неизбежно противоречива, в то время как весь смысл закона - в его внутренней непротиворечивости. Тем более противоречивой была коммунистическая практика, составляя компромисс между идеологией и реальностью. Главная причина несовместимости закона и идеологии в тоталитарном государстве состоит в том, что здесь, по определению, должна главенствовать идеология, а не закон, и коль скоро она не может править через закон, то оказывается над законом...

“В расчете на сенсацию” - так называлась заметка в “Московской правде” 12 октября 1968 года. Перед Московским городским судом, говорилось в ней, предстали пять подсудимых. Их обвиняют в антиобщественных поступках, аморальном образе жизни, в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок. Суть дела. 25 августа в 12 часов дня перечисленные выше подсудимые, предварительно сговорившись, явились на Красную площадь и, усевшись около Лобного места, развернули заранее приготовленные плакаты, содержащие оскорбительные для советских людей, клеветнические надписи. Они стали громко кричать, повторяя содержание плакатов и пытаясь привлечь к себе внимание прохожих. Но сборище это длилось всего несколько минут. Ровно столько, сколько нужно было, чтобы люди, находившиеся около Лобного места, поняли суть происходящего. Их окружили возмущенные рабочие, колхозники, студенты. Они вырвали из рук крикунов плакаты, разорвали их, в весьма недвусмысленных выражениях высказали хулиганам, что о них думали. Милиционеры с трудом провели эту компанию сквозь разгневанную толпу. Каков же облик подсудимых? Всех их объединяют не только антиобщественные взгляды, но и антиобщественные поступки, неудержимая страсть к спиртным напиткам, к разврату и тунеядству...

Можно не сомневаться, что западные специалисты по антисоветской пропаганде постараются использовать этот судебный процесс для очередной шумихи, для еще одной дешевой сенсации. Н. БАРДИН.

“Вечерняя Москва” тоже не осталась в стороне. 12 октября она выступила с публикацией “По заслугам”.

В ходе процесса, писал некий А. Смирнов, все более вырисовывается неприглядное лицо подсудимых. На суде они ведут себя развязно, впрочем, таковы они и в жизни. Противно перечислять дела этой компании. Находящиеся в зале суда москвичи с возмущением смотрят на них. Красная площадь - святыня нашего народа. Хулиганить на ней, кощунствовать - преступление особого рода. Подсудимые

получили свое. Получили по заслугам. Находившиеся в зале представители общественности Москвы с одобрением встретили приговор суда...

19 ноября судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отказалась удовлетворить кассационные жалобы всех пяти осужденных, поддержанные адвокатами. В тот же день приговор вступил в силу. Чуть было не написал - законную...

Чуть ранее, 12 октября, Андропов, Щелоков и Руденко “в порядке информации” доносят в ЦК:

“СЕКРЕТНО.

9-11 октября Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда рассмотрела в открытом заседании уголовное дело по обвинению Богораз-Брухман Л.И., Литвинова П.М., Бабицкого К.И., Делоне В.Н., и Дремлюги В.А. и признала их виновными в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст.190-1 УК РСФСР), и групповых действиях, повлекших грубое нарушение общественного порядка и нормальной работы транспорта (ст.190-3 УК РСФСР). Подсудимые как во время предварительного следствия, так и в судебном заседании рассказали о факте сознательного участия в провокационной вылазке на Красной площади, однако виновными себя не признали, отрицая наличие состава преступления в своих действиях. Позиция подсудимых была поддержана адвокатами Каминской, Каллистратовой, Монаховым и Поздеевым...

Во время судебного процесса в зале суда ежедневно присутствовали 60-70 человек, в том числе родственники подсудимых, представители общественности Москвы, советские корреспонденты и другие лица.

У здания суда находились знакомые и единомышленники осужденных, а также корреспонденты ряда капиталистических государств. В группе этих лиц были известные своими антиобщественными проявлениями Григоренко, Якир, Габай, Горбаневская, Баева, Ким, Вольпин-Есенин, Никольский, Русаковская и другие. Они распускали тенденциозные и ложные слухи, собирали подписи под заранее подготовленным “обращением” клеветнического характера, пытались спровоцировать дружинников и снабжали клеветнической информацией иностранных журналистов...

Приговор суда был встречен с большим одобрением присутствующими в зале гражданами. После оглашения приговора осужденные сделали попытку братания между собой, а Дремлюга крикнул: “Теперь, товарищи, за нашу свободу!”

*

*

*

Этим можно было бы и ограничиться, рассказывая о судебном процессе 1968 года. Но в деле имеется еще ряд документов.

В декабре 68-го года в судебную коллегию по уголовным делам Мосгорсуда пришла бумага, гласящая, что в соответствии со статьей 359 УПК РСФСР Делоне В.Н., 1947 г.р., осужденный 11 октября 1968 г. по статьям 190-1 и 190-3 УК РСФСР к 2 годам 10 месяцам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима, отбывает наказание по адресу: Тюмень, п/я ЯЦ-34/2.

В июле 69-го года паспорт серии ХХ1У-СА № 663326 на имя Делоне В.Н. направлен в 68 отделение милиции города Москвы **на уничтожение.**

В январе 70-го года начальник отделения следственного отдела КГБ Фокин просит председателя Мосгорсуда Осетрова “выдать нам в связи с возникшей необходимостью для ознакомления архивно-следственное дело на осужденных Мосгорсудом Богораз, Делоне и др.”

В марте 71-го и. о. прокурора города Сочи пишет председателю Мосгорсуда: в производстве прокуратуры г. Сочи находится уголовное дело по обвинению Румянцева А.З. и Волжской В.С. по статье 190-1 УК РСФСР. По имеющимся данным в сентябре-октябре 68 г. уголовной коллегией Мосгорсуда рассмотрено уголовное дело по обвинению Богораз, Делоне и других, при этом свидетелем по данному делу проходил Румянцев, который в настоящее время привлекается к уголовной ответственности. Прошу выслать уголовное дело Богораз и других. Подпись - П. Костюк.

По миновании надобности возвращаем уголовное дело по обвинению Богораз и других по статьям 190-1 и 190-3, пишет прокурор Ленского района Якутской АССР А. Данилов. Ну тут ясно: в Якутии отбывал срок В. Дремлюга, в это время ему “шили” новое дело.

К процессу демонстрантов возвращаются еще не раз.

Начальник отделения следственного отдела КГБ обращается к председателю Мосгорсуда Алмазову: по встретившейся (!) необходимости просим дать указание выдать следователю следственного отдела КГБ Губинскому А.Г. уголовное дело на Хаустова В.А. и Богораз Л.И.

В декабре 75-го все та же Лубенцова сообщает заместителю председателя Верховного Суда СССР Куликову: согласно вашему запросу направляем уголовное дело Богораз, Делоне и др.

Наконец, 3 мая 1990 года прокуратура РСФСР обращается с протестом в президиум Верховного Суда РСФСР по уголовному делу Богораз, Делоне и других.

...Изучение материалов дела показало, говорится в документе, что доказательств, подтверждающих факты грубого нарушения общественного порядка и нормальной работы автотранспорта, не собрано.

Что касается распространения заведомо ложных измышлений, то анализ текстов плакатов свидетельствует, что они таковыми не являются, общественный и государственный строй не порочат, а выражают отношение граждан к происходившим в мире событиям. То, что это отношение не совпадало с мнением правительства, состава преступления не образует.

6 июня 1990 Президиум Верховного Суда СССР постановил:

Приговор Московского городского суда от 11 октября и определение Верховного Суда РСФСР от 19 ноября 1968 года в отношении Богораз, Бабицкого, Делоне, Дремлюги и Литвинова отменить, дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

* * *

22 года спустя они все-таки оказались в Праге. “Вечером 21 августа мы гуляли по городу, одному из самых красивых в мире, - писала Наталья Горбаневская, - и на

Карловом мосту я сказала: “Нет, конечно, мы вышли на площадь только для того, чтобы увидеть всю эту красоту...” Конечно, насчет корыстного желания увидеть Прагу - шутка, тем более горькая, что с нами уже не было Вадима Делоне. Ирина Белогородская, его вдова, выступая на пресс-конференции, говорила, как радовался бы Вадик, рассказывала о нем. А мы напомнили, что если Иры не было с нами на Красной площади, то потому лишь, что в это время она сидела в Лефортовской тюрьме за распространение открытого письма в защиту Анатолия Марченко...”

Приматор (мэр) Праги вручил Елене Боннэр ключ от столицы, а Ирине Белогородской-Делоне, Константину Бабицкому, Ларисе Богораз, Наталье Горбаневской, Павлу Литвинову и Виктору Файнбергу - дипломы о присвоении почетного гражданства столицы Чехословакии. Диплом отсутствовавшего Владимира Дремлюги (он побывал в Праге ранее) принял Александр Дубчек...

Выступая в тот день на Вацлавской площади президент Чехословакии Вацлав Гавел сказал:

- Что же произошло 22 года назад? После перемен в руководстве коммунистической партии, когда представители ее реформистского течения оказались на ведущих постах и начали проводить некоторые частичные реформы, постепенно очнулось все наше общество. В нем пробудились надежды на то, что после двадцати лет коммунистического тоталитаризма мы начнем строить в нашей стране более демократический, более свободный, более справедливый общественный порядок. Эти надежды были разбиты в ночь с 20 на 21 августа, когда пять армий Варшавского пакта, союзники нескольких отечественных заговорщиков, напали на нашу страну, чтобы жестоко подавить процесс, который тогда начался и был отражением пробуждающихся надежд наших народов. В результате этой агрессии у нас был установлен один из самых консервативных коммунистических режимов советского блока, который затем безжалостно мстил каждому, кто стремился к возрождению нашего общества...

* Лариса Богораз отказалась от защитника. (*Прим. автора*).

Глава 9. ЛЕФОРТОВО - ТЮМЕНЬ, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ

*Для человека, чей родной язык русский,
разговоры о политическом зле столь же
естественны, как пищеварение.*

Иосиф Бродский

После Лефортова Вадим оказался в краснопресненской пересылке, откуда этапом - в Тюмень. Там, в исправительно-трудовой колонии ЯЦ-34/2, Делоне провел без малого три года.

- Я навещал Вадима дважды, - вспоминал академик А. Д. Александров. - Первый раз вместе с его младшим братом Мишей зимой 1969-го. Хотя я не приходился Вадиму родственником и формально не имел права на свидание, тюремные власти разрешили его сразу. Второй раз я летел из Новосибирска на сессию Академии наук специально через Тюмень, чтобы встретиться с Вадимом. То было 8 ноября, а в праздничные дни свидания не разрешались, но когда я показал авиабилет в Москву, разрешение было дано. Эта встреча была краткой. Первое же свидание было длительным - больше суток, при лагере был барак с комнатами для свиданий. Там мы и провели время вместе - втроем без всяких нянек. Надо ли говорить, как мы были рады встрече - Вадим был бодр, здоров, не жаловался и не ругался. Он вспоминается мне как крепкий мужчина...

Приезжал в Тюмень и Борис Николаевич Делоне.

“Ему, академику, удалось получить в тюменской уголовной зоне свидание с Вадимом, - писал Валерий Сендеров. - И он попробовал уговорить внука.

- Скажи, кто из нас в жизни большего добился? Я власти не служу, занимаюсь любимым делом. Ты человек талантливый, почему тебе не жить так же?

- Я, дед, добился большего. Я пять минут в жизни был абсолютно свободен. А ты нет...”

Этот период своей жизни он описал в романе “Портреты в колючей раме”, еще в рукописи удостоенном премии имени Даля. А в 1993 году стараниями друзей, в первую очередь Людмилы и Владимира Бережковых, книга стихов и прозы Вадима Делоне вышла в Омске.

- Отлично помню, как состоялась презентация книги, - говорит Юлий Ким. - В Омске шла моя песенная пьеса “Московские кухни”, посвященная диссидентам. Один из героев списан с Вадика, его так и зовут - Вадим. На сотом представлении - а надо сказать, омичи регулярно на него ходят более пяти лет - в самом финале, когда начинает звучать “Вечная память”, все участники внезапно остановили действие и раскрыли книжки Вадима и в течение пяти минут шел как бы монтаж фрагментов из нее. Лучшей презентации я не представляю...

Поэтому не стану пересказывать то, что превосходно описал сам Вадим. В его письмах из зоны не было жалоб, каких-то ужасающих подробностей и прочего. Чаще в них содержались просьбы прислать что-то - скажем, растворимый кофе или какую-нибудь книгу. Всем этим он щедро одаривал своих союзников, помогал им как мог.

Лагерная проза Вадима (автор предисловия Владимир Буковский верно заметил, что это не мемуары, не трактат о лагерной жизни, а скорее зарисовки, наброски, новеллы, в которых автор живо и выпукло обрисовал характеры, нравы и отношения

своих сокамерников, передал саму психологическую атмосферу лагерной жизни, с той последней честностью, когда за каждую строку платишь кровью души) буквально потрясает. Он не пытался сообщить о лагерях брежневской поры что-то новое, - практически все уже известно, описано, рассказано. Вадим передает ужасающие подробности лагерного быта - но возникает какое-то очень светлое чувство, может быть, надежды? Сразу проникаешься огромной симпатией к автору. Понимаешь, что его детское чистосердечие, доверчивость и интеллигентность не могли не подкупать даже свирепых уголовников и бандитов.

Так увидеть жизнь одной из многочисленных малых зон (ибо вся-то страна была не самым веселым бараком в соцлагере), похоже, мало кому удавалось. Вадиму дано было понять любого, а понять - значит простить. Широты его сердца хватало на всех. Он оказался готов принять все тяготы своего крестного пути, нес свою ношу с достоинством и редким благородством.

Не могу не сказать о его наблюдательности, памяти. Вадим, может быть, несколько идеализирует некоторых своих товарищей по лагерю, но это само собой следует из всего строя его души. “Портреты в колючей раме”, при всей автобиографичности, - это именно портреты, галерея людей, с кем рядом прошли три года в Сибири. Подлинные преступники и сидящие без особой вины, ожесточившиеся и податливые к участливому слову, наивные и циничные, охранники - офицеры и рядовые, жестокие и смутно представляющие, кого и зачем они сторожат и какую судьбу себе избрали. К каждому из этих несчастных, убогих, нищих духом Вадим умел найти подход. Без всякой искательности, без тени страха. Просто выслушивал терпеливо, писал письма родным или “заочницам”, сочинял стихи на заказ, по возможности просвещал, щедро делился всем, что получал с воли. И из этих зарисовок вырастает фигура такого исключительного обаяния, привлекательности, что щемит сердце, снова и снова задаешь себе дурацкий вопрос: как сумел он выдержать такие испытания?

Этого впечатления - о высокой, прекрасной душе автора - не могут покоробить ни лагерная лексика с матерщиной, ни беспросветный колорит лагерных будней, ни иные тягостные подробности. Все в повести - с чувством меры.

“На страницах этой небольшой книги, - писала в 1985 году доктор биологических наук Раиса Берг, - Делоне повествует, в сущности, не только о судьбе заключенных, а о судьбе всей России, попавшей в силу трагического стечения обстоятельств за колючую проволоку. Как будто между строк дан анализ стратегии полицейского государства в преследовании своекорыстных целей. Стратегия эта предельно проста и по отношению к тем, кто в лагере и кто за его пределами - в Большой зоне, и вечна, как само человечество, - игра на худших сторонах человеческой природы. Впрочем, и на лучших... Само благородство, доброта, не знающая границ, поминутно перехлестывающее самопожертвование водили кистью мастера, нанесшего эти портреты на обрамленный колючей проволокой холст...”

В этой неопубликованной статье Р. Берг вспоминает, как познакомилась с Вадимом в 67-м году в новосибирском Академгородке. Вадима приглашали в салоны академиков, на время оттаявших при хрущевской оттепели, и он читал свою “Балладу о неверии”:

*Живопись, проза и стих -
только вождей прославление
в форме, доступной для них...*

Вадим Делоне заставил интеллигентные тени, какими мы были, не ограничиваться заглядыванием в зеркала литературы и живописи, чтобы увидеть самих себя. Он помог многим из нас стать самими собой. Не будь Вадима, не было бы письма сорока шести, влившееся в поток протестов против преследования литераторов, правозащитников, носителей свободной мысли, против судебных инсценировок, сфабрикованных КГБ процессов...

Один из тех, кто делил тяготы лагерной жизни с Вадимом, Юрий Рыбовалюк, написал воспоминания, которые помогают представить, какое впечатление производил Вадим, как действовало общение с ним на самых разных людей.

“Следом за мной в “купе” протиснулся молодой высокий парень в не по росту маленькой телогрейке, делающей его долговязым и сутулым, в нечищенных кирзовых сапогах. Шапка свалилась с его большой круглой головы и он, поднимая ее и показывая на соседнюю шконку, спросил:

- У вас свободно?

Мой слух, привыкший к матерно-блатным фразеологизмам, осквернило обращение на “вы”. Это заставило поближе присмотреться к соседу. Он, положив свою бирку на тумбочку, расстелил матрац и разбирал вещи. В это время я “сфотографировал” его данные.

- Ты можешь сказать одним словом, за что сидишь?

- Одним? Пожалуйста. За клевету.

- Ну и что, ты действительно оклеветал советскую власть?

- Это она так считает.

- А ты?

- Так, как она сама себя оклеветала - столько “правды” о себе наговорила за все эти годы, никому не под силу.

И он начал рассказывать. По привычной размерности его голоса я понял, что делает он это не впервой.

Мой сосед по нарам по счастливому стечению обстоятельств оказался тем инакомыслящим, который и открыл мне на правду глаза. Сейчас, когда о культуре, о голоде, о раскулачивании, о репрессиях стало известно почти все, это может показаться банальным. Но тогда, узнавая от Вадика все эти страшные факты, я с трудом принимал их. Сопоставляя происходившее вокруг с официальной информацией, я видел и ощущал огромную разницу не в пользу последней. Вадик умело разрушал мое советское миропонимание...” *

* Юрий Андреевич Рыбовалюк, чей очерк о Вадиме был опубликован в журнале «Урал» и газете «Русская мысль», откликнулся на мое письмо. Он живет в Екатеринбурге, у него двое детей. «Я стал правозащитником, - пишет он, - организовал два свободных профсоюза - на Уральском подшипниковом заводе и на заводе имени Калинина». Осенью 1999 года он приезжал в Москву специально для участия в съемках фильма о Вадиме. (Прим.автора)

...Все чаще и чаще накатывает горечь, и думается: мы и вправду те самые Иваны, что не помнят родства. Начисто отшибло историческую память у целого народа! Вон взгляните: толпы бесноватых, марширующих под красными полотнищами с изображениями генералиссимуса и кровавого сифилитика, - они помнят своих идолов. А что же демократическая публика, они-то почему не склонят головы перед памятью тех, кто боролся с монстром? Могут возразить: есть соловецкий камень на Лубянской площади, к которому приходят с цветами и свечами в День политзаключенного. Но сей печальный монумент, простите, не конкретен, не персонифицирует тех, кто отстаивал человеческие права в недавнем прошлом.

Смотрел как-то репортаж о демонстрации протеста в Белоруссии. Корреспондент НТВ, вспомнив к случаю акцию на Красной площади в августе 68-го, заявил: тогда два десятка человек вышли на Лобное место. А в программе радио “Эхо Москвы” Вадима Делоне назвали почему-то художником. В число демонстрантов включили даже...Елену Боннэр. Можно сказать - досадные неточности, известная дремучесть, свойственная пишущей братии. Однако, думается, эти ошибки симптоматичны: не знаем и не хотим помнить самых драматических страниц собственной истории.

“Несомненно, - писал в 90-м году Феликс Светов, один из участников правозащитного движения, - что именно узники совести могли стать подлинной нравственной основой перестройки. То, что ее идеологи и организаторы ими пренебрегли, не захотели на этот “камень” опереться, постыдная история с освобождением политзэков, то, что наше “освободившееся” общество не желает о них вспоминать, - в этом, на мой взгляд, и глубокая внутренняя причина пробуксовки перестройки...Поразительно, что общество прошло и до сих пор проходит мимо четвертьвековой жертвы, подарившей ему нравственную силу, начав демократизацию страны с белого листа.”

В ту пору, когда писались эти строки, можно было и не разглядеть, что “идеологи и организаторы перестройки” суть те же гебисты и высшие партфункционеры, плоть от плоти большевистской банды, семьдесят с лишним лет гнобившей собственный народ. Да и перестройка с человеческим лицом Горбачева, этого, по меткому наблюдению Юрия Любимова, Чичикова, затеяна была самой же властью с единственной целью - спасти режим от неминуемого краха. Едва ли Ф. Светов не догадывался об этом. Автор семи романов, широко распространившихся в самиздате, он в 1980 году был исключен из ССП за “антисоветскую, антиобщественную, клеветническую деятельность”, а в январе 85-го арестован, и после года тюрьмы по 190-й статье получил еще пять лет ссылки. Было это, заметьте, в горбачевские гуманные времена...

В новой книге Владимира Буковского “Московский процесс” находится объяснение этой постыдной беспамятности: “Пожалуй, не вспомнить другого такого момента в истории человечества, когда коллаборанты и конформисты вдруг оказались самыми большими героями. Страна захлебывалась от восторга собственной смелостью...Характерно, однако, что, используя нашу терминологию, наши определения “застоя” и “правового государства”, а иногда цитируя целые куски из самиздатских работ, никто из них ни разу даже не заикнулся о первоисточнике, о том, откуда появилось это странное слово - гласность. Будто бы и не было наших судов, наших книг, нашумевших обменов и высылки. Словно исчезли из жизни страны два десятилетия и жизнь началась заново, с нуля. И дело тут было даже не в том, что **еще нельзя**, а в том, что говорить об этом никто не хотел, понимая неизбежность вопроса: а что же в это время делали вы? Более того, сознательно или бессознательно, но вся эта перестроечная публика люто нас ненавидела, так же, впрочем, как и возникшие из нее

нынешние “демократы”. Никогда не простят они нам того, что мы остались “чистыми”, не жрали с ними из одной партийной кормушки, не искали тех компромиссов с совестью, что составляли их жизнь...”

Но вернемся к Вадиму Делоне. Закончились долгие два года и десять месяцев, и летом 1971 года он вновь оказался в Москве.

- Когда на следующий день после возвращения из тюменского лагеря Вадим пришел к Софье Васильевне (Каллистратовой. - Ю.К.), - вспоминала дочь адвоката Маргарита Александровна, - наголо остриженный, с поглубевшим лицом, с какой-то сбивчивой речью, пересыпаемой лагерным жаргоном, как он был не похож на того восторженного мальчика, которого я видела на Воровского весной 1968 г. с Ирой Белгородской (они только что поженились и были удивительно красивы - какими бывают лишь влюбленные).

Здесь автору воспоминаний память изменяет: с будущей женой Вадим познакомился как раз после освобождения из лагеря. Но далее следует еще более досадная ошибка:

- В Вадиме, арестованном в девятнадцать лет, что-то надорвалось; это, наверное, и привело его к самоубийству во Франции, куда он вынужден был эмигрировать вскоре после освобождения.

- Прекрасно помню: абрамцевская дача, крыльцо. И сверху спускается Вадим в каком-то идиотическом картузе, - рассказывает Сергей Шаров, двоюродный брат Вадима. - Он только что вернулся и тут же отправился на дачу к деду. Мы выходим с крыльца, бежим ему навстречу. Вадик снимает картуз - у него бритая голова. Я в первый раз в жизни вижу: у деда на глазах слезы. Для меня это яркий момент, мне было тогда 15 лет, я на девять лет младше Вадика, Мишка был между нами связующим звеном...

Бабушка Вадима к тому времени уже с трудом осознавала происходящее.

- Я Вадим, твой внук, - сказал ей Вадик, на что она, не узнав его, ответила с гордостью:

- Мой внук Вадим на каторге...

Вадим, считает Сергей, сыграл большую роль в его жизни. Когда его посадили, Сергей отказался вступать в комсомол. Был повод осмыслить, что произошло, и он сделал осознанный выбор: один из лучших учеников престижной английской школы - и вдруг наотрез, словом - скандал. Они росли вместе, в большой квартире на Пятницкой, в старом московском доме, от которого теперь мало что сохранилось. Дом № 12 основательно перестроен, и в нем помещается Ингосстрах. А во флигеле перед ним - музей Льва Толстого. Вадим таскал подросткового Сергея на Автозаводскую к Киму, брал к Ольге и Валерию Прохоровым на Соколиную гору (там состоялись проводы А. Галича, там же провожали потом и самого В. Делоне). Отец Сергея, Александр Сергеевич Шаров, помнит и детство Вадика.

- Был мальчик как мальчик: играл в индейцев, гонял в футбол, много читал. Семья была спортивная - и Николай Борисович, и Ирина Отговна ходили на лыжах, в зимние каникулы приезжали на дачу.

- На даче у Бориса Николаевича было много книг?

- Напротив, книг почти не было. Русская классика, очень немного книг по математике. Математику не нужно много книг по специальности, каждый работает в своем узком направлении. А если видный математик, он-то и определяет направление. Были всевозможные альбомы по живописи, много интересного.

- Борис Николаевич занимался внуками?

- Не знаю. Потом, когда разладилась жизнь у Николая, дед мучился. Очень любила детей бабушка, Мария Генриковна.

- Ни я, ни мой отец не одобряли деятельность Вадима, - говорит Николай Борисович Делоне. - Отец, переживший 1-ю мировую войну, революцию, гражданскую войну, большевизм, советскую власть, - чего он только не пережил! Всех этих лениных, сталиных, хрущевых. Он придерживался точки зрения: политикой занимаются неудачники. Если у человека способности, то он должен заниматься делом, наукой, скажем. Эти измы, системы, вожди и прочее приходят и уходят - наука остается. В жизни необходимо сделать что-то, что войдет в энциклопедию.

Ну зачем, говорил я Вадиму, тебе это? Если тебя занимают стихи - занимайся стихами. Не могу писать не то, что думаю, отвечал он. Возьми пример: знакомая нашей семьи - Анна Ахматова. Четверть века писала в стол, запоминала, боясь записывать. Словом, я его осуждал. По-моему, это генетически предопределено: моя мама была такая же, как Вадим. Она была дочерью богатой питерской помещицы, у которой были в Петербурге свои магазины. Братья ее были офицеры, причем отъявленные монархисты.

- Мария Генриковна, наверное, не приняла большевистский режим?

- Совсем не приняла. Когда в середине 30-х ее друзья стали исчезать, она вплоть до самой войны ездила в какие-то тьмутаракани, помогая им и своим появлением показывая, что ничего не боится. Папа совсем иной, он всегда сторонился этого и писал свои формулы. На характер Вадима больше всего повлияли бабушка с дедушкой, они воспитывали и его, и Мишу. Круг чтения в значительной мере определял мой отец, он любил читать и мне, и внукам. Например, "Войну и мир", свою настольную книгу. В то же время критически относился к Достоевскому. И Вадик очень сетовал, что от него "скрыли" Достоевского. Наши абрамцевские соседи были очень интересными людьми, много крупных ученых. Все интересовались успехами мальчиков.

Дед, впрочем, более либерально относился к политическим занятиям Вадима. Он говорил: "Ну, каторжанин, что с тобой делать... Вот тебе 25 рублей. Все равно жить тебе не на что". Когда Вадима арестовали в первый раз, бабушка им гордилась, считала: он герой. Ну, посидит в тюрьме - многие достойные люди сидели...

- Незадолго до смерти дед говорил мне, - рассказывает Сергей, - что, по его прикидкам, на посылки и адвокатов ушло несколько десятков тысяч.

А Миша утверждает, что значительную часть своей немаленькой академической зарплаты Борис Николаевич отдавал семьям репрессированных.

Неофициальная художественная жизнь в столице в начале 70-х, как ни странно, оживилась. Началось все с выставок на частных квартирах. Известный скандалист и мастер эпатажа Игорь Дудинский пытался собрать литераторов и бардов. Звучали стихи и песни. На этих сходках читал свои стихи и Вадим.

- Первая такая встреча, - вспоминает В. Бережков, - прошла, как говорится, без сучка без задоринки. На вторую явились чекисты, которые предъявили претензию хозяйке квартиры, что ...ее собачка гадит на лестнице. Заодно потребовали у собравшихся предъявить паспорта.

А на третью встречу Вадим с Володей опоздали, поскольку взяли сначала одну бутылку, следом - вторую, а там и еще - явиться-то надо было не с пустыми руками. Потому, когда они прибыли, оказалось, что всех уже увезли...

- Этот период был расцветом Вадика как литератора, - говорит В. Бережков. - К тому времени он достаточно много написал, имел "крутую" биографию, пользовался шумным успехом.

Собственно говоря, успех ему предрекал еще Корней Чуковский. В следственном деле 68-го года находится оригинал письма Корнея Ивановича деду Вадима:

“Дорогой Борис Николаевич! Что сказать Вам о тех стихах Вашего внука, которые Вы сегодня прислали ко мне? Первое впечатление: незрелые стихи очень даровитого мальчика. Иногда не выдержан ритм, иногда небрежна рифмовка. Но всегда есть крепкий лирический стержень - верный признак подлинного поэтического дарования. Дарование чувствуется уже в его первых юношеских наивных стихах, трогательно посвященных Вам, дорогим предкам.

...Мне кажется, что Ваш внук на верном пути, и что если он будет работать над своим дарованием, читатели приобретут в его лице сильного большого поэта. Но работа предстоит ему упорная. Ваш Корней Чуковский. Осень, 1968 г.”

Отзыв этот, несомненно, известным Вадиму, мало что изменил в его творческой судьбе. Шлифовать поэтическое мастерство пришлось за колочей проволокой зоны. В камере следственного изолятора сочинялась “Лефортовская баллада”. В тюменском лагере написано стихотворение “Как беглый каторжник, стою перед тобой...” - один из “Лагерных экспромтов”.

Приведу детальный анализ этой вещи, потому что другого столь глубокого разбора поэтических произведений Вадима не встречал.

“Я б это стихотворение внес в учебники по нравственному богословию, - писал А. Краснов в статье “По дорогам злым и бесшабашным”. - Выбивал бы в церквях над колокольнями. Читал бы и читал. Я запомнил его еще в Москве, на “Рязани” (имеется в виду квартира Ю. Кима на Рязанском проспекте. - Ю.К.).

*Шли, качая бедрами, барханы,
Как стога, усталые, к закату,
И земля лежала бездыханно,
Жарким ветром скомкана и смята.
Ветер гнал песчинки по пустыне,
А слова металась по простору...
Он-то знал, что сказанное ныне
Обернется смертным приговором...*

Здесь все удивительно. Глубина философская и теологическая. Я уже указывал, что этот мальчик (когда он писал это стихотворение, ему было двадцать лет!) обратил внимание на то, что ускользнуло от внимания самых замечательных экзегетов, что слова “горе вам!” Христос адресует фарисеям и только фарисеям.

Богословская глубина неожиданно соседствует с незнанием. Так, апостола Петра никто не называл пророком. Строгая мужская рифма как бы бьет по нервам, запечатлевает стих навсегда, на всю жизнь. Это стихотворение адресовано митрополитам, архиепископам и епископам, священнослужителям всех религий и исповеданий. Всем проповедникам и современным пророкам. И новым фарисеям; тем, кто укрывшись за стенами Кремля, лицемерно ратует за мир, а сам наращивает вооружение и разбойничает в Афганистане. И к тем, кто якобы печется о бедных людях, загоняет их в кабалу, в беспросветную нужду. Ко всем, ко всем обращены упреки Христа, так проникновенно и взволнованно переданные поэтом. И здесь мы умолкаем. Там, где говорит Христос устами поэта, людям говорить нечего.”

- Его творчество было очень песенное, - сказал Алексей Хвостенко на вечере памяти Вадима Делоне в Париже в 85-м году. - Большинство его стихов похоже на песни. Их можно петь. И их еще будут петь.

Предвидение оказалось точным. Одно из самых щемящих стихотворений, “Балладу о судьбе”, положил на музыку и исполнил московский бард Виктор Попов.

- Меня стихи Вадима всегда трогали невероятной искренностью, - сказал на том парижском вечере Виктор Некрасов. - В его стихах всегда была видна его душа, его сердце...

“Поэтический талант Вадима был определенно не академическим, - говорится в предисловии В. Буковского, - писал он не часто, не много, не ради утонченного развлечения или уничтожения белой бумаги. Мечущаяся душа, живая жизнь, прорвавшаяся в строку, месяцы духовных исканий, заплаченные за каждый стих, - это поэзия Вадима Делоне, пережитая, честная, невыдуманная.”

Незатейливые по форме, порой излишне декларативные, публицистические (что коробило некоторых), стихотворения Вадима представляют собой хронику его души, очень откровенный лирический дневник. Но почти в каждом есть удивительная находка - будь то прекрасный образ или неожиданно глубокая, выстраданная мысль.

*Мое пустое ремесло
Слагать слова и строить строчки...
Пусть скажут - в жизни не везло,
Все обещания бессрочны.
Пусть грехи мне не простят -
К тому предлогов слишком много.
Но если я просил у Бога,
То за других, не за себя...*

- Я слышала - не помню, от кого, - высокую оценку творчества Вадима, - говорит Лариса Богораз, - говорили, что из всей этой компании Вадим был наиболее талантливым. А мне его стихи не были близки. Может быть, потому, что он читал исключительно стихотворения общественного, так сказать, характера. Мне казалось - натушно, казалось - он выжимает из себя эту тематику. Может, если бы он читал лирику, я бы иначе восприняла?

Но у Вадима почти не было лирики в чистом виде, и это он отчасти объясняет в таких строчках:

*Петухи не каркали три раза.
На допросы молча выводили,
Но подвел меня проклятый разум,
Перевесил сердце и осилил...*

В его поэзию постоянно врывается боль - за страну, которую обречен покинуть, за тех, с кем делил срок на нарах, за всех, кого преследуют и травят.

*Я слова эти в тюрьмах твердил по ночам,
Где хрипел, где растратил впустую,
Где делился как пайкой, с людьми пополам,
А теперь я забыть их рискую...*

- Я думаю, правы те, - писала Арина Гинзбург в статье “Ничему тюрьма нас не научит, кроме чувства жалости, пожалуй...”, - кто говорит, что поэт - это вовсе не обязательно тот, кто пишет стихи. Можно не написать ни одной стихотворной строчки

- и все-таки быть поэтом. По мироощущению, по отношению к жизни, к людям. Таким человеком был Вадим Делоне. Писал ли он стихи, выступал ли на каком-нибудь собрании или просто в домашнем кругу рассказывал забавные байки (особенно о жизни прошлой) - перед вами всегда был поэт. Человек щедрый, рыцарственный и уязвимый. Чистый сердцем, бессребреник, не принадлежавший ни к какой “партии”, верный друг. Просто невозможно представить себе его преуспевающим, богатым, чиновным, лицемерящим и льстящим кому бы то ни было ради положения и карьеры. И, несомненно, есть своя закономерность и особый - горький - смысл в том, что книги Вадима вышли только теперь, после его кончины. Как заметил один мудрый человек: “Справедливость, как правило, торжествует. Но одной жизни обычно на это не хватает.”

- Я жил в Москве, но не у себя дома, скитался по квартирам друзей, - писал Вадим в “Портретах...”. - За мной по пятам ходили то наряды милиции, то работники психдиспансера. Я не хотел, чтоб они терзали моих родных бесконечными расспросами о том, что я делаю и с кем встречаюсь. В Москве в любом отделе кадров немедленно обращали внимание на особую отметку в паспорте - судимость. Я уезжал на раскопки в археологические экспедиции, оформлялся уже на месте в глухих местах, дабы не подводить рекомендовавших меня знакомых ученых. Все ухищрения эти нужны были, чтобы представить в милицию справку о том, что я тружусь на благо социалистической родины. Отсутствие такой справки могло незамедлительно повлечь за собой арест и год лагерей по статье о так называемом тунеядстве...

- “Экзамен” он сдал на “отлично”, - вспоминает Юлий Ким, - и сохранил об этом много теплых воспоминаний, много запомнил и ужасного из того, что составляет лагерную жизнь. Первое время он привыкал к обстановке: с трудом ориентировался в московском метро, - это Вадик, который метро знал наизусть. А тут вдруг проезжал нужную остановку, путался в переходах. Потом это прошло.

И тут у него возник последний роман, настоящий, который закончился, что называется, законным браком и послужил основанием для замечательных стихов. Вадим познакомился с женщиной старше его, женщиной удивительного обаяния, Ириной Белогородской. Она уже была замужем. Принадлежала к диссидентскому кругу и отсидела срок. И вот они встретились, рассказывает Ю. Ким, и сразу вспыхнул головокружительный роман. Ире нужно было подавать на развод, муж ее очень любил. Драматическая история. Я видел это близко, потому что они с Ириной жили у меня.

...Они встретились летом 1971 года в доме Петра Якира. Вадим читал “Лагерные экспромты” и другие стихи. У Ирины к тому времени был за плечами первый срок - девять месяцев тюрьмы (Лефортово) и три с половиной месяца мордовских лагерей.

- Вадим сразу в тебя влюбился? - спросил я Ирину, когда мы встретились в Париже. И она ответила просто:

- Сразу. Потом мы поехали в Прибалтику, где нас встречали как героев, развлекали по первому разряду. А затем отправились сначала в новосибирский Академгородок к Александрову, а потом к Ларе с Толей в Иркутскую область. У Лары кончался срок ссылки, она собиралась возвращаться в Москву, планировали, что я останусь с Толей. Но вышло так, что мы уехали вместе с Вадимом. Надо заметить, что перед моим арестом мы с Толей Марченко подали заявление о вступлении в брак; мы знали, что его скоро арестуют, поскольку к тому времени книга “Мои показания” вышла на Западе. Навещать его было бы некому, а в качестве невесты я бы могла. Но на свидание в лагере меня не допустили...

- Тогда я познакомилась с Вадимом поближе, - рассказала ранее Лариса Иосифовна, - но мы не сошлись совершенно.

- Из-за разницы в возрасте?

- Возможно. А может быть потому, что в ссылке я занималась тяжелой физической работой. Те, кто приезжал меня навестить, шли работать со мной. Вадим - нет. Он был другой, понимаете, совсем другой человек. И потом, когда я вернулась, та трещина, что была, уже не давала сблизиться, несмотря на родственную связь.

- Как Вадим относился к Анатолию Марченко? - спросил я Ирину.

- Они очень мало знали друг друга. Но, естественно, с глубоким почтением.

- Когда вы поженились?

- В июне 1972 года. Свадьба была "многоярусная". Сначала - для приличных людей, для родителей. Потом - вся богема. Продолжалось это много дней. Естественно, был дед, мой отец, Ирина Отговна. Друзей можно перечислить человек сто как минимум. Каждый вечер до свадьбы собирался народ, всегда был повод помимо деловых встреч - чей-нибудь день рождения, юбилей. В каком-нибудь доме - у Пети, Юлика, Григоренко - ежедневно собирались компании. Так что нельзя было сказать: устроим свадьбу для близких.

...Они поселились у Юлия Кима в квартире на Рязанском проспекте. Потом жили у Надежды Яковлевны Шатуновской на Соколиной горе, где и познакомилась с Венедиктом Ерофеевым. Однажды Ерофеев появился там, между ним, Вадимом и Ириной промелькнула некая искра - и более они не расставались до отъезда. Ирина даже ездила куда-то (теперь уж не вспомнить) хлопотать о Веничкиных документах. И что же - удалось. Сработала взятка - красивая бутылка и что-то из магазина "Березка". А однажды втроем они совершили поездку по легендарному маршруту Москва - Петушки. Попались железнодорожному контролеру, которого, конечно же, заговорили. В Петушках Ерофеев надеялся повидать сына, но теща не позволила.

- Вадим читал Вене свои стихи?

- Конечно. И тот их очень хорошо воспринимал. Самое прекрасное было в Абрамцеве - наши походы, грибы. Во время этих прогулок дед признавал только чай с черным хлебом да сахару не жалел. Когда раз Юрий Казаков заикнулся о шашлыках, дед посмотрел на него уничтожающе...

Ирина узнала о демонстрации на Красной площади уже в Лефортово. Ее арестовали в начале августа за самиздат и письма в защиту Марченко. Однажды, когда ее вели на допрос, у охранников вышла недопустимая накладка: она увидела Ларису и крикнула: "Что случилось?" Потом, во время прогулки, к ней попала записка Павла Литвинова, который кратко рассказал о демонстрации.

Так они оказались рядом - в тюрьме - не будучи еще знакомы. Видится в этом некий перст судьбы...

Вадим, наверное, был богемным человеком. Пусть морщатся и фыркают ханжи, - ничего плохого в том, право, нет.

- Где он был как сыр в масле - так это в диссидентских тусовках, - говорит отец Вадима. - Это была его жизнь: собраться у кого-то, выпить водочки, ночь протреться на околотитературные и политические темы. А еще где-нибудь схулиганить - написать мелом на стене, я уж забыл, что они писали...

Наверное, то самое - "Поэты, вас ждет Сибирь".

"Очень много упрекали нашу диссидентскую молодежь за богемность, за пьянку, - писал А. Краснов в статье о Вадиме. - Конечно, во многом укору эти справедливы. И вряд ли кто заподозрит меня в том, что я, старый школьный учитель и верующий христианин, буду защищать пьянку. Однако в переходные, переломные эпохи, в

моменты первых выступлений бунтующей молодежи против тирании богемность является стихийным протестом против верноподданного, благонадежного мещанина, готового служить не за страх, а за совесть тиранической власти, готового душу продать за кусочек хлеба с маслом. И Пушкин начинал с богемы; и пушкинская богема предпочтительнее “добропорядочности” булгариных и гречей, кукольников и сенковских. И в XX веке “всемирный запой” Александра Блока и Сергея Есенина выше благонадежности советских “пай-мальчиков”. А у наших мальчиков богемность - это протест против “благонадежности” советских мещан и против пошлости советского строя...”

Для большинства советских интеллигентов пьянство было формой эскапизма, но не только: “Алкоголь окончательно упразднил пережитки догматического мироощущения, - замечают Вайль и Генис. - Пьянство создавало текучую, подвижную, эгалитарную реальность. Пир рождал не единое мировоззрение, но единое отношение к миру: все было в равной степени важно и не важно. Чтобы мир осмыслить заново, надо было сперва привести его к расплывчатому хаосу, нивелировать сферы жизни, довести ее до того состояния, когда закрытие винного отдела становится важнее продвижения по службе. Пьянка как источник социального творчества стала кульминацией карнавала 60-х...”

Юлий Ким припомнил забавный случай, характеризующий эту богему. Приведу его рассказ целиком.

В июне 72-го года было в Москве жарко: во-первых, само по себе, а во-вторых, Никсон приехал. Это последнее обстоятельство резко повысило внимание чекистов к диссидентам. За Петром Якиром стали ходить настолько плотно, что он не выдержал и объявил - самым серьезным образом - забастовку на все время пребывания президента США в Москве. И всю ту неделю так и пробыл дома, не выходя на работу.

И вот однажды, в первый не то второй день петиной забастовки, в его дверь позвонили. На пороге оказался улыбчивый молодой человек в штатском и с объемистым картонным ящиком у ног. При ящике была записка, напечатанная на машинке с размашистой загогулиной внизу, с приветом от одного знакомого американца, прибывшего сюда в свите Никсона. Внутри “привета” обнаружено было несколько бутылок с такими соблазнительными этикетками, что бдительность мгновенно притупилась.

Среди неожиданных даров самой привлекательной была бутылка отборного итальянского вермута - стройная, изящная, перехваченная в талии. Зная мою любовь именно к вермуту, хозяева, чуть пригубив, отправили красавицу с оказией от своего стола к нашему. Вадим с Ириной тогда жили у меня. Мы этому вермуту чрезвычайно обрадовались, и через полчаса его не стало.

А еще через пять минут - началось... Страшная слабость напала на нас, сердце билось и выскакивало... Насморк, слезы, холодный пот и прочие подробности... Самочувствие почти предсмертное, кошмар. Веселое застолье в один миг превратилось в стонущий лазарет.

Вино было отравлено. Как это ни нелепо звучит. Отравлено так, чтоб не до смерти, а вроде как попугать, что ли. Оставшиеся капли наутро были отданы знакомому на анализ и он отраву подтвердил. Сутки, не меньше, отходили мы от этого ужаса, а, отойдя, поехали к Петру обсуждать происшедшее. Выяснилось, что и он чувствовал себя неважно (все-таки пригубил немного), но главный удар мы приняли явно на себя.

И тут раздался звонок в дверь.

Открыв ее, мы обнаружили у порога картонный ящик - и более никого: посылный, похоже, убыл тем же лифтом, что и прибыл. Записки никакой не было. Было 5 бутылок с разнообразными этикетками. Красивее всех был какой-то особенный джин. В глазах собравшихся ужас боролся с вожделением. Память о недавнем потрясении была слишком жива.

И тогда Вадим шагнул к столу и, налив себе полный стакан, сказал:

- Будь что будет!

В этот момент он напоминал героя новеллы Лермонтова “Фаталист”. Помните? Вулич приставил пистолет к виску...

Затаив дыхание, мы стали ждать симптомов.

Спустя минуты три Вадик повторил. На сей раз и мы симптомов ждать не стали.

Действительно ли знакомый американец слал Петру эти подарки и чека поколдовала лишь над вермутом - или все в целом было чекою задумано, чтобы гарантировать петин нейтралитет на время высокого визита? Бог весть.

Но каков Вадик!

* * *

В начале января 73-го арестовали Ирину. В это время КГБ вел следствие по делу Петра Якира и Виктора Красина. Ирина рассказывает:

- В конце 72-го нас с Вадимом вызывали - но не на Лубянку, а на Петровку, хорошо помню. Заявили четко: у нас много томов дела с показаниями на вас, если не уедете - арестуем. Мы отказались. Поэтому Вадима безумно мучила совесть, когда меня посадили.

- И Лариса советовала эмигрировать?

- Да. И у меня, и у Вадима был какой-то осадок после ее уговоров. Вадим искренне не верил, что меня арестуют. А я знала - посадят...

Красин вспоминал: “Мне инкриминировали не только распространение самиздата. Полтора года я передавал иностранным корреспондентам документы о преследованиях в СССР. Материалы эти публиковались в западной печати. Я получал литературу, а впоследствии и деньги от западных туристов, приезжавших с поручениями от НТС. И не только пассивно получал, но и просил сам: писал письма, в которых говорил, что присылать, что не присылать. Давал адреса, куда привозить.

Поэтому когда Александровский (следователь. - Ю.К.) говорил о 64-й статье и расстреле, это не звучало для меня пустой угрозой. Он внушал мне, что, если я не изменю позицию, то меня расстреляют в качестве примера.”

- **Они** знали, - вспоминает Ирина, - что если меня посадят, то это будет такой удар для Вадима, что он не станет ничем заниматься. Просидев 11 месяцев, я вышла - они устроили “помилование”. Наверное, сыграло роль и вот что. Со мной в камере сидела, конечно, стукачка. Я говорила ей: если будет суд, им не поздоровится, им лучше меня выпустить, потому что я их разоблачу.

Тем временем Красин начал давать показания. Потом наступил период очных ставок.

“Перед каждой очной ставкой Александровский подготавливал меня. Об Ире Белгородской сказал мне, что она показаний не дает, ведет себя вызывающе, следователей называет “сталинскими соколами” и таким поведением только усугубляет свое положение на следствии...”

Следователь Жучков, который вел дело Ирины (и впоследствии бесстыдно утверждавший, что в его производстве находилось лишь одно это дело по печально

известной 70-й статье УК РСФСР, а Ирина была освобождена его стараниями!), заявил, что ее арест связан с выходом 27-го выпуска “Хроники текущих событий”, хотя она не принимала в нем участия. “Не исключаю, - прокомментировал Юлий Ким откровения гебиста, - что лично Жучков сочувствовал своей подследственной. Что ж, и среди гестаповцев, вероятно, тоже не все были палачи по натуре. Но по профессии - все”.

Вадим, по словам Ю. Кима, ходил черный, маялся ужасно, проклинал все на свете.

Именно в те дни и недели родились строчки:

*Все кончено...душа моя слаба,
Отчаянье в виски мои стучится,
Как будто сумасшедший по столбам
По телеграфным, чтобы дозвониться.
А ты в тюрьме, и больше силы нет
Ни бросить, ни закончить строки эти.
Прости, что не увез тебя от бед,
Но лишь перед тобою я в ответе...*

Вадим писал Ирине:

«Милая, родная моя Ирка! Люблю тебя безумно и бесконечно и только о тебе и думаю. О тебе, о тебе, о тебе без конца. Вот и еще одну дату не удалось нам отметить вместе. Твой день рождения - целую и обнимаю тебя. 26-го на Рязанский проспект приходили ко мне Георгий Борисович с Майей, Габай, Бережков, Твердохлебов, Олька и Людка, не считая Мишеля, который временно у меня со своей юной женой, которую он, как и его старший брат, предварительно развел не без историй, напоминающих наши. Я в душе желаю ему хотя бы наполовину той любви, которую пробудила во мне ты. Не говоря уже о том, что ты мне даешь, счастье мое, глупое и ненаглядное. Все мы пили твое здоровье, втайне надеясь, что не так уж и плохо, да и на то, что ты скоро, очень скоро будешь с нами. Я вообще-то не оптимист, тысячу раз представляю себе нашу встречу и каждый раз внутренне замираю как от виденья безумного счастья, которым Бог награждает меня так же щедро, как и испытаниями.

Твой всегда и только твой

Вадим»

Потом ее выпустили, и встал вопрос об эмиграции. Вадим понимал, что если останется, то на воле пробудет недолго, а второй срок рассматривал как гибель, утверждает Ю. Ким.

- Когда я оказалась на свободе, дед дал денег и мы уехали на юг. По возвращении в Москву началось: преследования, избиения Вадима. Дед и мой отец хотели, чтобы мы уехали, - говорит Ирина. - Дед очень страдал, когда Вадик сидел. Но если бы Вадим прекратил правозащитную деятельность, мы могли бы не уезжать. КГБ был бы рад, если бы Вадим не встречался с корреспондентами, не подписывал писем, не занимался “Хроникой”. А что читает стихи, бывает в компаниях - они бы ему простили.

- Знаете, почему Вадим уехал? - говорит Николай Борисович Делоне. - Потому что, во-первых, наступил период, когда верхушка КГБ решила очистить родную землю от “этой нечисти”. Выпихнуть всех. Вадима несколько раз вызывали, он ни за что не соглашался. А в очередной раз сказали без дураков: либо он уезжает с женой, либо возобновят дело Ирины. Были прямые доказательства того, что она изготавливала и

распространяла самиздат, и ей могли припечатать семь лет. Только эта угроза заставила его согласиться на отъезд. Он приходил к нам обсуждать, насколько это серьезно.

- Вы и Борис Николаевич советовали ему уезжать?

- Да. Потому что мы совсем не чувствовали в 75-м году, что будет в 85-м, нельзя было предвидеть. Было впечатление, что ему здесь всю жизнь из одного лагеря в другой придется кочевать.

- В аэропорт я не ездил, - говорит Сергей. - Что там было, знаю по довольно сбивчивым рассказам, - все были сильно поддатые, пили всю ночь в квартире Прохоровых. Мы с дедом поехали домой - деду было тяжело. До этого улетел Мишка. Ощущение было - навсегда.

- Почему Миша уехал?

- Достали. Насколько я понимаю, они тягали его так же как меня потом. Для Миши отъезд Вадика был аргументом.

Ирина Делоне внесла уточнение: на самом деле инициатива отъезда исходила от Миши. После одновременной подачи документов на выезд Вадима вызвали в КГБ и потребовали, чтобы Ирина и он уезжали - Мишу не выпустят. Вадим категорически отказался. И тогда на даче в Абрамцеве с дедом и Ерофеевым был устроен праздник: остаемся! КГБ избавил их от мук сомнений. Однако через несколько дней Вадима вновь вызвали и заявили, что согласны на Мишин отъезд...

- Какие планы возникли, когда вы получили визу? - спрашиваю Ирину.

- Никаких. Первая остановка, как у всех - в Вене. Мы даже не обсуждали, куда едем.

- Сколько времени вы провели в Вене?

- С середины ноября до конца марта 76-го. Нас прекрасно встретили чехи. Они нас очень опекали. Но все-таки четыре месяца, что мы там провели, - это нервотрепка. Максимов, кажется, даже не знал о нашем существовании. В Париж мы приехали - никто не встретил, вышли с вокзала - и не знали, куда идти. А настроение и так было невеселое. Попали в Фонд Толстого, нас устроили в ужасную гостиницу. Потом мне удалось найти переводы с английского и мы сняли квартиру. Но предложений работы у Вадима не было.

- А в парижском бюро "Радио Свобода" ?

- Вадим, видимо, не подходил им по тематике. Если бы кто-то походатайствовал, думаю, они бы согласились. Но этого не произошло. Некрасову было проще: напишет рассказ - и тут же идет читать его на "Радио Свобода". Уверена, кто бы нам помог - это Галич. Он приехал в Париж, и первые его слова были: "Будем вместе работать". К несчастью, вскоре его не стало...

А с Михаилом Делоне вышло забавное недоразумение. Из Вены он отправился в Рим, где его приняли за Вадима, и проворные репортеры взяли даже интервью. Там, по словам отца, провел около года при поддержке Толстовского фонда, а затем перебрался в Канаду, где живет и теперь.

...В апреле 97-го я написал в Ванкувер Михаилу Делоне: просил прислать воспоминания о Вадиме - что вспомнится. Заодно отослал свою книжку о Леониде Губанове. И вдруг - звонок:

- Это Мишель Делоне из Ванкувера.

Грассирующий выговор, свойственный, похоже, всем Делоне.

Мы быстро перешли на "ты", разговор был теплый, но довольно бестолковый. Мишель жаловался, что трудно найти компьютер с русским шрифтом - писать от руки он вовсе разучился. Я же плохо знаю английский, которым он владеет свободно.

В июле Мишель позвонил вновь, мы толковали, наверное, с час. Ему было интересно прочитать мою книжку, он и сам мог бы многое порассказать о Лене, который часто бывал на Пятницкой. Однажды Миша читал свое стихотворение “Гамлет”, Губанов заставлял его повторять снова и снова. Стихи в самом деле хорошие. Потом Мишель читал мне свои стихи на английском...

Он занимается компьютерами - или программированием, уж не знаю точно. Всерьез увлекается историей церкви. Но в основном говорили о прошлом - 60-х и 70-х.

Увы, Мишель так ничего и не написал, и мне жаль, что его воспоминаний о Вадиме не будет в этой книжке...

“Я познакомился с Вадимом в 1967 году в Институте этнографии АН СССР на вечере поэта и драматурга Юлия Кима, - писал Георгий Федоров, доктор исторических наук, под крылом которого в археологических экспедициях находил убежище Вадим. - Именно Юлий и свел меня с Делоне.

21 июня 1968 года я повез Вадима в Красную Пахру на дачу к Твардовскому, где многолюдно отмечался день рождения Александра Трифоновича, в те годы еще возглавлявшего “Новый мир”. После застолья, когда гости разбрелись по участку, немногословный Твардовский кивнул Вадиму и сказал: “Читай стихи”. Вадик, запинаясь от волнения, прочел несколько своих стихотворений. Александр Трифонович произнес: “Поэт”, - и величественно удалился. Зная, как он скуп на похвалы, я поздравил Вадика и потащил его на другую дачу - к хорошо знакомой мне писательнице Наталье Иосифовне Ильиной. На террасе ее маленького домика Вадим снова читал свои стихи, и Наталья Иосифовна отзывалась о них с большой теплотой...

Перед отъездом Вадим заходил к нам с женой прощаться. Он метался по комнате, плакал, читал последние свои стихотворения. Вот одно из них, сгусток безнадежности и муки:

*Ветер красной играет листвою,
Словно карты крапленые мечет,
И березы стоят над душой,
Как стоят над покойником свечи.
Звон протяжный не молкнет в висках.
Может, праведна кровь - я не знаю.
Так к отбою звонят в лагерях,
Ржавой рельсой над зоной бряцаая.
Только это не крик и не страх,
На словах и стихах не клянутся.
Просто я в подмосковных лесах,
Мне сюда никогда не вернуться.*

...Еще перед отъездом Вадим наткнулся на ранний чеховский рассказ “В Париж!” Читал его вслух Ирине - и хохотал. Незатейливый комизм в чем-то совпадал с его собственными настроениями.

“ - Знаешь что, Вася? Поедем! - говорит один персонаж другому. - Накажи меня господи, поедem! Ведь Париж, за граница...Европа!

- Что я там не видел? Ну его!

- Цивилизация! Виды эти, разные Везуви...окрестности! Что ни шаг, то и окрестности! Ей-Богу, поедem!

- Да ты очумел, Илюшка! Что мы там с немцами делать будем?

- Там не немцы, а французы!

- Один шут! Что я с ними буду делать? На них глядячи, я со смеху околею! При моем характере я их всех там перебью!...”

Перечитывал рассказ Вадим и в Париже. Чеховский томик еще в Москве обгрызла собака - так он и сохранился у Ирины.

Глава 10. ЧУЖБИНА

*Лучше умереть вдали от родины,
Чем прожить без родины в душе.
Вадим Делоне*

В течение пяти приблизительно лет - с 1952 по 57-й год - в нашей стране происходила своего рода “верхушечная революция”, утверждает Андрей Амальрик в эссе “Просуществует ли Советский Союз до 1984 года”. Верхушечная революция, расшатав созданный Сталиным монолит, сделала возможным и какое-то движение в обществе, и уже к концу этого периода стала появляться новая, не зависящая от правительства сила. Ее условно можно назвать культурной оппозицией. Некоторые писатели, до этого шедшие в официальном русле или просто молчавшие, заговорили по-новому, и часть их произведений была опубликована или распространялась в рукописях, появилось много молодых поэтов, художников, музыкантов и шансонье, стали циркулировать машинописные журналы, открываться полуправильные художественные выставки, организовываться молодежные ансамбли...

Сейчас говорят - шестидесятники. Какие шестидесятники?! Все мы - пятидесятники, - утверждает друг Вадима актер Всеволод Абдулов. - Именно смерть Сталина, начавшиеся разоблачения, открытие “Современника” - все наше становление пришлось на 50-е. Да, была и травля Бориса Леонидовича, но в 60-е мы по инерции верили: вот-вот что-то будет, были азарт, любовь к жизни, вера. Но в 60-е сам Никита Сергеевич начал закручивать гайки. Дух 50-х - это растерянность властей, которые понимали: так, как раньше, нельзя, надо по-другому, но сил не хватало.

“Расширение спектра духовной оппозиции в среде советской молодежи и особенно в среде молодой интеллигенции, - писал Григорий Юрьев в статье “Духовная оппозиция в советской литературе и попытки партийного зажима” (**Анализ текущих событий. Мюнхен, № 397, 1966 г.**), - вызвало в советском руководстве серьезное беспокойство. Оно предприняло ряд мер по усилению своего контроля, к одному из них относится арест А.Синявского и Ю.Даниэля и пропагандная кампания их дискредитации. Однако следует оговориться: эта кампания может иметь и полезные для советской молодежи последствия. Верящих клеветническим нападениям советской печати среди советской молодежи не так уж много...”

Недавно вышедший сборник “Мы предчувствие...предтеча...” показывает, какую роль сыграли несанкционированные поэтические ристалища на площади Маяковского, начавшиеся сразу после открытия памятника поэту летом 58-го. “Маяковка” стала своего рода колыбелью свободомыслия многих, в том числе совсем юного Вадима Делоне, где он познакомился с Всеволодом Абдуловым, Владимиром Буковским, Юрием Галансковым. То есть, может быть, и не на самой площади, а после очередного чтения, когда участники, одурачивая комсомольских оперативников и гебистов, расходились проходными дворами и переулками, встречались в квартирах живущих поблизости...

- Когда меня приняли в пионеры, - не без юмора вспоминает В.Абдулов, - я радостный прибежал домой в галстуке. Отец (народный артист РСФСР Осип Абдулов, выдающийся актер и режиссер. - Ю.К.) был дома, он закричал маме: “Лиза, иди скорей

сюда, наконец, у нас в доме появилась партийная прослойка!” Я благодарен своим родителям: при мне говорилось открытым текстом обо всем. С самого детства: любимый друг отца Михоэлс - наш дом был из тех редких, куда после убийства Соломона Михайловича приходила Анастасия Павловна Потоцкая, его вдова. На даче у нас в 52-м скрывался первый космополит Советского Союза И. Юзовский. Среди проходивших по “делу врачей” было немало друзей отца.

Так что когда в конце 70-х по приглашению Марины Влади В.Абдулов собрался в Париж, то был уверен: ни за что не выпустят, слишком пухлое досье. Любимый педагог в школе-студии МХАТ - Андрей Синявский, друзья - Владимир Буковский, Вадик Делоне, другие, связанные с Маяковкой люди, Виктор Платонович Некрасов...

- Володя (Высоцкий. - Ю.К.) говорит: давай, быстро отнеси приглашение в ОВИР, оформляйся. Я отвечаю: бесполезный номер, не пропустят. Володя: ладно, не беспокойся, все будет в порядке. У него был знакомый начальник ОВИР, и мне позвонили буквально на другой день: зайдите за документами.

И Абдулов полетел в Париж.

- Меня встретила Марина: возила к общим знакомым, к своим сестрам. Потом улетела в Москву, к Володе. Сразу по приезде я позвонил Виктору Платоновичу Некрасову. Встречались мы в его любимом кафе на углу бульваров Сен-Мишель и Сен-Жермен, он водил меня по Парижу. Однажды я возвратился из гостей под утро. Разбудил меня телефонный звонок Вадима. “Где ты пропадаешь, - кричал он, - я тебя ищу, обзвонился.” - “Что случилось?” - “Прилетел Володя Буковский, буквально завтра уезжает в Лондон, там сбор антисоветчиков”. Отвечаю: “Хорошо. Что, где, куда?” Договорились встретиться вечером. Вадик приехал на такси, и мы отправились к Триумфальной арке. Он остановил машину, забежал в драг-стор, набрал выпивки, закуски. “Куда мы идем?” - “В редакцию “Континента”. Думаю: ничего себе! Редакция помещалась на 5-м этаже, в рабочей квартире Максимова. Позвонили. У меня сердце бьется - как встретимся после всего? Худо-бедно, но я никого не продал, не предал. Жил, конечно, в санатории по сравнению с володиными мытарствами. Дверь открывается: Володька, совершенно не изменившийся, только поседел. Обнялись. Потом сидели всю ночь, вспоминали.

- Какие отношения были между Вадимом и Владимиром Константиновичем?

- Абсолютно нормальные. К Вадиду нельзя было относиться иначе чем с нежностью - такой чистоты, такой предельной честности был человек.

Мне показалось, продолжает В.А., когда я Вадьку увидел в эту последнюю встречу в Париже, что из него как бы вынут стержень. Он старался не показывать виду - радостно общались, вспоминая только хороших людей. Его интересовали общие друзья: что с тем, как этот. Но видно было - он страдал...

Да как не страдать! Как-то наткнулся на стихотворение Анатолия Наймана, которое, как мне представляется, точно выражает суть ощущений русских парижан.

*В Париже, в облове вселенской забавы,
где курсом фонарного шествия виселиц
аллеи плывут, расфуфырясь как павы,
от кладбищ к гуляниям, к центру от выселок,*

*где, стало быть, вечно наострены лыжи,
в Париже, в граненом стекле, в удушьи,
бенгальских огней (воспари же! бери же!)
и ритмов, которым сдаешься, не слушая,*

*В Париже, в Париже, в Париже, в трех тактах
 которого главный четвертый проскальзывал,
 четвертый - в пяти опереточных актах,
 в бульварной спирали, в Лютеции вальсовой, -*

*куда тебе деться - в застенках забавы,
 где ты в лучшем случае имя без отчества,
 в столице, в алькове космической Бабы,
 в постели великого одиночества?*

Людмила и Владимир Бережковы говорят, что Вадим часто звонил, и недешевые телефонные разговоры были долгими. Когда у Бережковых родилась дочь Маша, он просил подробно описать, как она выглядит, на кого похожа. Присылал роскошные художественные альбомы, они доходили, но в распотрошенном виде - таможня не дремала.

- У меня четкое впечатление, - говорит Сергей Шаров, - ему было жутко худо в Париже. Все вроде хорошо - а выть хочется. Писал он там лучше, чем здесь. Книжка прозы там написана. И стихов довольно много. Он был не тот поэт, что выдает “на гора”, не особенно работал - под настроение. Вадика отчасти выручало (этот дар виден в его книжке, Божий дар) - его просто любили. Ему достался от деда этот талант - просто жить. Любую мелодию играет - она все равно в мажоре. Это спасло его в лагере.

Он писал стихи, чтобы читать их вслух. Ему важна была реакция слушателей. В книжку вошло большинство законченных стихотворений. Огромное количество осталось не доведенных до письменного текста. Часть, конечно, пропала при обысках. Сочинялось много, а написано - мало...

В парижских письмах Вадима, говорит отец поэта, был дух бунинских рассказов периода эмиграции: все пропало, родина где-то там, а мы здесь, на чужбине, среди чужих людей. Он совершенно не мог к этому привыкнуть, все поперек горла. Вадим до конца жизни толком по-французски говорить не научился. Думаю, говорит Николай Борисович, его ранняя смерть - безусловно результат этой безысходности.

Он ощущал себя русским поэтом - и никем более. Поэтому и не испытывал желания учить язык страны, в которой оказался.

“Французы злят меня, в первую очередь, тем, что ни на каком языке, кроме своего собственного, разговаривать не только не умеют, но и не желают, - писал он в Москву. - При этом, правда, быстро смиряются, когда я объясняю им, что я русский поэт, и поэтому по-французски ни гу-гу.” За этими ироническими строчками - а сохранившиеся его письма в Россию сплошь ироничны, - скрывается настоящая драма, которую он переживал все семь лет, с момента, когда ступил на плиты аэродрома в Вене.

*Перезвоны городских трамваев,
 Ветер в спину, Вена, вензеля.
 Счастье в том, что мы не угадаем,
 Что нам можно, а чего нельзя...*

Кстати, в Вене... Политического эмигранта из Советского Союза тепло встречали чехословацкие диссиденты, устроившие Ирине и Вадиму отдых в Зальцбурге. Вадим

даже отужинал с Бруно Крайским, главой Австрии, и канцлер снабдил его международным паспортом, дававшим возможность беспрепятственно путешествовать по Европе. На венском конгрессе Пен-клуба Вадим, еще в Москве ставший членом этой писательской организации, встретил Виктора Некрасова, и начавшаяся еще раньше дружба возобновилась. В той же шумной и веселой Вене Вадима и Ирину настиг страшный удар: прожив всего месяц, умер их преждевременно родившийся сын...

В те ужасные дни он написал Ирине. Вот оно, одно из немногих писем Вадима, сохранившихся у Ирины.

«Киска, милая, не переживай, ради Бога. Все еще впереди. Хотя и имею 12 отрицательных качеств, хотя и хожу по замкнутому кругу, все же каждый день испытываю в своей душе и смерть, и рождение. Ты какая-то очень маленькая и глупая, хотя и старше меня. Я и твои-то Лефортовские ночи переживал как пытки, которым нет сравнения. Они меня опустошили до такой степени, что ничто, казалось бы, меня уже в жизни не тронет. Ты понимаешь, ничто. Понимаешь, я мечусь, рвусь, нарываюсь на все что угодно от страха потери чувствительности, но к тебе и только к тебе при всех перипетиях и перепитиях я отношусь как к больному маленькому ребенку. Я прошу тебя только об одном - относись к людям добрее. Я и сам теперь не тот, что прежде...»

Письма Вадима в Москву отчаянными вовсе не кажутся, напротив, в них временами звучат интонации Венедикта Ерофеева. Например, такое:

“Однажды я заступился за Францию при самых странных обстоятельствах. Это было уже с полтора года назад. Я приехал на конгресс Пен-клуба в Лондон. И после дискуссии повели меня самые настоящие лорды в таверну Диккенса. Конечно, все в Англии лорды, но уж эти и вправду лорды из лордов. Из любезности ко мне они стали пытаться говорить по-французски. Но, естественно, что все порядочные англичане говорят по-французски так же как и я, поэтому они обрадовались, когда узнали, что и я по-французски ни бельмеса. Но недоумевали: вы же, говорят, аристократ французский, как же так? Я им в ответ: “Считаю себя русским, и все тут”. Они совсем обрадовались и спрашивают: как же вы живете в такой грязной стране, там же никто не моется... Я им говорю: видите ли, сэры, тут есть историческая предпосылка (они прямо так с мест и привстали, ибо очень разные исторические предпосылки любят). А я им: “Видите ли, джентльмены, вот в чем дело. Был во Франции крупный политический деятель и большой мыслитель товарищ Марат. Так вот товарищ Марат, дорвавшись до власти, решил в первый раз в своей жизни помыться. Ну, залез он в ванну - тут его Шарлотта Корде и зарезала. С тех пор, говорю я лордам, никто не моется, такая уж традиция...”

Согласитесь, несколько напоминает рассказ героя поэмы “Москва-Петушки” о его встрече на Елисейских полях с Луи Арагоном и Эльзой Триоле, которые, как впоследствии оказалось, вовсе и не они, а Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар...

Эта ерофеевская интонация не случайна: Вадим не просто внимательно читал “трагические листы”, Венедикт Васильевич был другом дома, и в одном из писем Вадим замечает: “Страшно рад, что дед может навещать Абрамцево благодаря тому, что Ерофей и Галя (жена В.В.Ерофеева. - Ю.К.) там постоянно торчат...”

Они не могли не полюбить друг друга - и в литературе, и по-человечески. Последний рыцарь Вадим Делоне, превыше всего дороживший дружбой и ради друзей готовый на все. И Венечка Ерофеев, который “ценил в людях человеческое страдающее сердце. В музыке, в стихах, в прозе, в живописи, в жизни - Веня слушал боль и страдание человеческого сердца. И соврать при нем было невозможно...Он утешал в минуты горечи и почвенника, издателя журнала “Вече” Владимира Осипова,

и многострадального Петра Якира, и самоуверенного, но покидающего родину Андрея Амальрика, и “нежно любимых” Вадима Делоне с Ириной Белгородской...” (И. Авдиев. Из книги “Венедикт Ерофеев. Оставьте мою душу в покое”). Кстати, Вадим и Ирина взялись представлять интересы В. Ерофеева на Западе. “Помню крайне нелегкие хлопоты по выбиванию денег из французского издательства, выпустившего “Москву - Петушки”, - пишет Н. Горбаневская. - Поскольку выбить их не очень-то удавалось, они сколько могли из собственных скудных средств помогали любимому Венечке.”

Однако вернемся в Париж, увиденный Вадимом как бы глазами Ерофеева.

“...Я как всегда занят разными бестолковыми делами, а Ирка переводами, когда они есть. Но на житье вполне хватает. Я даже позволяю себе изредка баловаться фазаном. Вообще в магазины почти всегда хожу я, ибо почему-то произвожу на лавочников и барменов впечатление, и они издали еще кивают мне и здороваются почтительно: “Бон жур, шеф!” Чем такая моя популярность объясняется - трудно сказать. Вернее, чем она объясняется у барменов - это понятно, а вот у мясников и зеленщиков - неизвестно чем. Вообще французы в среднем относятся к нам очень хорошо...”

Вадим описывает свое парижское жильё - и вдруг прорывается такая боль!

“Квартире нашей безумно завидуют, а один местный художник даже заявил, что мы вполне могли бы расставить у окна стулья и сдавать по часам живописцам за плату. Закат каждый день бывает разный и по-разному каждый день освещаются парижские крыши. А ночью всегда видна Эйфелева башня. Часто как во сне так и наяву вижу Абрамцево и скучаю невероятно...”

В письме деду Вадим сообщает:

“Все лето прошло в какой-то бестолковой суете, и мы так ни на один день и не выбрались куда-нибудь отдохнуть. В Париже только два дня как наступили холода, а то была теплынь и мы очень жалели, что приходится ограничиваться прогулками по Люксембургскому саду, вокруг да около дворца Медичи. Мишка к нам пока не выбрался из-за работы и из-за того, что по канадским законам недавним эмигрантам трудно получить туристические визы. Тебка (домашнее имя отца, Николая Борисовича. - Ю.К.) прислал Ведомости Академии с извещением о вручении тебе премии Лобачевского, и мы страшно обрадовались. Возможно, скоро и для нас откроется возможность продолжать образование, так как парижские левые профессора из числа самой элиты обещали выбить для таких, как мы, стипендии, которые позволили бы нам только учиться. Но это пока еще проблематично. Пока с нашими хотя и не совсем постоянными заработками нам всего вполне хватает...”

Вадим по-прежнему интересуется своей родословной, но отдельные факты трактует юмористически:

“В Париже все меня спрашивают, не родственник ли я художнику Делоне, абстракционисту и миллионеру, который недавно помер (Робер Делоне, французский живописец, умер в 1941 году. Возможно, Вадим мистифицирует адресата. - Ю.К.). Я им терпеливо рассказываю - если рядом есть переводчик, конечно, - про Бастилию и доктора Наполеона. Особенно они приходят в восторг оттого, что пра-пра-правнук коменданта угодил в тюрьму в России, а также все выспрашивают, как доктору в плену было. Я им объясняю, что доктору в плену очень даже хорошо было, потому как вас, французов идиотских, по незнанию встречали в России как светоч разума, а оказалось - зря. Тут они обижаются, но ненадолго. Ибо я им всегда сую в нос, как они против немцев боролись, историю, и как сейчас перед левыми на коленях ползают. Так что отношения у меня с ними вполне нормальные...”

“Я - неоднократный свидетель провозглашения Вадимом легенды о предке - коменданте Бастилии, - дополняет Н. Горбаневская. - Каждое 14 июля, когда весь Париж веселился и плясал, он повторял одну и ту же сакраментальную фразу: “Нет, зачем они моего дедушку убили?!” Плюс, конечно, рассказы о том, как не просто убили, а таскали весь день по городу его голову на пике...”

И еще из письма деду, явно отосланного с оказией по причине крамольного содержания:

“Фотография, которую тебе посылаю, сделана на приеме в зале Рекамье в день визита Брежнева. Нас, то есть Буковского, меня, Плюща и других, демонстративно принимала (и весьма шикарно) левая французская интеллигенция...”

Письма Борису Николаевичу особенно доверительны и полны нежности.

“Чем я себя утешаю, - замечает Вадим, - останься я, может быть, пришлось бы снова ехать на восток и все равно не видел бы ни тебя, ни Москвы, ни Абрамцева. И все же разум - разумом, Париж - Парижем, а тоска - тоской”.

“Привет из Парижа, - пишет Вадим в другом послании. - куда мы с Ирккой только что вернулись с Корсики. Корсика - это Грузия в миниатюре. Местное население было взволновано моей родословной и до аперитива спрашивали у хозяйки: “Где племянник врача Наполеона?”, а после аперитива - племянник Наполеона...”

Разлуку свою с родиной переживаю тяжело, но надеюсь, она не навечно. Очень о тебе скучаю и квартиру твою на Ленинском представляю во всех деталях...”

“Дедонька дорогой, - сообщает Вадим, - у нас все благополучно. Недавно вернулся из Германии, где выступал на большом митинге в защиту человеческих прав вместе с фон Штауфенбергом, сыном того Штауфенберга, который пытался взорвать Гитлера, за что и был повешен. Книга моя движется медленнее, чем предполагалось. Первая ее часть одобрена Максимовым, Некрасовым, Галичем и другими. Много езжу по Европе...”

Из стран, в коих я ухитрился побывать, наиболее понравилась Англия. Но там с работой еще труднее, чем во Франции. В Париже все же меня опекают Некрасов и Максимов. Жутко тоскую по лесам и по тебе. Живу суетно, но всегда рад, когда удастся что-то сделать для плененных и сосланных. Вот Буковского все-таки удалось общими усилиями спасти...»

Разумеется, Вадим пишет и друзьям. Одно из сохранившихся писем В. Хаустову приведу.

“Виктор, родной! Поздравляю тебя, Тасю и баламута Ивана с наступающим Новым годом и Рождеством Господа нашего. Желаю тебе, чтобы душу твою весь грядущий год не покидало то спокойствие и ощущение легкости, которые бывают лишь в лесу в предрассветный час, когда ежели что и припоминаешь из прошлого, то одно лишь светлое, а будущее не гнетет и не тревожит. Ивану (сын В. Хаустова. - Ю.К.) желаю крепнуть духом, плотью и голосом, но чтобы орал он только “по делу”, а то ведь мы с тобой сами не хуже других знаем, что получается, когда зря глотку дерешь. Либо в такую даль попадешь, где и снега белого никто отродясь не видывал, либо в такую, о которой мой покойный друг Владимир Семенович правильно писал: “Здесь только снег при солнечной погоде. Ребята, напишите обо всем, а то здесь ничего не происходит.”

Надеюсь, подарок мой в виде пластинок как и предыдущее письмо благополучно до тебя дошли. Твое же письмо с благодарностями мы получили...

Самый преданный и искренний ваш друг, парижский повеса и разгильдяй, в недавнее время писавший: “По европейским городам мечусь под хмелем, но я живу не здесь, а там, я в это верю...” Вадим”.

С Виктором Хаустовым Вадима связывало не только участие в демонстрации 67-го года. Летом 72-го они вместе ездили в археологическую экспедицию в Молдавию, были очень близки. А с Высоцким, упомянутым в письме, Вадим познакомился в Париже у Михаила Шемякина. Вадим и прежде восхищался творчеством В.В. А тут произошла встреча, задушевный разговор...

Интересна и завязавшаяся было переписка Вадима с Сергеем Довлатовым. С ним познакомилась еще в Вене Ирина. Позднее, обосновавшись в Соединенных Штатах, Довлатов предложил Вадиму опубликовать стихи в его газете “Новый американец”. Вадим немедленно ответил.

“Дорогой Сережа! Вашу записку я получил и ничего толком не понял, кроме того, что роковая секретарша порвала конверт с моим адресом. Укажите ей, что это неблагоразумно. Конечно, может быть, я чем-нибудь ее обидел в юности, но вряд ли - юность я провел в местах, где женщины и не ночевали. А потом “годы мытарств и нечеловеческих страданий сделали свое подлое дело”, и я женился.

Писем Ваших я не получал, кроме отстуканного на машинке циркуляра с припиской: шлите все новым американцам! Вы даже не прислали газету, в которой я писал о смерти Высоцкого. Мне, правда, разъяснили, что этот выпуск продают только на валюту.

В своей депеше я решительно настаивал на опубликовании моих пожеланий “Новому Американцу”, однако получил от Вас тот же самый запрос. Стихи, о которых Вы просите, боюсь, не очень придется воспитателям новых американцев, так что пока воздерживаюсь.

Итак, жду ответа. Внесите ясность. Вы попросили что-нибудь написать - я написал. Либо Вам стало изменять чувство юмора, либо мне - чувство реальности. Разъясните. Привет роковой секретарше. Моя жена остается неизменной Вашей поклонницей. Это делает ей честь, как, впрочем, и Вам. Она ждет от Вас столь же остроумных книг, например, “Нью-йоркский компромисс”.

Искренне Ваш Вадим Делоне. 1981 г.”

А новогодние пожелания “Новому американцу” выглядят следующим образом:

“1. Крылатый девиз “Мы выбрали свободу и наше счастье в наших руках” заменить на более скромный: “На свободу с чистой совестью!”

2. Витиеватое разъяснение “Американско-еврейский русскоязычный еженедельник” заменить на более образное: “На Красной площади чехи китайскими палочками едят мацу”.

3. Рубрику “Права человека” о духовном сопротивлении в СССР заменить на более возвышенную, соответствующую чаяниям Запада: “Россия недостойна ни Ленина, ни Сахарова”.

4. В Европу газету рассылать под названием “Новый немец”, “Новый француз” и т.д.

Опубликуй, Довлатов! Вызываю огонь на себя!

Вадим Делоне. Париж, январь 1981.»

Увы, пожелания по неизвестной причине опубликованы не были.

В.Максимову принадлежит резкое определение эмиграции. “Эмиграция - гетто для побежденных, - писал редактор “Континента”, - загон для отступающих, анклав для банкротов”. В том же романе, откуда я привел цитату, представляющем обширную панораму русской эмиграции в Париже, среди других знакомых лиц я нашел и Вадима Делоне, тем более, что автор даже не потрудился снабдить персонажа другим именем.

“Я познакомился с ним в той же лавочке на рю де Ренн. Он явился тогда в Париже героем довольно громкого политического процесса, но, в отличие от своих собратьев по диссидентству, не раздувался, не борзел, не предлагал человечеству рецептов освобождения от тоталитарного ига, а только на все лады рассказывал желающим слушать о тех трех минутах бузы на Красной площади, за которые он схлопотал свой лагерный срок. “Понимаешь, старик, - сиял он детской улыбкой к собеседнику, - может, все это лажа, говна пирога, подумаешь, на Лобном месте малость потоптались! Только вся моя жизнь в эти три минуты и уместилась, после этого уже не живу, а доживаю.” К тому же он заметно торопился дожить, заливал дотлевающую душу дешевым вином и пивом, гнал лошадей без дороги и передышки, но, впрочем, во хмелю оставался таким же безмятежным и незлобивым, как и на трезвую голову...Вадим время от времени сочинял стихи. Наивные, хотя искренние. И, наверное, если бы он занялся этим всерьез, из него со временем мог бы выработаться хороший поэт, но для него весь смысл существования давно сосредоточился на дне следующего стакана...”

Воздержусь от оценок и комментариев; стоит ли всерьез обсуждать роман, главный герой которого (во многом alter ego автора) среди мизантропических излияний произносит и такую ключевую фразу: “Человек вообще, по-моему, по определению - дерьмо”. Вадиму в нем достались далеко не худшие характеристики. Это произведение (“Кочевание до смерти”, журнал “Континент”, № 79) не выдерживает сравнения с “Семью днями творения”.

- Знаю, что у обоих, Вадима и Иры, были большие претензии к В.Максимову, - говорила Лариса Богораз. - Издается журнал, Максимов уже на ногах. Надо помочь молодому поэту, который уехал вынужденно. Он ничем не помог...

Наталья Горбаневская, впрочем, с этим не согласна. “На самом деле Максимов вытащил Иру и Вадика из Вены в Париж (как и меня и многих других), печатал его постоянно - а “Континент” в те времена платил очень неплохие гонорары, да и честь большая...Он считал, что в эмиграции людям надо помогать, - и помогал всякому и каждому, за что потом от 99 % получал публичные оплеухи. Не так просто и с его последним романом. Тут действительно проявилось какое-то овладевшее им безумие - думаю, плод болей от недиагностированного рака...”

Ирина Делоне категорически против подобных утверждений: «Максимов никакого отношения к нашему приезду в Париж не имел, т.к. не знал о нем. И печатался Вадим в «Континенте» крайне редко. У Вадима **ни к кому не было претензий**, таков был его характер - всепрощение. В действительности Вадиму никто не помог с работой в эмиграции, в том числе и старые друзья. За два дня до смерти Вадим предложил радиостанции “Свобода” свою рукопись - “Портреты в колючей раме”. Хотел, чтобы диктор читал по радио на Россию. Ему отказали. Вадим вернулся домой в ужасном состоянии, сказал: “Меня хотят убить медленной смертью”. Не раз он произносил эту фразу по соответствующему поводу...”

Первое интервью Вадим дал австрийскому журналисту Хайнцу Нусбаумеру.

“Старый отель в 20-м округе Вены, зимнее пальто, 50 шиллингов в день на жизнь и балласт из жестокого прошлого и неопределенного будущего, - это все, что осталось у человека, попытавшегося спасти честь русского народа, - так начиналась публикация, озаглавленная “Человек, который хотел спасти честь России”. Две фотографии - портрет Вадима с подписью “Эмигрант в Вене - советский поэт Вадим Делоне” и другая, со словами: “Нам было просто стыдно за это. Советские танки в центре Праги”. В этой же статье рассказывается о последнем сюрпризе, подсунутом Вадиму в Москве

госбезопасностью. Когда Ирина и Вадим приехали в аэропорт, ему сообщили, что самолет уже улетел, и придется продлевать визы...

Пожалуй, единственный раз он серьезно описал свои переживания на чужбине. Авторское предисловие к “Портретам...” начинается так:

“Друзья звонят из Москвы и спрашивают, как жизнь. Я отвечаю лагерной поговоркой: “Только первые пять лет худо, а дальше - все тяжелее и тяжелее”. Ведь по сути дела эмиграция - это такое же бессрочное отчуждение людей от их подлинной жизни, от их прошлого, как и тюремное заключение. Правда, харч получше, коридоры длиною в авиарейсы, да можешь выбирать сокамерников по собственному усмотрению...”

“Сокамерники” в самом деле были хоть куда: Виктор Некрасов, Александр Галич, Наталья Горбаневская и другие милые сердцу люди. Иногда его ностальгия выражалась в шуточной форме:

*Когда задумчив я брожу,
Хлебнув винца, Венсенским парком,
Грущу о том, что не найду
Грибов на солку или жарку,
Но чаще думаю о том,
Как хорошо бы все устроилось,
И унялось, и успокоилось,
Имей я личный самолет,
А также право на полет
Paris-Moscou туда - обратно.
Вот это было бы приятно.
Но личных самолетов нет -
За восемь бед один ответ.*

“Нечистая сила вынудила его эмигрировать, - писала Раиса Берг в упомянутой статье. - После лагеря я встречалась с ним в Москве, в Новосибирске и потом в Париже. В трудную минуту тут как тут был Вадим, чтобы помочь, ободрить, утешить. Мы гуляли по Парижу, заходили в часовни и забегаловки. Он читал свои стихи. Когда мы вошли под грандиозные своды Нотр-Дам, Вадим быстро неразмашисто перекрестился, как бы скрывая от меня и других свою набожность.

Он приехал в Париж в 1976 году и затосковал. Он не считал себя французом, хотя родословное древо Вадима коренится во французской земле. Его душа продолжала обитать там, среди униженных и оскорбленных.”

- Как честный человек с обнаженными нервами он не мог ничего не делать, чтобы не было этих несправедливостей, - говорит Всеволод Абдулов. - Как молчать, как не обращать на это внимания? Вадька знал: если не он, то кто? Он не был революционером, просто не мог молчать. Ужасно любил людей, друзей: в конце дня посидеть, попеть, рассказать - и все с таким плюсом, даже наши разговоры о мерзости власти. Все равно было ощущение: да не выдержит она, мы сильнее...

Все-таки не гулякой праздным обитал он в Париже. Подготовлен сборник стихов, написана книга прозы. Правда, лондонское издательство “Оверсиз” приняло рукопись книги “Портреты в колючей раме”, когда Вадима уже не было на свете. О самом Вадиме и его творчестве вспоминала Ася Рожанская в статье “Он был поэтом”.

“Я гостила у своей бывшей ученицы Раечки, которая работает переводчицей, а жена Вадима, Ирина, тоже переводит. У них общие заказчики, общие работы. Так я

познакомилась с Вадимом, попросила у него интервью для “Круга” (журнал, издающийся в Тель-Авиве на русском языке. - Ю.К.), он сразу согласился.

Субботний вечер. Вадим привез Раечке материалы, она ушла работать в соседнюю комнату, поставив на стол легкое вино, невесомые печенюшки. Нельзя назвать беседой этот вечер. Вадим рассказывал, а я держала на коленях под столом тетрадь и писала закорючки на память. Он был удивительным рассказчиком, прекрасно изображал в лицах, к месту вставлял шутку, анекдот. Кое-что из того, что вошло в сборник “Портреты в колючей раме”, он тогда рассказал, подарил сборники “Континента” и “Эхо” со стихами и рассказом “Маркузе”. Надписал: “Асе Рожанской на память о встрече в городе Парижском, как его называл Высоцкий.” О Высоцком говорил с придыханием, с болью, со слезами. Очень любил его, очень ценил его творчество, очень горевал о том, что “довели его, негодяи”.

...Вместе с целой компанией идем в самый-самый наимоднейший ночной локал “Он и она”. Сидим за столиком человек десять, но и официанты (в течение вечера их было не меньше пяти), и артисты обращаются только к нему. Был он по-особому красив, какая-то детская доверчивость освещала его лицо даже тогда, когда говорил он о вещах суровых.

Трудно ему было в Париже, хоть и дышалось легко, можно было писать, не боясь цензуры. Он жаждал общения с людьми, вечеров, встреч. Ежегодные балы-встречи русских никак не могли утолить той жажды общения, которую он испытывал.

Умер он, как говорят в России, в одночасье. А у нас в Израиле говорят, что так умирают праведники: лег и не проснулся...”

Вадим не оставляет правозащитной деятельности, пытается привлечь внимание к положению с правами человека в СССР.

Живущий ныне в Париже 30-летний русский писатель Вадим Делоне, сообщила газета “Ди Вельт” 17 мая 1977 года, обратился с открытым письмом к Вилли Брандту: “С изумлением прочитал в советской газете “Правда”, что, выступая перед членами социал-демократической партии в Касселе, вы критиковали тех, кто выступает в защиту “так называемых диссидентов”. До сих пор подобные заявления в “Правде” публиковались только со ссылкой на выдающихся мыслителей стран коммунистического блока. И вот впервые такое заявление из уст вождя европейской социал-демократии. В своей наивности я сначала предположил, что “Правда”, следуя своей закоренелой привычке, перекрасила ваши высказывания в свой красный цвет, что вы сочтете за оскорбление поощрение газеты, которая на протяжении более полувека занималась оголтелой травлей любой свободной мысли, а в настоящее время проводит клеветническую кампанию против Солженицына, Сахарова, Буковского и других. Однако недвусмысленная позиция, занятая вами на недавней встрече социалистов в Амстердаме, показывает, что “Правда” не напрасно держит вас в союзниках...”

Обращаюсь к вам лично вот по какой причине. В августе 1968 года на Красной площади в Москве я вместе со своими друзьями поднял лозунг “За вашу и нашу свободу”. Лозунг этот остался актуальным и по сей день. Под защитой дул советских танков идут аресты в Чехословакии. Советские политзаключенные объявили 100-дневную смертельную голодовку с требованием уважения Хельсинкских соглашений, а вы, господин Брандт, призываете социал-демократов всего мира отказать в помощи тем, кто в борьбе за элементарные человеческие права поставил на карту свою жизнь.

Поддержка многих моих соотечественников и западных общественных деятелей помогла мне и моим друзьям выйти из концентрационных лагерей и спецпсихбольниц. Но я не слышал, чтобы вы лично участвовали в нашей защите - ни в качестве министра

иностранных дел, ни на посту канцлера свободной Германии. Несмотря на то, что вы как немец должны лучше других понимать, что такое концлагерь и какова цена свободы...”

- Потрясением для него было зрелище Берлинской стены, - вспоминает Сергей Шаров. - Он как-то позвонил из ресторана в Западном тогда еще Берлине, куда приехал, кажется, на конгресс Пен-клуба. Крепко выпил на банкете и изъяснялся на родном языке. Телефонистка то и дело влезала и орала: “Прекратите ругаться матом!”

На конференции, организованной “Amnesty International” в Кале Вадим Делоне, рассказывая о политических преследованиях в Советском Союзе, упомянул вторжение в Афганистан: “Если Жорж Марше рассматривает вторжение в Афганистан как братскую помощь, то он, в случае прихода к власти, вероятно, попросит такую же для Франции...” Коммунизм, заметил он, не может иметь человеческого лица. Равенство исключает свободу, коммунизм ведет к обезличиванию.

Фотография в лондонской “Таймс”: бывшие узники Вадим Делоне и Мукаганга Ньяшану (Родезия) зажигают Свечу Амнистии в День защиты прав человека в Вестминстерском аббатстве, знаменуя начало года Узников Совести.

Снимок во французской газете: Наталья Горбаневская, Вадим Делоне и Виктор Файнберг проводят демонстрацию в годовщину советской оккупации Чехословакии.

Информация в “Либерасьон” 28 сентября 1976 года: “Находящийся в ссылке во Франции русский поэт Вадим Делоне опубликовал открытое письмо президенту Валери Жискара д’Эстену, в котором просит выступить в защиту Владимира Буковского, находящегося в заключении с 1972 года. “Владимир Буковский уже провел в заключении 11 лет и не может сам обратиться к вам с просьбой о политическом убежище. Поэтому мы обращаемся к вам за помощью...” Эта инициатива совпала с ежегодным съездом ЮНЕСКО, на котором представитель СССР цинично заявил, что наказание Буковскому кажется ему недостаточно суровым. Вадим Делоне отметил, что условия содержания Буковского не улучшились, что противоречит заявлениям властей матери В. Буковского”.

1 ноября 1976 года “Фигаро” публикует сообщение: “Четверо бывших советских политзаключенных устроили демонстрацию. В субботу Леонид Плющ вместе с тремя советскими интеллектуалами объявил символическую голодовку на площади Трокадеро. С 9 до 21 известный математик вместе с поэтом Вадимом Делоне, его женой Ириной Белгородской и поэтессой Натальей Горбаневской держали перед прохожими плакаты с требованием свободы для политзаключенных”.

25 июня 76 года Вадим распространяет обращение:

“Недавно узнал, что международный комитет защиты прав человека обратился к ЮНЕСКО, обеспокоенный трагической судьбой некоторых моих соотечественников. Есть надежда, что документы, собранные французским юристом Д. Пираром, главой комитета, будут обсуждены в октябре на сессии ЮНЕСКО. Я, недавний советский политзаключенный, знакомый со свидетельствами, собранными г-ном Пираром, могу подтвердить их полную объективность. В 1968 году я был приговорен к 3 годам заключения за участие в мирной демонстрации протеста против оккупации Чехословакии советскими войсками. Я отбывал наказание в исправительном лагере для уголовников и на собственном опыте испытал весь арсенал средств унижения человеческого достоинства, весь ужас советской карательной системы.

Материалы, направленные в ЮНЕСКО, касаются Владимира Буковского, Валентина Мороза и других мужественных борцов за гражданские права. Я убежден, что первоочередной долг ЮНЕСКО - обратить внимание на их участь. Тем не менее, пресса в целом хранит молчание в отношении обращения комитета в ЮНЕСКО.

Я живу на Западе недавно, но не впервые сталкиваюсь с попытками некоторых политиков предать забвению факты преследований за убеждения в СССР и положение политических узников. В январе этого года я был вынужден обратиться к первому секретарю ФКП г-ну Марше с тревогой за трагическое положение В. Буковского, чья жизнь в опасности. Я просил г-на Марше срочно вмешаться и постараться спасти моего друга. Несмотря на пышные заявления г-на Марше и тот факт, что мое письмо к нему было опубликовано в разных газетах, включая “Монд”, он не ответил, мое письмо не было напечатано в “Юманите”.

Необходимо, чтобы материалы, собранные г-ном Пираром, были проанализированы прессой. Надеюсь, такая дискуссия будет способствовать скорейшему рассмотрению проблемы в ЮНЕСКО”.

Вот текст письма Вадима Делоне Ж. Марше, опубликованного в газетах “Монд” и “Фигаро” в феврале 1977 года:

“Выступая по радио “Люксембург” 23 февраля 1977 года, вы высказали крайнее неудовольствие тем, что Л. Плющ якобы вмешивается во внутривластную жизнь Франции. Подобные заявления по своей сути слишком сильно напоминают предупреждения, которые работники советского КГБ делали Ю. Орлову, А. Гинзбургу и другим участникам группы Хельсинки в СССР. Им также предлагалось не вмешиваться в советскую политику и не доводить до сведения мировой общественности факты грубого нарушения человеческих прав в СССР. Всем теперь известно, чем кончились эти предупреждения - арестами. Ваша позиция по отношению к деятельности Л. Плюща, мягко говоря, не соответствует вашему заявлению о том, что свобода неделима. Следует, очевидно, понимать вас так: свобода во Франции существует, но только для вас, товарищ Марше, и ваших товарищей по партии, а не для какого-то Плюща или Амальрика и других, то есть не для тех, кто изгнан со своей родины без права свободно вернуться.

Кроме того, не соответствует истине ваше заявление о том, что ФКП всегда защищала политзаключенных во всем мире, в том числе и в СССР. Разрешите напомнить вам некоторые факты. Год тому назад, когда В. Буковского пытали карцером во Владимирской тюрьме, его мать Нина Буковская обратилась к вам с отчаянным призывом о помощи. Однако вы заявили, что не получили этого письма. Тогда по просьбе матери я написал вам о трагическом положении В. Буковского, просил немедленно выступить в его защиту. От вас и газеты “Юманите” не последовало ответа, и никаких действий в защиту Буковского вы не предпринимали.

Вас, г-н Марше, больше беспокоит якобы вмешательство Плюща во французскую политику, нежели тот факт, что советские танки до сих пор стоят в Праге и под охраной их дул проходят аресты авторов Хартии-77. Все вышеизложенное заставляет меня предположить, что ваши заявления о неделимости свободы - пустая демагогия...”

Но это было чуть позже, а 6 сентября 1976 года газета “Ле Пуэн” сообщает:

“Один из самых известных советских диссидентов в смертельной опасности. Его друг, поэт-изгнанник Вадим Делоне, бьет тревогу. Владимир Буковский, о котором идет речь, познакомил Запад с ужасами советских психиатрических лечебниц. Благодаря ему удалось вытащить из этого ада Виктора Файнберга и Леонида Плюща. И советская власть жестоко отомстила Буковскому за свое поражение, приговорив его в 71-м году к семи годам заключения.

Среди нас, говорит Вадим, не было более неистового, смелого защитника прав человека, чем он. Это мнение всех, кто знает Буковского. Я имел счастье знать Буковского, быть его другом и подельником. Я видел его стоящим перед судом, принявшим на себя всю ответственность за наши действия. Слышал его знаменитую

фразу, обращенную к прокурору: “У нас нет свободы быть “за” если нет свободы быть “против”. Это было в 1967 году. Буковский вышел из психушки и имел уже большой опыт борьбы с режимом. Но больше наши пути не пересекались: я находился под арестом, когда он вышел на свободу. И наоборот, он оказался за решеткой, когда я освободился. Могу сказать: всем лучшим во мне я обязан ему...”

Еще публикация французской прессы с заголовком “Вадим Делоне свидетельствует...”:

- Я познакомился с Владимиром Буковским осенью 1966 года. Он давно был известен в среде инакомыслящей молодежи как инициатор публичных чтений на площади Маяковского. Это было сразу после страшной сталинской эпохи. Первые чтения не запрещали. В то время друг Буковского Александр Гинзбург выпускал первые самиздатские сборники “Феникс” и “Синтаксис”. Авторы писали под своими настоящими именами; это была новость - прежде авторы самиздата выступали под псевдонимами. Я тогда был слишком молод, чтобы участвовать в публичных чтениях, но помню статью Буковского с заглавием “1963 год”, где он излагал свои взгляды на комсомол. У многих товарищей Буковского оказались трагические судьбы. Юрий Галансков погиб в лагере из-за отсутствия медицинской помощи, другие были арестованы. Их сажали в специальные психиатрические лечебницы без суда. За статью, которую я упомянул, Буковского арестовали в первый раз. Обвиняли его и за участие в чтениях у памятника Маяковскому. Значение, которое в нашей стране придают поэзии, соответствует старой традиции...

У читавших стихи на площади Маяковского появились наследники: в 1965 году образовалась поэтическая группа СМОГ, что можно расшифровать как Смелость, Мысль, Образ, Глубина. Я не принадлежал к СМОГу, но участвовал в его деятельности. Пока мы читали стихи по квартирам, нас не трогали. Дела пошли худо, когда начались публичные чтения. Последовали предупреждения, угрозы, помещения в психбольницы.

Несмотря на аресты или отъезд активных инакомыслящих, самиздат не переставал существовать, напротив, распространялся все шире, попадал в провинцию...”

В декабре усилия Вадима и многих честных людей в мире увенчались успехом: советские вожди освободили Буковского из Владимирской тюрьмы и выслали за границу в обмен на своего чилийского единомышленника Корвалана. Народ быстренько отреагировал на событие ехидной частушкой:

*Обменяли хулигана на Луиса Корвалана.
Где найти такую блядь,
чтоб на Брежнева сменять?*

Н. Горбаневская поправила меня - не народ, а Вадим, сочинивший и еще стишок, слегка переиначив известную неприличную частушку:

*Просыпаюсь утром рано -
Нет Луиса Корвалана.
А где она? А вот она,
Хунта Пиночетова.*

Драматическую историю своего освобождения Буковский описал в книге “И возвращается ветер”, где рассказал и о той демонстрации на Пушкинской, когда Вадим

был впервые арестован. Но, возможно, Владимир Константинович не знает, что его бывший подельник вместе с Аркадием Петровичем Столыпиным (сыном П.А.Столыпина. - Ю.К.) вел переговоры в чилийском посольстве в Париже об обмене. Вместе с сокамерником В.Буковского по Владимирской тюрьме Иосифом Мешенером Вадим направил письмо правительству Чили, в котором говорилось:

“Мы, бывшие политзаключенные СССР, от имени узников Владимирской тюрьмы и концлагерей Пермской области, в частности, В. Буковского, С. Глузмана и многих других, предлагаем вам принять их представителей, проживающих в настоящее время на Западе, для ознакомления с положением чилийских политических заключенных на месте. Это позволит нам сделать объективный сравнительный анализ режима содержания и законности ареста находящихся там лиц с аналогичным положением в СССР.”

Так что неизвестно, чьи старания перевесили - дипломатов с чекистами или поэта-изгнанника...

* * *

Из Москвы приходили печальные вести. В ноябре 82-го года умер Петр Якир. Ему, в отличие от В. Красина, простили покаяние. Он не пытался ничего разыгрывать и говорил просто: было страшно. Ему простили, потому что любили. “Добрый человек был Петр, - писал А. Левитин-Краснов в “Русской мысли”. - И любили его все, кто с ним встречался. И он любил людей. Не озлобила его жизнь. А ведь могла бы: с детства - сиротство, расстрел отца, арест матери, детдом для детей врагов народа. А с 14 лет - лагеря, лагеря, лагеря. До тридцати лет - лагеря. Я был в том лагере (в Кадоме под Архангельском), где сидел Петр. Его уже тогда там не было. Он был на вольной высылке, но все лагерники вспоминали о нем с улыбкой, с любовью...”

Смерть Якира была потерей для Вадима - слишком много связано было с ним, с квартирой на Автозаводской.

Трагически погиб Александр Галич. Ушел еще один дорогой человек. Максимов произнес тогда загадочную фразу: “Говорите всем, что это несчастный случай”.

А весной 83-го стало известно, что арестовали Валерия Сендерова, друга Вадима.

“Когда я познакомился с ним, он преподавал во 2-й московской математической школе. В школу эту набирают либо вундеркиндов, либо детей высокопоставленных особ, дабы обеспечить образование по высшему классу, - писал Вадим. - Сам я проучился в этой школе год, но добровольно ее покинул, поскольку особого интереса к точным наукам не имел.

Сендеров пригласил меня зайти в школу; было это в 71-м. Я был давно уже изгоем, вернулся после трехлетней “туристической поездки” по сибирским лагерям...По пятам за мной шли какие-то лица в штатском, слали повестки то из милиции, то из психбольниц. И вот я в родной школе, в классе, где преподает Сендеров. Меня встречают как космонавта, и я откровенно недоумеваю, почему такое ко мне отношение, что происходит и как вообще может учительствовать в советской школе человек бескомпромиссный, беспартийный, еврей по происхождению и православный по убеждению, да еще сидевший в сумасшедшем доме.

Оказалось, что класс у Сендерова самый лучший, успехи у его учеников поразительные и выгнать его трудно. Он объяснил мне систему обучения: за хорошо решенную задачу он премирует стихами Гумилева, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама. Иногда выдавал и что-нибудь злободневное, в том числе и мою поэму

“Лагерные экспромты” или стихи Бродского, Горбаневской , Губанова... И никто не доносил.

Живя на скромную зарплату, не имея никакого общественного положения, он всегда находил возможность конкретно помочь гонимым, сосланным, преследуемым. Зная, что мой брат ушел с мехмата МГУ только потому, что не захотел сдавать экзамен по марксизму, Сендеров придумал для него способ заработка...

В последние годы Валерий часто звонил в Париж, пересылал свои статьи об интеллектуальном геноциде, о дискриминации евреев, о свободном профсоюзе СМОТ. Он любил стихотворение, которое я ему посвятил еще в Москве:

*Душа неделима и льдинкою вниз
Упав, о карниз разлетится со звоном,
А я этой смерти пустым эпигоном
Все буду цепляться за слово “держись”...*

Эта статья, опубликованная в “Русской мысли” 8 апреля 1983 года, была, возможно, последним, что успел написать Вадим...

Глава 11. В Париже и Кембридже

*Гетто избранничеств! Вал и ров.
По - щадь не жди!
В сем христианнейшем из миров
Поэты - жида!*
Марина Цветаева

Погожим апрельским днем, не очень веря в реальность происходящего, оказался я в Париже - прилетел по приглашению редакции газеты “Русская мысль”, куда еще зимой отправил рукопись книги*. Но не оставляло такое чувство, что позвал меня Вадим. И дух его сопутствовал мне все эти дни.

В аэропорту Шарля Де Голля меня, впервые оказавшегося за границей и не знающего ни слова по-французски, встретила Ирина Делоне. Сразу завязался чуть сумбурный разговор - о готовой почти книге, о Вадиме, о Москве, об общих знакомых, - и мгновенно возникло полное доверие, душевность, теплоту которых поддерживало сознание, что именно такая женщина и могла быть другом, ангелом-хранителем Вадима.

Говорили безостановочно - в метро, на улицах и бульварах по-весеннему нарядного города, в тесной, очень похожей на московскую, кухне квартиры Ирины в Венсенне. Бродили по местам, где любил бывать Вадим. Ездили в Сент-Женевьев-де-Буа и Версаль, куда Вадим так и не добрался. Ирина вспоминала мельчайшие подробности, рассказывала о привычках и вкусах Вадима, я выспрашивал, уточнял, записывал. И многое в парижском их житье-бытье предстало в новом свете.

Есть у Виктора Некрасова точное наблюдение: “Самое, пожалуй, поразительное в этом городе то, что он совсем не кажется чужим. Даже не зная языка, ты как-то сразу и легко начинаешь в нем ориентироваться...По Парижу не только легко ходить, по нему приятно ходить. Город, по которому хочется гулять...”

Блуждая по улочкам Латинского квартала и набережным Сены, стоя под сводами базилик Сен-Дени и Сен-Жермен-де-Пре, сидя в саду Тюильри или на ступенях Сорбонны, неотступно думал о Вадиме, пытался вообразить его среди этой жемчужной россыпи. Каким гидом и собеседником он был бы! Вадим, конечно, знал Париж по литературе, полотнам импрессионистов, по фильмам. И, поселившись здесь, полюбил «город вечной весны». Ему очень нравились, например, автобусы с открытой задней площадкой: хороший обзор и можно курить. Немало радости приносили концерты симфонической и камерной музыки - под сводами храмов она звучит особенно впечатляюще, и иногда Ирина и Вадим устраивали себе такие праздники. Вадима взволновала суровая красота башен Консьержери, что дало повод спутникам пошутить, что русским почему-то особенно запоминаются тюрьмы. Были у него излюбленные кафе и бистро, где легко находился общий язык с барменами и официантами. Наталья Горбаневская вспоминает: «Когда они (Ирина и Вадим) жили на бульваре Сен-Мишель, а мы поселились совсем рядом, Вадик повел меня в «свое» кафе. Потом он уехал, без него я редко туда ходила - зашла, правда, сказать, что умер. И случайно зашла лет через десять после его смерти - хозяин тут же принялся вспоминать Вадима. «Поэт», - это он о Вадиме знал и за столько лет не забыл...»

Но его восприятие прекраснейшего в мире города, не сомневаюсь, омрачало сознание, что он обречен жить в Париже до конца своих дней...

Нежданная беда настигла здесь Вадима: у него обнаружилась эпилепсия. Готовили очередную демонстрацию, подъехали к назначенному месту на машине, Вадим наклонился, чтобы достать привезенные транспаранты - и вдруг упал. Случившиеся рядом полицейские вызвали “скорую помощь”, медики констатировали приступ эпилепсии. Больше к их помощи не прибегали. Ирина внимательно следила за Вадимом, и если вдруг начинался припадок, делала все, чтобы он не прикусил язык. А потом охраняла его долгий исцеляющий сон.

...От метро “Барбэ” поднимаемся на Монмартр. Вадим очень любил эту самую высокую точку Парижа, откуда открывается панорама города, может быть, не уступающая той, что видна с Эйфелевой башни. Любил, поднимаясь к собору Сакре-Кер, самому некрасивому и непарижскому, по мнению Виктора Некрасова, сооружению во всем Париже, посидеть на ступенях. Потом потолкаться среди художников, выпить пива. Ставим свечи - особенные, в маленьких подсвечниках, как принято у католиков.

Встречаемся на площади Де Голль-Этуаль - Ирина взялась проводить меня, московского провинциала, в редакцию “Русской мысли”. Пока ждал назначенного часа, вышел на рю Дарю и открылся мне во всем величии православный храм Александра Невского. Здесь отпевали Галича, Вадима, Максимова. Днем церковь закрыта, дворик пустынен. Доска при входе пестрит объявлениями: “Русский ищет работу”, “Украинская женщина ищет место преподавателя музыки”...

Священник отец Евгений хорошо помнит Вадима, которого отпевал.

- Это был трагический день, но, может быть, для него в определенном смысле - и освобождение. Он не находил себя здесь. Я думаю, самое главное для него было - Красная площадь, там он реализовал себя. Помню Вадима молодым человеком, полным сил, энергии. Познакомились мы с ним еще когда я служил дьяконом в храме на улице Оливье де Серр. Он рвался помогать людям, творить добро. И принесся себя в жертву - за друзей, за всех остальных - он свершил свой христианский подвиг, исполнил его целиком. Мне вспоминаются евангельские слова: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».

Мне позвонили в три часа ночи, сообщили о смерти Вадима и просили приехать. Там уже собрались его друзья. Его лицо и после кончины выражало какое-то сияние. На его отпевание пришло много народу, его очень любили. Лицо у него было светлое, словно улыбающееся...

Изысканная роскошь улицы Фобур де Сент-Оноре ошеломляет. Не выходит из головы: по этим тротуарам Вадим направлялся в “Русскую мысль”. Места в редакции ему не находилось. Да и что бы делал он в газете, втягивающей человека в свой ненасытный конвейер, тем более, что «Русская мысль» стихов почти не печатала. К нудной же редакторской работе Вадим и вовсе был не склонен. В 1978 году газета опубликовала интервью Вадима Делоне.

“Многие поэты из тех, кто читал в 60-е годы свои стихи на площадях Москвы, - сказал Вадим о советской поэзии, - сошли с горизонта: время от времени их забирали на принудительное лечение в больницы и с помощью аминазина и инсулина пытались отучить от вредного занятия писать и читать...Но есть и другой вид поэтической смерти - духовное оскудение. Потеря собственного голоса за счет добровольного согласия совместно с хорошо налаженным хором грянуть гимн... Вспоминаю одну из встреч с Евтушенко. Я приехал к нему в Переделкино просить, чтобы он выступил в защиту только что арестованных. Открыто протестовать он отказался, однако обещал связаться с верхами. То же самое несколькими годами позже он ответил, когда его

просили хоть что-нибудь сделать для умиравшего в лагерной зоне Галанскова. Может, он и связывался, но слишком долго...

В ту нашу встречу Евтушенко искренне отговаривал меня от гражданских протестов. Говорил, что я гублю свой талант. Что становление поэта невозможно без публикаций. Говорил, что сам он за одно настоящее стихотворение, опубликованное миллионным тиражом на всю Россию, готов написать 10 поденных, готов унижаться. Я спросил: “А не думаете ли вы, что унижения убивают в вас поэта?” Он возразил, что зато крепко стоит на ногах, набил руку, еще многое сможет...

- Я никогда не считал и не считаю себя политическим деятелем, - ответил Вадим на вопрос о борьбе эмигрантов за права человека в СССР. - На мой взгляд, нелепо говорить о политической борьбе, имея в виду страну, в которой не существует самых элементарных гражданских и человеческих прав. Советский режим в силу полной замкнутости отличается от всех существовавших диктатур той особенностью, что подпольная борьба бессмысленна, обречена на кровавый провал. И призывать к такой борьбе или выдавать рекомендации политического преобразования я считаю делом безответственным. Борьба за гражданские права и гласность, поддержка духовного сопротивления, которое существует в России, - это единственный возможный путь...”

Сотрудница «Русской мысли» Ольга Прохорова рассказывает:

- В 68-м году мне было 18. Во время демонстрации на Красной площади меня в Москве не было, узнала о ней задним числом. Мы все время думали, как выразить свое отношение к случившемуся. И услышав, что Ян Палах сжег себя в знак протеста, мы с Ириной Каплун решили устроить демонстрацию. Сначала думали - у Вечного огня в Александровском саду, но там стояли только два милиционера и ни души больше. На Красной площади оказалось полно милиции. Тогда решили - на площади Маяковского, у памятника. Демонстрация получилась довольно смешная: о ней никто не знал, и на нас долго не обращали внимания. Но, в конце концов, остановился один, затем другой, потом собралась малочисленная толпа, человек 20. Нас тогда не арестовали, в психушку меня посадили позднее, за листовки против репрессий.

С Вадиком я познакомилась, как только он вернулся из лагеря - а я как раз вышла из психушки. Мы встретились в доме Петра Якира. Помню, Вадик тогда сказал мне, что он был рад услышать, что нас посадили. Меня это несколько шокировало, но он объяснил: у него было чувство, что после их ареста все в Москве затихло. Узнав про наш арест, успокоился: что-то происходит! А потом мы довольно часто встречались в разных домах. Вскоре выяснилось, что Ире с Вадиком негде жить - он был прописан у своей матери, но там находиться было сложно, а у Иры после выхода из тюрьмы и вовсе не было площади. И они поселились у нас. С первым мужем Ира нередко приходила к нам в гости. А однажды пришла с Вадиком и сказала: «Извините, я позволила себе небольшую замену...» Роман у них развивался весьма бурно.

Потом какое-то время они жили у деда Вадима в Абрамцеве, и уже перед самым отъездом вернулись к нам. Были проводы, собралось много народу. Вадик очень не хотел уезжать. Пока в Шереметьеве их обыскивали, самолет улетел, и пришлось вернуться. Вновь повторились проводы, и то, что в первый раз было драмой, во второй раз показалось фарсом.

Пребывание их в Вене началось трагически: умер, прожив месяц, их сын, которого в честь Габая называли Ильей. Они уехали в Париж, откуда писали нам в Москву. Можно сказать, их письма спасли меня от ностальгии: они расписывали все в таких черных тонах, что когда мы оказались в Париже, мне все очень понравилось - и нравится до сих пор.

Мы и ехали в Париж в основном потому, что здесь были Ирина и Вадик. Первое время мы очень часто встречались, потом реже, потому что я начала работать, росли дети. После перерыва в несколько месяцев как-то приехала к Ире с Вадиком. Он спал, а мы сидели и разговаривали. Ира вдруг вышла в соседнюю комнату и говорит: «Мне кажется, с Вадиком что-то нехорошо, он очень бледный...» Я увидела, что у него синие ногти. Вызвали неотложку. Врачи осмотрели Вадима и сказали, что он умер несколько часов назад. Ночью позвонили отцу Евгению, он приехал. Было отпевание, положение во гроб. Похороны затянулись, как все, что так неудачно складывалось у Вадика и Иры. Ей хотелось похоронить его на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа: как-то, гуляя по Парижу, он выразил желание лежать среди русских. В тот день, когда Вадик скончался, в «Русской мысли» появилось объявление, что там продается место. Мы хотели его приобрести, но мэрия Сен-Женевьев-де-Буа отказала категорически. Так что Вадика похоронили только на восьмой день на Новом Венсеннском кладбище. Потом с помощью друзей удалось добиться разрешения перезахоронить прах в Сен-Женевьев-де-Буа, но мы посоветовались с Ирой и решили: его уже отпели, похоронили и не надо его тревожить...

Неподалеку от Триумфальной арки на улице Лористон жил Владимир Максимов, к нему в “Континент” Вадим иногда заглядывал. Потом Максимовы переехали в другой дом, столь же респектабельный. Вдова писателя Татьяна Максимова усадила нас с Ириной в столовой - за тот самый стол, за которым сживали Владимир Емельянович, Вадим. Кажется, даже чай пили из тех же чашек.

Максимов, по ее словам, относился к Вадиму как младшему брату - с нежностью. Но при том не выносил никакой критики, даже самой доброжелательной. По случаю 50-летия Владимира Емельяновича Вадим сочинил смешной мадригал. Максимов прочитал, насупился и бросил в стол, не сказав ни слова. А текст был вполне безобидный:

*Жизнь шальная, верь - не верь,
Чуть постарше “старки”,
Пил в подъезде, а теперь -
В Триумфальной арке.
Под горой течет река
И зовется Сеною.
Я про тюрьмы мудакам,
А они про цены мне.
...Верю в правду, все за мной!
И запреты снимутся.
Водку с царской ценой
Назовут “максимовкой”.*

Но все-таки отношения были теплыми. Когда Максимов впадал в свою страшную депрессию - запивал по-русски, то есть по-черному, - Ирина и Вадим приезжали, пытались успокоить и помочь Татьяне. А то и пировали, дружески болтая и веселясь. Однажды Владимира Емельяновича провожали в Америку. За столом сидели Вадим, В. Буковский. Максимов отправился в аэропорт, хозяйка осталась с гостями. Через несколько часов В.Е. позвонил уже из Соединенных Штатов - а провожатые все сидят...

- Вадик от нас не вылезал, - говорит Т. Максимова, - особенно когда приезжал В. Буковский, который останавливался в квартире, где была редакция “Континента”.

Иногда вместе с Буковским приезжала его мама, Нина Ивановна. Когда трагически ушел от нас Александр Галич Вадик и Ира особенно нежно стали относиться к его вдове Ангелине, опекали ее, старались как-то поддержать.

Ира и Вадик очень тепло относились к нашим дочерям, когда мы отдыхали на море от них приходили пакеты с игрушками, хотя девочки ни в чем не нуждались. Не знаю, на какие деньги они отправляли без конца посылки, лекарства и прочее друзьям в Москву. Здесь они существовали в некоем географическом пространстве, а всей душой были там... Этим Вадим и был близок В.Е. Оба были люди страстные, во многих вопросах политики сходились.

- Вадим говорил о лагере, о демонстрации?

- У него было чувство меры и вкус, и он никогда не лез с этими разговорами. Уверена, что люди не из нашей среды просто и не знали об этой странице биографии Вадима.

Знаете, наверное, грех так говорить, но эти два ранних ухода - Галича и Вадима - наталкивают меня на мысль: может быть, как-то Бог их оберег от каких-то тяжелых испытаний эмигрантской жизни? Оба они были поэты, которых кто-то назвал людьми без кожи...

О романе "Кочевание до смерти" не обмолвились ни словом - ни хозяйка, ни гости; после рассказанного Т. Максимовой это было бы неуместно.

... Неспешно гуляем по Люксембургскому саду. Одно время Ирина и Вадим жили рядом, на бульваре Сен-Мишель, и он любил сюда захаживать. Памятники писателям и поэтам, во множестве разбросанные среди зелени сада, мелькнули в стихах Вадима, и тут же эхом возник Петербург - рифма, может быть, и не удачная, но необходимая... Как-то раз увидел он расположившихся на травке Хвостенко и Энтина, те сидели с бутылкой вина, совсем по-московски, - и растрогался.

Я обратил внимание на памятник Хосе Мариа Эредиа. Оказывается, и с ним связан забавный случай. Хвостенко спросил Вадима: знаешь кто это? Выяснилось, Вадим не знает. Алексей долго иронизировал по этому поводу, и Вадим потом вспоминал с улыбкой.

- Они были друзьями?

- Ну как произнести это святое слово, когда люди годами не видятся? Раза два, когда надо было позвонить в Москву, Алексей заходил к нам. Отношения были прекрасные. Как он плакал, когда Вадим умер! Это, безусловно, было искренне.

Замечу, к слову, что встретиться с А. Хвостенко не удалось, хотя заранее договорились по телефону. Беседа произошла полтора года спустя. Алексея долго разыскивали по всем телефонам, наконец, выяснили, что он уехал в Люксембург с выставкой. В последний день мы все-таки нагрянули к нему на улицу Парадиз. Пройдя длинной подворотней, спустились в подвал - и обомлели: крошечный зрительный зал с какими-то импозантными манекенами, за ним - огромная мастерская с холстами, скульптурами и даже...линотипом. Алексей арендует помещение бывшей типографии.

- Мы с вами находимся в моем ателье, которое одновременно является частным русским клубом «Симпозион», - рассказывает Алексей Хвостенко. - Здесь у нас маленький театрик, вот часть декораций к нашей последней постановке - мюзиклу по горьковскому «На дне»...

В Париже я живу уже 22 года, приехал сюда по эмигрантской визе через Вену. С тех пор несколько лет жил в Англии, в Америке, путешествовал по всей Европе с концертами, своими выставками, представлениями своих пьес. Мой друг Вадим Делоне, конечно, не был в этом клубе, потому что умер раньше. Но в Париже мы с ним встречались часто. Он был одним из первых, кто меня здесь встречал, кто знакомил с

Парижем. Вадим в ту пору жил напротив Люксембургского сада, я тоже жил неподалеку, у фонтана Сен-Мишель, и встречались мы практически каждый день. Любимым нашим занятием было совместно выпивать - по русской традиции. Когда наступало теплое время часто отправлялись в Люксембургский сад, с бутылочкой-двумя, сидели на скамейке, наблюдая прохожих, слушая пение птиц, читая друг другу стихи. При этом выпивали и вспоминали приятные и неприятные вещи, которые происходили с нами в России. Вадик, конечно, очень страдал в Париже. Он приехал сюда не по доброй воле, и очень скучал без родины, мечтал туда вернуться...

Мы с ним познакомились очень давно, в Москве, в начале 60-х, когда он был совсем мальчиком. Я был лет на 7 старше. Он входил в группу смогистов, и они меня хорошо приняли с моими стихами, песнями и картинами. Познакомились на моей частной выставке, квартирной, которую мне предложил устроить у себя Генрих Сапгир. Туда явились смогисты - и с тех пор наша дружба с Вадиком не прекращалась, поддерживали отношения за исключением вынужденных перерывов. Мы посвящали друг другу стихи. В единственной его книжке, которая вышла уже после его смерти, есть два стихотворения, посвященных мне. Я, в свою очередь, посвящал ему стихи и песни, которые он очень любил. Незадолго до его кончины в Лондоне вышла моя первая пластинка, и он очень этому радовался. Часто ее слушал. Как рассказывала Ира, его жена, он умер, Царствие ему небесное, слушая мою пластинку...

- А что за история с Эредиа?

- Это знаменитый французский поэт. А наша любимая скамейка в Люксембургском саду была как раз напротив его бюста. Такой уютный, малолюдный уголок, где можно спокойно покурить и выпить. Вадик все недоумевал: что это за Эредиа? Пришлось объяснить. Но поскольку французского Вадик не знал, а русского перевода Эредиа у нас не было, то так он его стихов и не узнал, но запомнил, что это крупный поэт.

- На стихи Вадима вы что-нибудь сочинили?

- К сожалению, нет. Все собирались сделать подборку из его песен, но не получилось. Хотя многие его тексты прямо напрашиваются, чтобы их петь. Может быть, все-таки когда-нибудь в его память сделаю несколько песен.

- Вы были на похоронах?

- Разумеется. Но для меня Вадик все равно живой. О нем самые теплые - даже не воспоминания, а чувства...

На предложение встретиться живо откликнулся Виктор Файнберг. Сразу узнал его: небольшого роста, подвижный, с гривой седых волос и обаятельной улыбкой. И вот сидим в кафе на площади Насьон и под немолчный гомон и звон бокалов Виктор рассказывает. Он часто отвлекается, в деталях вспоминая поездку в Мадрид с Андреем Амальриком, когда тот погиб в автокатастрофе, другие эпизоды...

До демонстрации они не встречались - Файнберг жил в Ленинграде и приехал специально, догадавшись, что выступление состоится.

- Я встретил Вадима на Красной площади. До этого видел Наташу Горбаневскую - она приезжала в Питер. Еще знал Пашу Литвинова, познакомился с ним, когда примчался сообщить об аресте питерских диссидентов. Меня тогда не взяли потому, что, разведясь с женой, жил у родителей.

Ночевал я у Красина. Утром обнаружил - за мной следуют два гебиста, а я Москву знал плохо, оторваться было трудно. Но им брать меня, видно, не приказали - велели просто запугать. Первой увидел Ларису. Смотрю, Паша идет, рядом Володя Дремлюга, бесстрашный, авантюрный, - он же ухитрился позвонить Якиру прямо из лагеря! И Вадик Делоне, красивый, высокий. Паша говорил мне, что за него особенно

боялись: Вадим был воспитан в академической семье. Первый раз он попал с Буковским. И второй раз пошел - отчасти, наверное, потому, что был поэтом. Он великолепно вел себя в отделении милиции, рассказывал что-то смешное. Читал стихи:

*Я в метро опускаю пятак -
Двое в штатском идут по пятам.
Я за водкой стою в гастроном,
А они сторожат за углом.
Ну так что же, пускай будет суд,
Пусть года мои в лагере канут,
Меньше трех мне уже не дадут,
Ну а большие семи не натянут...*

Когда я, освободившись, продолжает В. Файнберг, приехал в Москву и остановился у Маши Слоним, вдруг раздался звонок. Беру трубку - знакомый голос. А прошло пять лет. “Это говорит Вадим Делоне”. Отвечаю: “Я вас хорошо помню. Знаете, жалею только, что не помню всех слов той вашей песенки...” Позднее, когда он приехал в Англию на конгресс Пен-клуба, где, кстати, его выступление произвело впечатление, мы разговорились. “Знаешь, - сказал Вадим, - я заплакал тогда. Ты первый сказал человеческие слова...”

К нему нельзя было подходить с обычными мерками. Это правда - он говорил мне в Париже, что скоро умрет. У меня в голове не укладывалось - такой здоровенный парень, красавец, все его любили. И вдруг такой фатализм. И все же смерть его была полной неожиданностью. Я был в Брюсселе, как-то звоню знакомому в Париж, спрашиваю, как дела. Все по-прежнему, отвечает тот, вот только Вадим Делоне умер...

В тот страшный день, 13 июня, позвонила Ольга Прохорова, сказала, что приедет. Вадим ответил: “Конечно, приезжай, Ира скоро вернется из магазина”. Когда женщины сели пить чай, Вадим сказал, что хочет прилечь. Некоторое время спустя Ирина пошла укрыть спящего Вадима и вдруг заметила, что ногти его посинели. Она позвала приятельницу, вместе стали тормошить Вадима, тут же поняли, что случилась беда, и вызвали врача. Доктор явился очень скоро, осмотрел Вадима и сказал: “Все кончено”. Ирина кричала, умоляла сделать что-нибудь. Врач объяснил, что прошло уже около часа, поздно.

От чего именно умер Вадим сказать нельзя; от вскрытия Ирина категорически отказалась. Да и какое, в самом деле, это имеет значение, - кончина его была легка...

Свою зловещую роль сыграли Лефортово и лагерь, переживания, связанные с вынужденным отъездом, расставание с близкими людьми. Пагубно подействовал вакуум, в котором Ирина и Вадим оказались в эмиграции. Словом, причин достаточно.

Ирина убеждена, что, останься они в России, Вадим прожил бы дольше. Мне думается, на родине его бы не оставили в покое, даже если бы он покинул ряды правозащитников. Трудно, правда, вообразить, чтобы мог Вадим изменить себе, друзьям, выстраданным убеждениям. А значит, конфликт с властями продолжался бы. Оказавшись в эмиграции, он, по крайней мере, свободно творил, объездил всю Европу, немало сделал для защиты гражданских прав и свобод в СССР. И прожил не пять лет, как предрекал, а семь.

“Если бы мы захотели определить жанр жизни изгнанного писателя, - утверждал любимый Вадимом Иосиф Бродский, - это была бы трагикомедия. Демократия, в

которую он прибыл, дает ему физическую безопасность, но делает его социально незначительным...

«Поэта с его менее красноречивыми согражданами, - пишет Бродский в другом эссе, - роднит то, что его жизнь - заложница его ремесла, а не наоборот. И не потому только, что ему платят за слова (редко и скудно): дело в том, что он тоже платит за них (часто ужасающе). Именно последнее порождает путаницу и плодит биографии, потому что безразличие - не единственная форма этой платы: остракизм, заключение, изгнание, забвение, отвращение к самому себе, сомнения, угрызения совести, безумие, ряд дурных привычек - тоже ходовая монета...»

Все сказанное Бродским верно - и как будто о Вадиме. Он страдал от одиночества и вынужденного безделья. Русские парижане разобщены: московская диссидентская компания здесь, за границей, распалась (этой теме касаться, однако, не будем), с французами никаких контактов не возникает. Вспоминается хемингуэевский «Праздник, который всегда с тобой» - старина Хем тоже общался по преимуществу с нефранцузами - Э. Паундом, Скоттом Фитцджеральдом, Г. Стайн. Его заботили в основном две вещи - писательство и питание. Сидя в кафе и описывая мичиганское захолустье, Хемингуэй наслаждался прелестями французской кухни и не тосковал по своей Америке...

А Вадима терзало еще отсутствие работы, хотя он мог бы стать, по крайней мере, ассистентом преподавателя русского языка. Очевидно, как и всюду, нужна была протекция. Единственный вариант - НТС, но это было совершенно неприемлемо, еще с московских времен Вадим презирал эту организацию...

После 90-го года Ирина всерьез помышляла о возвращении в Москву. Рассчитывала перезахоронить Вадима на Хованском кладбище, рядом с Борисом Николаевичем. Друзья обещали помочь с работой. Но безнадежно повисла проблема получения жилья - для бывших политзаключенных в демократической России она, конечно, неразрешима. И идею репатриации пришлось оставить...

* * *

И второй раз позвал меня Вадим. В начале октября 99-го вновь оказался я в Париже. Втроем - режиссер Елена Троянова**, оператор Михаил Федоров и пишущий эти строки - мы приехали снимать фильм о Вадиме для телеканала «Культура». Опуская предшествовавшую этому событию историю нашего кино, замечу, что огромный материал был уже отснят в Москве на протяжении нескольких месяцев, работа шла трудно и медленно. В Париже же все складывалось как нельзя более удачно.

Нас приютила Фатима Салказанова, чей дом на улице Флобера в пригороде Вильжюиф стал на пять дней нашим штабом и уютным обиталищем. Кстати, Фатима, милейший человек и первоклассная журналистка, много лет проработавшая на радио «Свобода», объяснила, почему произведения Вадима не читали по «Свободе». Фатима настойчиво предлагала начальству сотрудничество с Вадимом. Один из руководителей, некто Мирский, человек не самой блестящей репутации, ответил, что на «Свободе» принято, чтобы автор (не считая, разумеется, тех, кто находился в странах «социалистического лагеря») сам читал свои произведения, а у Вадика очень неважная дикция, он сильно грассирует. Как ни хотела Фатима помочь Вадика, спорить с Мирским было трудно...

Нашим добрым гидом, водителем и переводчиком был молодой парижский художник Алеша Гинзбург, сын Арины и Александра Гинзбургов. Немногословный и

благожелательный, он ловко управлял маленьким «Рено» в тесноте парижских улиц, останавливал машину в самых неподходящих местах, где мы просили, таскал штатив, с помощью своего «портабля», как здесь называют мобильные телефоны, связывал нас с нужными людьми. У него и его старшего брата Александра своя история, связанная с Вадимом, но едва ли он ее помнит, слишком давно это случилось. Но - обо всем в свое время.

Все встречи и интервью были расписаны заранее. Единственной незапланированной и оттого особенно радостной оказалась встреча со священником храма Св. Александра Невского отцом Евгением, который благословил нашу работу.

С Виктором Файнбергом встретились на площади Сен-Жермен-де-Пре. Кафе «Дэ Маго» он выбрал для съемок потому, что здесь когда-то сидел вместе с В. Некрасовым и Вадимом и даже ухитрился повздорить с Виктором Платоновичем, правда, ненадолго.

- Прошло столько лет после смерти Вадика, - сказал Виктор, - а для меня он живой и сейчас... Вадик очень любил Володю Буковского. Когда, наконец, того освободили, в Швейцарии была пресс-конференция. Журналисты спросили: сколько политзаключенных в Советском Союзе? Володя ответил: 250 миллионов. А это ему Вадик подсказал...

Как-то первого мая мы с Вадиком пошли на демонстрацию, устроенную профсоюзами. Мы над ними посмеивались. А Вадик все говорил: свобода - это хорошо, но почему моему дедушке голову отрубили?

Виктор поднимает бокал:

- Помянем Вадика. За упокой его души...

А Наталью Горбаневскую хотели снимать в прекрасном парке Жоржа Брассанса, но, увы, служащие парка потребовали у нас разрешения, и, чествуя бюрократию всех времен и народов, мы с сожалением удалились. Камеру пришлось поставить у входа. Кое-что из того, что рассказала Наталья Евгеньевна, я услышал впервые.

- По традиции нас повезли в 50-е отделение милиции на Пушкинской улице, его называли «полтинник». Мы просидели вместе до трех часов. Все были такие счастливые, так радовались, так нам было хорошо! И Вадик - на площади не успела его разглядеть, но тут - он вообще был красив, но таким красивым, думаю, он никогда в жизни не был.

Потом мы встретились уже после того, как я вышла из психиатрической тюрьмы, а Вадик из лагеря, то есть в 1972 году. Я, правда, ему писала в лагерь до своего ареста (меня арестовали на полтора года позже других), и успела сообщить гору информации. Никаких кодов и шифров не было, так, болтовня, но цензура не разобрала и пропустила. И он был очень доволен, получив мое письмо.

В 72-м главная новость была: вернулся из лагеря Вадим Делоне и отбил жену у Ванечки Рудакова, Иру Белгородскую. А с Ирой-то я была хорошо знакома до того. Она долго ходила у нас в фиктивных невестах Толи Марченко, а потом села за наше письмо в его защиту. Мы, человек, по-моему, восемь, подписали письмо, а Ира забыла портфель с большой пачкой этих писем в такси - и ее сразу нашли и посадили.* Хотя мы и протестовали, говоря, что не она, а мы авторы, она отсидела год. А во время суда над демонстрантами было очень смешно: Ваню Рудакова, первого мужа Иры, представляли иностранным корреспондентам: «Это муж невесты Марченко». Но все-таки ее судьбой оказался Вадик, которого она тогда еще не знала. Ира сама по себе замечательный человек, поэтому говоря о Вадике, не сказать о ней было бы несправедливо. Помню ее молодой, замечательной, искрящейся жизнью. Помню, как из нее и Вадима эту жизнь выжимали, когда ее арестовали второй раз, когда Вадима

вызывали на допросы... Когда Ира вышла в конце концов до суда, она была совершенно непохожа на себя, все это ее сильно сломало - она считала себя самой виноватой. На них продолжали давить и вынудили эмигрировать.

* «Наташа повторяет распространенную легенду, которая меня задевает. На самом деле свою сумку с письмами и паспортом я отдала своему попутчику, который ее и забыл». (Из письма И. Делоне)

И вот мы встретились в Вене. Вадик ходил с Оськой, моим младшим сыном, в знаменитый венский парк Пратер. Оську он всегда называл - «мой подельничек» (это Оська лежал в коляске на Красной площади 25 августа 68-го). Потом уже я ждала их в Париже. Помню, сразу повела показывать Париж, в который я уже влюбилась; они ходили, глядели - и не видели. Но потом, постепенно, стали отмерзать...

Вадим очень дружил с Владимиром Емельяновичем Максимовым и Виктором Платоновичем Некрасовым. Но если Максимова я, как и Вадим, звала всегда Володей, то Некрасова - по имени-отчеству. Вадик, хоть и был намного моложе не только Некрасова, но и меня, всегда обращался к нему: «Вика».

Потом вы знаете, что было. Он пришел домой, лег - и не проснулся...

...В промежутках между съемками «синхронов» колесили по Парижу, снимали Венсеннский лес, Монмартр, Елисейские поля и Нотр-Дам, мосты и набережные Сены, улочки Латинского квартала и Люксембургский сад. Наблюдая кропотливую, вдумчивую работу оператора, стал вспоминать, где же мы сталкивались. И выяснили, что именно Миша Федоров снимал мой телесюжет о Леониде Губанове, в котором меня восхитило операторское мастерство. Но надо было, чтобы обнаружилось это именно в Париже!

...В то утро мы с коллегами потеряли друг друга, и к Арине и Александру Гинзбургам на улицу Монгале я приехал один. Что я знал о них? Что Александра Ильича именовали «трижды зэк Советского Союза». Что свадьба Арины и Алика произошла в мордовском лагере, что ей предшествовала 30-дневная голодовка Алика. Что Арина была заместителем главного редактора «Русской мысли» и Алик заказал себе визитную карточку с текстом: «Александр Гинзбург, муж заместителя главного редактора». А о том, что Гинзбург кавалер ордена Почетного Легиона, узнал позднее в Москве. Множество книг. Картины Оскара Рабина, Олега Целкова, других русских художников. Фотографии. Александр Ильич рассказывает, делая юмористические отступления.

- Заранее должен предупредить, что свидетель из меня не очень хороший. Вера Лашкова, вспоминая что-нибудь интересное, что происходило в Москве, обязательно добавляет: «А Гинзбург в это время сидел». С Вадимом мы познакомились за полгода до того, как я начал сидеть во второй раз. Это было время расцвета литературной группы СМОГ. У Вадима, кроме литературных забот, была еще определенная функция: он был на связи с диссидентами. Время от времени он приходил в Литературный музей к Юре Галанскову. А мы с Юрой работали в Литературном музее рабочими. Забегали к нам разные люди, в том числе и Вадим, такой высокий, красивый. К разным акциям, вроде демонстрации у Центрального Дома литераторов, устроенной смогистами, я отношения не имел, занимался своим делом - писал. А Юра любил организовывать молодежь, как и Володя Буковский. Мне гораздо интереснее было видеть эту молодежь в их литературных проявлениях, когда они читали стихи. Возле площади Маяковского существовало замечательное место, дом, где жила молодая красивая женщина, Алена

Басилова, в которую был влюблен признанный лидер СМОГа Леня Губанов. Я тоже приходил туда послушать стихи.

Для меня большим сюрпризом было активное участие смогистов, в первую очередь, Вадика Делоне, в демонстрации на Пушкинской площади сразу после того, как арестовали четверых моих друзей - Юру Галанскова, Веру Лашкову, Алешу Добровольского и Павла Радзиевского. Меня не тронули, хотя было совершенно ясно, поскольку уже прошли обыски, что я буду следующим. Больше всего мне не хотелось попасть не по любимой 70-й статье (за антисоветскую пропаганду), а по 190-й, с которой окажешься в уголовном лагере. И эту демонстрацию я наблюдал не так, чтоб издалека, - с другой стороны улицы Горького, и видел, как это все происходило. Арестовали меня на следующий день. Первое, что спросили, - почему вас вчера не было? Это был первый арест Вадима, все, что я узнал о нем, узнал из материалов нашего дела, куда попала часть их допросов. Вадим тогда отделался несколькими месяцами тюрьмы, его осудили условно. Если кому-то из твоих друзей дали лагерный срок, а тебя осудили условно, - то в своей среде тебе крайне неуютно. Тем временем нас самих осудили, мы отправились в лагерь, и уже там я узнал о демонстрации на Красной площади. Из писем, которые нам писали, всплывали разные подробности о суде. Потом Наташа Горбаневская написала об этом суде книгу. Каждый раз, когда люди в суде вели себя достойно, для нас был праздник. Как Вадик отсидел, видно по его книжке «Портреты в колючей раме». Вадика от многих отличало то, что он не врал. И когда сидишь достойно, то, как правило, сидишь и легко.

Вадик освободился, потом освободили меня. Но, оказавшись на воле, я далеко не сразу попал в Москву, существовали разные административные надзоры, и я вынужден был жить в Тарусе. С Вадиком мы практически не встречались года до 74-го, когда выслали Солженицына и был организован солженицынский фонд помощи политзаключенным и их семьям. Я стал его первым распорядителем. А одним из гениальных волонтеров фонда была Надежда Яковлевна Шатуновская, мама Оли Прохоровой. Время от времени я бывал в их доме, туда приезжали освободившиеся зэки, которым Надежда Яковлевна всячески помогала. В ее доме поселились Вадик и Ира, которых уже выпирали из страны, последние месяцы в Советском Союзе они провели у Надежды Яковлевны. Ну а дальше они уехали... Опять возникает перерыв: они в Париже, я в Москве, еще раз сажусь, и в конце концов меня вместе с четырьмя друзьями вталкивают в самолет и везут обменивать на шпионов. Прилетели в Нью-Йорк, а почти через год приехала семья, и надо было решать, где жить. Я нашел работу с центром в Париже. По французскому у меня был ноль. И первые уроки французского языка дал мне Вадик, - научил двум основным французским словам: маленькая кружка пива и большая кружка пива. Время от времени нас сводила судьба: бывших зэков приглашала где-нибудь выступить какая-нибудь организация вроде Международной Амнистии. И раз пять на такие выступления мы попадали вместе с Вадиком. Я ему, честно говоря, завидовал. У меня довольно бедный, чисто журналистский язык. А Вадик владел действительно замечательным литературным языком. С его литературным даром он мог стихи читать, делать все, что угодно. Аудитория в него просто влюблялась! Я тогда попробовал устроить под Парижем, в Монжероне, русский культурный центр. И одним из самых наших симпатичных гостей был Вадик со своими стихами. Я жил в Париже не очень подолгу - такая была работа, мотался по Европе, Азии, Африке, уезжал, приезжал. Однажды, когда надо было лететь в Америку, мне позвонили и сказали, что Вадик ночью умер. Отменить командировку было нельзя, и я улетел. На похоронах была Арина...

- О смерти Вадика мы узнали так, - говорит Арина Сергеевна. - В тот день к Ире пришла Оля Прохорова. Оля мне позвонила попросить, чтобы в «Русской мысли» дали объявление о годовщине смерти Надежды Яковлевны. Прошло наверное, полчаса после этого разговора, и вдруг звонок из Станфорда. Володя Буковский - а у него в это время гостил брат Вадика Миша - говорит: «Арина, что случилось, Вадик умер?» - «Как умер, я только что разговаривала с Ольгой, она у Иры, ничего подобного». - «Нет, - возражает Володя, - нам только что позвонила Ольга и сказала, что умер Вадик». Вот в промежутке между этими двумя звонками все и случилось. Так я помню, может, память и подводит, знаете, говорят: врет, как очевидец. Но, мне помнится, было именно так.

- Вы были в церкви?

- Да. Было полно народу, людей самых разных. Третья эмиграция несколько обособлена. Но нескольких человек любил весь русский Париж - Булата, Галича. И Вадика. Пришли даже потомки первой эмиграции и не по обязанности. Было ощущение какого-то единства, общего духа и общей скорби. И скорбь была светлой, потому что светлый был человек...

* * *

...Ранним утром Алеша Гинзбург и Ирина Делоне провожали нас на Северном вокзале, который парижане называют Гар дю Нор. Экспресс «Евростар» за три часа домчал до Лондона. В два часа пополудни мы выгружались из такси на кембриджской Gilbert Road. В доме 145 уже более двадцати лет живет Владимир Буковский.

Невысокий, очень крепкий, совершенно седой, Владимир Константинович подвижен и энергичен, речь его блещет юмором, а порой - сарказмом. Во время экскурсии по Кембриджу едва поспевали за ним. Он показал Тринити-колледж, где преподавал Айзек Ньютон и учился Владимир Набоков, который так описал Кембридж: «Готическая красота его многочисленных зданий (именуемых колледжами) стройно тянется ввысь; горят червонные циферблаты на стремительных башнях; в проемах вековых ворот, украшенных лепными гербами, солнечно зеленеют прямоугольники газона; а против этих самых ворот пестреют выставки современных магазинов, кощунственные, как цветным карандашом набросанные рожицы на полях вдохновенной книги...Блуждая в дымчатых весенний вечер по угомонившемуся городку, чувствуешь, что кроме пестряди и суеты жизни нашей, есть в самом Кембридже еще иная жизнь, жизнь пленительной старины. Знаешь, что ее большие, серые глаза задумчиво и безучастно глядят на выдумки нового поколения, как глядели сто лет тому назад на хромого, женственного студента Байрона и на его ручного медведя...» Владимир Константинович рассказал: однажды Байрон пришел в колледж с собакой, но привратник, ссылаясь на положения статута, не разрешил лорду и его четвероногому спутнику войти. На следующий день Байрон явился с медвежонком, и привратник не нашелся, что возразить, - про медведей в статуте не упоминалось.

Время, кажется, замедлило ход в этом тихом английском городке: с тех пор, как его три четверти века назад описал наш великий соотечественник, мало что изменилось. Все так же беспечно бродят по улицам студенты, развлекаясь тем, что воруют друг у друга велосипеды, устремлены в небо шпили церквей, в нишах застыли изваяния святых и королей, и кажется, дух Оливера Кромвеля все еще витает здесь...

Сам Владимир Буковский, которого советская пресса именovala недоучкой, окончил Кингс-колледж по специальности нейрофизиология. Когда-то его книгу «И возвращается ветер» читал в «тамиздате». А тут услышал историю ее написания.

Договор с издательством предусматривал предельно сжатый срок - четыре месяца. Друг Буковского Уинстон Черчилль (внук премьера) предложил работать в его поместье в Сассексе. Там, лежа на полу, ночами, без помощи пишущей машинки и тем более компьютера, Буковский писал, воскрешая в памяти имена, даты, подробности своей борьбы, арестов, отсидок, начав с интригующего описания обмена. Однажды почувствовал: кто-то внимательно на него смотрит. Это была кошка Генриетта, которая очень привязалась к Владимиру Константиновичу. Когда через несколько лет он приехал в Сассекс, кошка, которую хозяева считали пропавшей, вдруг неизвестно откуда бросилась к В.К. Книга была издана, переведена на многие языки мира, на гонорар куплен этот самый дом, в котором с хозяйским видом обитает кот Путчист, нравом агрессивный, как и положено путчисту, и независимый как истый британец.

Вечером мы снимали Владимира Константиновича в его гостиной, в кресле у камина. А потом за ужином долго толковали обо всем на свете - и о Вадике, конечно.

- Мне говорила Лариса Богораз, - они его отговаривали, всячески пытались избавиться даже. У Вадика оставался условный срок, а стало быть, он получил бы уже больше по совокупности. Но демонстрация была для него как бы моментом истины - раз и навсегда для себя установить позицию. Очень жалко, конечно. Потом он уехал - и это было уже совсем трагично. Уехал, конечно, из-за Иры, надо было ее увозить. Это было тяжелое время, когда раскручивали дело Якира и Красина, - оба они стали каяться и огромное количество людей замешали. Не хотел Вадик уезжать и поэтому все пошло у него не так, и в Париже никогда он не чувствовал себя на месте, был совершенно неприкаянный...

Как только меня освободили в 76-м году, он тут же прилетел в Цюрих. Как-то приободрился с моим появлением, почувствовал, что он опять может что-то сделать, какой-то смысл появился. Но длилось это недолго; я уезжал, приезжал, было очень много дел - по всему миру. А у Вадика не было языков, он не удосужился даже французский освоить, хотя это было бы очень просто. В последний раз я его видел в 82-м году. Решил свое 40-летие отпраздновать в Париже, у Максимова. Народу съехалось много. Ира позвонила: «Вадик сейчас к вам отправляется». А Вадика нет и нет. Час нет, два. Начинаем волноваться: куда он девался? Он появился совершенно невменяемый. Видимо, где-то по дороге выпил. Какая-то страшная, блаженная улыбка, бессвязная речь. Сел - и непонятно было, соображает ли, где он и что с ним. Алик Гинзбург ужасно занервничал, сразу понял его состояние, сел рядом, стал успокаивать, чем-то кормил...Жуткое зрелище. Посмотрел я на него и понял: не жилец.

Вскоре я улетел в Калифорнию, работал в университете в Станфорде. Как раз приехал из Канады ко мне Мишка, брат Вадика. Мы сидели у меня в квартире - зазвонил телефон. Сообщили известие о его смерти...

- Вы считаетесь его учителем...

- Никак не могу считать себя его учителем. Он был поэт, а я стихов не пишу. Большая часть его духовной жизни - это поэзия, и тут я ему учителем быть не мог. Он, конечно, в какой-то степени ко мне тянулся, пытался моделировать свое поведение, что было зря. Потому что у всех своя судьба, свой характер. У него эта роль не могла выйти хорошо. Хотя в лагере он вполне достойно сидел, пользовался уважением уголовников. И травмы у него лагерной быть не должно, к нему хорошо относились в зоне, не обижали. Он мне подробно рассказывал, как и с кем сидел. Но весь его психологический слом понятен: поэт, видимо, так и должен жить, поэту нет места в этом мире. Цветаева сказала: «В сем христианнейшем из миров поэты - жидаы». Вадик был мятущийся и неприкаянный. Мы все пытались ему помочь, найти хоть какое-то занятие. Максимов его вечно возил на все конференции, пытался к чему-то пристроить.

Я выбил через своего французского издателя - книгу его издали, что было тоже непросто. Как-то уговорили: надо парню помочь! А то как? Поэт, живет в Париже - и ни одной книжки не выходило! Все сделали, и Вадик как-то оживился.* Но все равно - не от мира сего был человек. Если говорить о его внутреннем образе, он, конечно человек XIX - если не XVIII - века. Это такой ветренный корнет, в ком чувство чести, блеск и прочее составляют большую часть внешней жизни, а внутренняя - это поэзия, муза, гармония...

- Наблюдая сегодняшнюю Россию, невольно задаешься вопросом: не напрасны ли были жертвы правозащитников - и Вадима в частности?

* Ирина Делоне уверена, что В. Б. подвела память: «Вадик не мог оживиться, так как его книги, и по-русски и по-французски, были изданы только после его смерти. Он мечтал об этих изданиях...»

- Мы не можем оценивать наши жизни и все то, что делали, чисто прагматически. В наших поступках было много иррационального. У нас не было программы, не было даже цели. Меньше всего рассчитывали, что изменим советское общество или вызовем крушение коммунизма. Мы пытались жить так, будто этой власти не существовало. И если что-то происходило, что вызывало возмущение, считали долгом возмущаться. Одной из целей Движения была идея сделать так, чтобы потом никто не мог сказать: мы не знали. И если был у нас какой-то пафос, так он состоял в том, чтобы много лет спустя, когда всего этого не будет, у вас не останется возможности сказать, что вы не знали. Мы публично устраивали демонстрации, имен своих не скрывали, обращения подписывали своими фамилиями, и все, что хотели сказать, говорили на суде.

- Оказавшись на Западе, Вадим делал все возможное для вашего освобождения. Вы знали об этом?

- Многие начали уезжать с 72-го года, когда великая брешь пробилась вдруг, как гнойник прорвало. И громадное число людей - и евреев, и неевреев - смогли уехать. А под эту дудочку КГБ даже высылал, выпихивал некоторых, чтобы избавиться от людей неприятных, беспокойных. Я был одним из последних, за исключением Гинзбурга и тех, кого обменяли в 79-м году. Уехавшие раньше продолжали здесь делать очень многое, чтобы и мне помочь, и другим, кто в это время находился в тюрьмах. Витя Файнберг создал организацию для борьбы с психиатрическими злоупотреблениями. Соответственно, они занимались и моим делом, коль оно было связано с карательной психиатрией. И Вадик везде и всюду, где только мог, в этом участвовал. Он делал это из чувства долга, но не его было занятие. У меня всегда было ужасное ощущение, что человек сел не в свои сани, было ощущение какой-то трагической ошибки. Хотя, наверное, это не так...

До 80-го года мы многое успели, а потом изменилась атмосфера, интерес к нашим проблемам стал исчезать на глазах. Произошла оккупация Афганистана, было уже не до прав человека. Убивали целые народы, реальность мировой войны стала гораздо ближе. Мы создали Интернационал сопротивления в Париже, объединили все антикоммунистические движения. Вадику здесь совсем нечего было делать, не зная языков, не будучи профессионалом. Но свое он исполнил...

Узнав, что в Париже нашим водителем и переводчиком был младший сын Гинзбургов Алеша, Владимир Константинович сказал:

- Алешка - очень талантливый парень, хороший художник. А из Саньки вышел бы замечательный революционер, он точный, молчаливый, у него все абсолютно верно. Вот вам забавная история. 1981 год. Я в Париже, у Натальи Горбаневской. Она мне показала фотографию ужасно располневшего Адама Михника (один из лидеров «Солидарности». - Ю.К.). Звоню ему в Варшаву и говорю: «Адам, ты сильно растолстел, пора худеть...» И вдруг связь прерывается. Думаю, может, что-то сказал не то, может, Адам обиделся? Утром Наталья меня расталкивает: «В Польше военное положение!» И мы все бросились к польскому посольству. А надо сказать, оно на бульваре Инвалидов. Видели этот бульвар? Туда влезет миллион! Вся эта огромная площадь была забита - я такого никогда не видел. Шли колонны: анархисты, монархисты, полукommунисты - все протестовали. Шли и мы с Вадиком. Санька сидел у меня на шее, а Лешка - у Вадика. Мы притащили их к самому посольству, и эти пацаны звонкими детскими голосами кричали: «Брежнев - убийца!» Им тогда было лет по 7-8, совсем шкеты, но свою задачу знали точно...

- Бедный Вадик! - продолжает В.К. - Он никак не мог прижиться. Давайте объясню вам просто. Можете быть открытым этому миру - или закрытым. Я приехал на Запад - меня как будто перевели из одного лагеря в другой. Для меня приспособление - нормальная ситуация. Если переводят в другой лагерь - быстро освойся. Выясни, где дают пайку, где сахар, куда не надо ходить и пр. Нормальный экз реагирует на это мгновенно. Я освоился на Западе в пять минут. Вадик считал, что сам поехал на Запад - и в этом была его ошибка. Он был аристократ с большой красивой головой, ну просто лорд Байрон...Он не понимал, что надо адаптироваться не потому, что ты слабый, а потому, что адаптация - твоя способность контролировать ситуацию. Он решил, что пьянство это и есть суть, понял его как-то ужасно идеалистично. Вадик был трагической фигурой. Свой потенциал он не выбрал...

* “Русская мысль” опубликовала фрагменты книги в пяти номерах в мае-июне 1998 года.

** Елена Георгиевна Троянова, телевизионный режиссер. Один из авторов цикла “Поэт в России больше чем поэт”, автор фильмов о СМОГе, Саше Соколове и др., лауреат голливудской премии “Серебряный ангел”. По ее инициативе в конце 1998 года началась работа над фильмом «Дуэль Вадима Делоне».

Глава 12. ЭПИТАФИЯ

*Среди непризнанных могил
Могил барда есть в предместье.
Он жил - как пел, и пел как жил,
И даже смерти не заметил.
Вадим Делоне*

16 июля 1983 года парижская газета “Русская мысль” напечатала портрет Вадима, а рядом крупно, траурным шрифтом: **“Редакция “Русской мысли”, редакция и редколлегия журнала “Континент”, семьи Буковских, Гинзбургов, Горбаневских, Кузнецовых, Максимовых, Прохоровых, друзья в России и на Западе с болью и скорбью извещают о том, что 13 июня в Париже на 36-м году жизни скончался русский поэт и участник правозащитного движения Вадим Делоне.”**

О кончине Вадима сообщили многие европейские газеты.

“Умер мой друг Вадим Делоне, мой младший друг, - писал Виктор Некрасов. - Он был вдвое моложе меня, но я называл его другом. Я его нежно любил, иначе и быть не могло - он был очень хорошим человеком... Впрочем, его все любили, жалели и любили. Врагов у него не было.

Вадим прожил короткую жизнь, и книг у него совсем не было. Были стихи. Хорошие, всегда от сердца.

Брежит рассвет. Мне не спится. Пытаюсь вспомнить, когда же мы с Вадимом познакомились. Лет 15 назад, а может, и больше - на Пушкинской площади. Морозным вечером в день Конституции. За пазухой у него было полно листовок. Молоденький, совсем еще мальчик. Потом еще несколько раз встречались. А потом он сел...

Встретились уже в Вене, когда он только что приехал из Москвы... Позднее, конечно, в Париже. Правда, не так уж часто. Бог его знает, почему. Он не любил Париж. Я, хоть и не стал французом, стал все же парижанином, он - нет. Он остался москвичом. На всю жизнь. Без Москвы, без друзей, без любимого своего Юлика Кима - он не мог.

Ох, не часто встречаются люди, подобные Вадиму и его жене Ире. Денег у них никогда не было, но когда появлялись - то сразу же посылались посылки в Москву. Родным, друзьям. Без конца звонили в Москву - нужен был живой голос, близкий, родной...

Да, он вел не самый правильный образ жизни, мало писал, меньше, чем нам хотелось бы, но ему не хватало воздуха, не хватало Москвы, друзей. И он не выдержал. Умер. И мне, нам будет очень его не хватать - удивительного, чистого забулдыги-поэта, товарища и очень хорошего, доброго человека”.

“Потрясен смертью моего молодого друга и товарища Вадима Делоне, - писал Анатолий Левитин-Краснов. - Господь да помянет его изумительную доброту и души прекрасные порывы. Ирине, его верному другу, Господь да даст утешение”.

Раиса Берг уже цитированную рецензию закончила словами:

“Читаешь книгу Вадима - эту трагическую повесть - и к щемящей боли за судьбу самого Вадима и судьбы его героев примешивается, нет, властвует над болью чувство эстетического наслаждения. Чем оно обусловлено? Сознанием - есть правда на земле,

ибо Бог есть Слово и Слово - это Бог. То, что понято так ясно, так прекрасно выражено в слове, не может не иметь творящей силы.

Я, читая книгу, испытала великую радость. Казалось, он не умер, жив, звучит его на французский манер чуть картавая речь, его захлебывающийся смех, смех, пронизывающий каждое его слово, как солнце пронизывает лесную сень. Видишь его улыбку, его аристократическую манеру внимательно слушать собеседника, его красивую мальчишескую голову, прекрасное сочетание французского изящества с российской сдобностью. Магия искусства”.

«Смерть Вадима произвела сильное впечатление, - писал Владимир Буковский. - Во время похорон в Париже церковь была заполнена до отказа, сотни знакомых, а иногда и совсем незнакомых людей обращались к его вдове с предложением помощи. В России поминали его друзья. Он не был лидером или идеологом, или академиком, но он был необходимым человеком, в котором соединялись честность, верность и сострадание...»

В те дни Наталья Горбаневская написала “Эпитафию”.

*Ближе брата, первым из семерых,
Самый младший - туда, где возврата нету.
Сладкой жизни слаще ли был семерик,
Чем кайло и лопата по мерзлomu снегу?
Так - уснуть и проснуться подальше земли,
за запреткою, над КПП и брусчаткой...
За колючими звездами нас отмоли,
удели нам скорья помощи братской.*

“Он не очень часто ко мне приходил. Я же был у него всего один раз. По телефону разговаривали чаще, - написал в девятый день кончины Вадима Кирилл Померанцев. - Сговорились, что придет в конце месяца: разопьем бутылку вина, поболтаем, он прочтет последние написанные стихи. Он очень хорошо читал стихи, без лишнего пафоса и педалей...Я любил его и его стихи. Мы оба любили Высоцкого. За внутреннюю боль, за “отчаяньем сорванный голос”.

Отчаянье. Кто из нас не знал отчаяния чужбины? Вадиму прибавилось и отчаянье родины, ее тюрем и ее лагерей. Отчаянье вдвойне.

И вдруг 14-го утром, в редакции - “Умер Вадим Делоне”.

Не помню, когда я испытывал такую же боль, теряя близких мне людей. Не по крови, конечно, по Духу. Близких по внутреннему неблагополучию из-за страшного мира, в котором приходится жить...

Дорогой Вадик, мне очень тяжело, тяжело знать, что тебя уже нет среди нас. Спасибо тебе за все. За то, что иногда заходил ко мне”.

Ирина говорит, что в те беспросветные дни в дом на улице Фонтене приходило такое множество людей, сколько они не видели с Вадимом за всю парижскую жизнь. Оказалось, все его любили...

“Дорогая Ирина! Храни Вас Господь в Ваши страшные дни. Помните, что Вы, как каждый из нас здесь, - нужны тем, что выстаивает в России, - и как бы ни была тяжела и горька жизнь, - мы должны ее жить, не отказывая в помощи тем, кому еще хуже (а такие есть всегда).

Обнимаю Вас крепко. Наташа Солженицына”.

“Дорогая Ирина! Галя и я потрясены кончиной Вадима, - писал Мстислав Ростропович. - Мы знаем, что в эти минуты нет слов для утешения, но помните, что все

люди, знавшие Вадима, сейчас вместе с Вами, как и сочувствующие Вам всем сердцем”.

Бывший редактор «Русской мысли» Зинаида Шаховская писала:

«Я редко встречала Вадима Делоне, но, мне кажется, знала его хорошо. Его легко было знать, он был весь как на ладони - открыт, беззлобен, чист, всегда верен себе. Жила в нем печаль и такое редкое сознание и своей, и общей вины за зло, разлитое по всему миру. А поэзия была ему так же естественная, как дыханье, она шла на него ливнем, не надуманная, не вымученная - в простоте свободы «так мы сохраняем еще за душою шуршание слов и сумятицу строк...» В детской улыбке Вадима отражалась живая душа - вот отчего было так легко любить его...» А Ирине З.Шаховская прислала записку:

«Милая Ирина,

Хоть и не встречались мы, но мне хочется выразить Вам мое сердечное участие в Вашей потере. Даже редкие мои встречи с Вадимом мне памяты, потому что не только талантливость в нем ощущалась, но и редкая доброта, незлобивость, что ведь самое важное в человеке. Да еще не потерянная детская беззащитность. Царствие ему небесное, а Вам - утешение, что Вы, знавшие Вадима, его любили. Знаю, как трудно примириться...»

Похоронить русского поэта на русском кладбище оказалось невозможно. Коммунисты мстили Вадиму и после смерти. Газеты писали: “Коммунистический мэри Сент-Женевьев де Буа уступил. Поэт-диссидент будет покоиться на кладбище русских эмигрантов.

Скончавшийся на прошлой неделе поэт Вадим Делоне будет покоиться среди своих соотечественников. Он желал быть погребенным на маленьком кладбище в Сент-Женевьев де Буа, которое все русские, живущие во Франции, считают куском родины. Мэрия, которую возглавляют коммунисты, сначала решительно отказала. Ответ сенатора-мэри коммуниста Жана Оге был четким: “Нет. 27 декабря 1976 года мэрия решила, что, учитывая тесноту кладбища, там будут хоронить исключительно людей, скончавшихся на территории города или живущих в нем, а также оплативших место на кладбище. То, что он был диссидентом, не имеет значения...”

Русская община Парижа в шоке. Все попытки обращения в префектуру, министерство внутренних дел ничего не дали. Ирина Делоне в отчаянии. Два месяца назад в Москве скончался ее отец, и ей не разрешили приехать проститься с ним. “Я не буду обращаться в административный суд, хотя это последний шанс. Я устала от судов и процедур. Мы с Вадимом всю жизнь слишком много страдали...”

Во вторник городской совет собрался вновь. После недолгого обсуждения было принято решение: “Учитывая его (Вадима Делоне. - Ю.К.) незаурядную личность, а также во избежании излишней строгости, я решил сделать исключение в пользу г. Делоне. Жан Оге.”

Не могут коммунисты не врать. Историю “непохорон” Вадима в Сент-Женевьев-де-Буа сообщила Наталья Горбаневская.

“Уже нашли людей, которые уступили место на кладбище, но муниципалитет (коммунистический) - а кладбище муниципальное, и без его разрешения хоронить было нельзя - разрешения не давал; я поехала на прием к мэру, плакала прямо перед этим комуныкой (не чтобы разжалобить, а удержаться не могла, хотя вообще не плаксивая, - может быть, больше от злости и бессилия), и он обещал, а на следующий день - или через день - когда похороны уже невозможно было откладывать, опять-таки разрешения не дал...”

Впрочем, во всей этой истории угадывается высший промысел. Могила Вадима - недалеко от его последней квартиры. Он любил этот дом (номер 10 по улице Фонтене) рядом с Венсенским замком, и наверняка вспоминал не раз перечитанный в юности роман “Двадцать лет спустя”, в котором описано не лишнее приятности заключение в Венсенне герцога Бофора, откуда его вызволили храбрые мушкетеры. Тюремный режим времен кардинала Мазарини занятно было сравнить с лефортовским... Часто заходил в маленькое кафе (оно, увы, сменило хозяев и перестроено), бродил вдоль старого кладбища, гулял по Венсенскому лесу, напоминающему Сокольники или Измайлово. Вот только телефон молчал. И когда в “Континенте” было опубликовано последнее стихотворение “Письмо Дантесу” - никто не откликнулся...

Чудным апрельским днем мы отправились в Фонтене-су-Буа. Пустой автобус за считанные минуты домчал до кладбища. Хозяйка цветочного магазина любезно дала ножницы, кувшины для воды аккуратно стояли у водяной колонки. Непривычная нам чистота, опрятные памятники, дорожки выложены камнем. Перед плитой белого мрамора - розовый куст, на котором уже наметились бутоны. Его посадила Ирина года два назад, и он успел разрастись. Но Вадим любил тюльпаны, и я принес их ему...

* * *

О его возвращении на родину - гипотетическом, конечно, думали не только друзья. Сергей Шаров вспоминал:

- Госбезопасность долго трепала меня после Вадькиного отъезда - с 80 по 83-й. Делали попытки через меня выйти на Вадима - уговорить его вернуться. Цель у них была, как я понимаю, двоякая: политическая акция - возвращение непримиримого диссидента и другая - завербовать человека, который близок к этим кругам.

Как вернуться? Да просто, без раскаяния, примирился - и вернулся. Во всяком случае, так говорилось. А что они замыслили - неизвестно.

У меня хватило пороку сказать: ребята, есть большая разница. Вы служите партии, я - стране, то есть народу. И это далеко не всегда совпадает. Как это? А так. У меня младший брат, которому скоро идти в армию. Как вы думаете, моя мать - за войну в Афганистане? Уверен, полстраны вам то же ответит. Вот интересы и разошлись...

Я им сразу сказал: вы можете меня считать дураком, но Вадик прошел ваши лагеря. Предположим, я с вами согласился - я, правда, очень хочу, чтобы он вернулся. Понимаю, что ему там плохо. Не оттого, что свобода там есть, а оттого, что России там нет. Но первый вопрос, который он мне задаст, тот же, что и я вам: а гарантии? У вас их нет. Гарантии - это когда две силы, уравновешивающие друг друга. А здесь-то одна, ваша...

И эта тема повторялась раз пять, с разными интонациями, в разных ситуациях. Потом пошло: что вы знаете о его жене? - Вы хотите, чтобы я написал ее характеристику? - Пожалуй. Написал. Они: ее только в партию принимать. Я же говорил - вас не устроит. О Ерофееве. Они же знали, что Ерофеев живет у нас на даче...

Я тогда работал в НИИ градостроительства. Был у меня самый низший допуск, ибо все планы городов секретны. Зашел наш спецотдельщик: подойдите ко мне на минутку. А сам не заходит, закрывает дверь. Сидит незнакомый: я, мол, из органов. Нет, говорю, давайте вашу “корочку”, вы меня знаете, я тоже должен знать, с кем дело имею. На вид не дурак, моего возраста. Кажется, с первой встречи понял, что без толку.

- Вы дали знать Вадиму об этих беседах?

- Да, намекнул, а когда Ира приезжала на тот вечер памяти, она спросила: действительно тебя госбезопасность трясла?

Я тогда стал меньше звонить. За себя не было страшно. Я понимал, что меня им лучше не трогать, это как стричь свинью: и шерсти мало, и визгу полно. За Вадьку было страшно.

После смерти Вадика сказал им: ну вот и все. Единственный, за кого я боялся - он. Вот почему сразу же не послал вас на все три буквы. Теперь посылаю. Обиделись. Но отстали. Наверное, у них и сейчас лежат характеристики на Иру и Ерофеева...

Проблемы возникли и у отца Вадима. Но их удалось преодолеть, потому что Николая Борисовича связывали давние отношения с Н.Г. Басовым, директором ФИАНа, а также с президентом Академии наук СССР А.П.Александровым. Немало значила и его собственная научная репутация.

В апреле 82-го Леонид Губанов написал стихотворение, посвященное Вадиму.

*Поезд ушел на Париж.
 Стылый, как сломанный грош,
 Тысячу веток спалишь,
 Но не унимется дрожь.
 Но не унимется блажь
 Княжеских бархатных лож.
 Мягкий возьму карандаш
 Желтый, как русская рожь.
 И нарисую им лишь
 Солнце, и яхту, и пляж.
 Поезд ушел на Париж,
 Словно на сердце - палаши.
 А на твоей голове
 Беленький волос блеснул.
 Завтрак прошел на траве,
 Там, где ты пьяный уснул.
 Вадик! Какие дела?!
 Нищие мы - тут и там.
 Вот и сирень отцвела
 Как сирота по углам.
 Молодость наша прошла
 Как половецкий табун.
 И поцелуем прожгла
 Всех, кто в тюрьме и в гробу.
 Сердце! Ты с нами шалишь.
 Если увидимся вновь,
 Поезд уйдет на Париж
 С надписью: "юность, любовь".*

Это было последнее обращение к старинному другу: в сентябре 1983 Леонид Губанов скончался...

В 1985 году "Фигаро" публикует статью "Из глубины ада", где, в числе других произведений о судьбе человека в тоталитарном государстве, рецензируется книга Вадима Делоне. Автор называет Вадима выдающимся русским поэтом и пишет: "Его смерть в 1983 году лишила Россию одаренного поэта, одного из ее лучших сыновей,

составивших славу поколения. Это погружение в страшный мир “мертвого дома” довело бы нас до отчаяния, если бы в нем не сиял неожиданный свет, освещающий всю книгу Вадима Делоне, - свет, отражающий его незаурядную духовность. Благодаря Делоне мы видим, что даже в этом аду, задуманном для разрушения человека, душа его, когда человек благороден, не погибает...”

Теперь можно не сомневаться: он в самом деле вернулся. И не умер - во всяком случае, для тех, кто любил его. Публикуются его произведения - стихи и проза, жива память о высокой свободе души рыцаря поэзии и справедливости. “Незадолго до смерти, в апреле 83-го, я спросила Вадима, - пишет Ирина Делоне, - верит ли он в бессмертие. Он ответил: я не то, что верю, - для меня это очевидно”.

“Когда известный советский юморист, потрясенный нашей текущей действительностью, восклицает: “Счастливы те, кто не дожили!” - хочется сказать ему:

- Ты с ума сошел! Как у тебя язык повернулся вымолвить такое? Потому что сразу встают перед глазами они - те, кто не дожили. И мы вновь и вновь горюем о них, о том, что нет их с нами сейчас, и о Вадиме Делоне - особенно, потому что Вадик был моложе всех, - писал Юлий Ким. - Есть такое затасканное до банальности выражение: “отдал жизнь за свободу”. О Вадиме точнее не скажешь: всю свою возможную жизнь, со всей ее многообещающей будущностью, с расцветом его писательского дара и душевной красоты, он отдал за свободу.

И вот она пришла, эта свобода - неприглядная, некрасивая, вздорная, опасная, беспощадная - такая, какая есть, не соответствующая никаким прекраснодушным о ней представлениям.

И все-таки по самой сути своей - она прекрасна. Самая ее суть - это высшее счастье тех пяти минут, за которые не жаль заплатить годами лагеря, как сказал Вадим в своем последнем слове на суде. Как ничтожная пылинка марганцовки разом окрашивает целый стакан воды, так и это - заваленное инфляцией, бестолковщиной, преступностью, боязнью завтрашнего дня, ваучерами, парламентской бранью, но все-таки совершенно необычное и уже необратимое - ощущение свободы окрашивает нашу ежедневную жизнь, не допуская ни на миг ни тени сожаления о подлых временах недавнего существования.

Поклон, благодарность и вечная память отдавшим за это жизнь - тебе, Вадим.”

На Новом Венсенском кладбище в парижском пригороде Фонтене-су-Буа среди других выделяется могила: высокая беломраморная плита с вырезанным на ней православным византийским крестом. Надпись на камне внизу гласит: Вадим Делоне, русский поэт. 22.XII.1947 - 13.У1.1983.

**Январь 1997 - ноябрь 1999,
Москва - Париж - Кембридж - Москва**

“ОН И БЫЛ ГУСАРСКИМ КОРНЕТОМ...”

Об этих делах теперь вспоминать не принято: одни считают, что слишком рано, другие - что слишком поздно. В общем, не модно. Да и мы не рвемся публично предаваться воспоминаниям. Ну не хотят знать - и ладно. Насильно ведь ни узнавать, ни вспоминать, ни тем более думать не заставишь. А коль скоро общество решило, что его история началась с нуля, то это, в сущности, его дело. Наш же долг - хранить память о тех, теперь уже кажущихся бесконечно далекими, временах и о наших друзьях, навсегда оставшихся в той эпохе.

Память - странная штука. По какой-то причине она не сохраняет неприятное, мрачное, а все больше смешное или нелепое, и даже в воспоминаниях о трагических событиях преобладает комический аспект. Вот и в связи с Вадиком я всегда вспоминаю один забавный эпизод из здешней уже жизни. Как-то весной 1977 года я был в Париже проездом из Америки и собирался домой в Швейцарию. Знакомый (тоже бывший зэк) предложил подвезти на машине - ему все равно нужно было в Германию, в Мюнхен, а путь через Цюрих не намного длиннее иных возможных путей. Словом, мы собрались в дорогу. Вадик же, сколько помню, присоединился к нам просто за компанию, без всякой цели.

А надо еще добавить, что все трое были в сильном похмелье и очень рассчитывали перехватить по кружке пива где-нибудь по дороге. Но вот беда - вдоль шоссе магистралей во Франции запрещено, оказывается, продавать спиртное, чего никто из нас не знал. Так мы и двигались от харчевни к харчевне в сторону швейцарской границы, ругая французские порядки, а заодно и всю великую французскую нацию, начиная с Карла Великого, через всех Людовиков и Наполеона вплоть до Шарля де Голля и Жискара д'Эстена, а дух Венички Ерофеева витал над нами.

Не успели мы, однако, отъехать и 100 километров от Парижа, как вдруг попали в облаву: откуда ни возьмись нагрянула полиция, окружила нашу машину, проверили документы, разглядывали и так и сяк с крайним недоверием наши похмельные рожи и, по всему судя, собрались нас задержать. Что за наваждение! К несчастью, никто из нас не знал по-французски и трех слов, чтобы хоть выяснить - за что? Точнее, Вадик знал ровно три слова: Grande bierre formidable (что означает - большая кружка пива), которые, правда, произносил совершенно безукоризненно, с природным французским грассированием. Но - и только. С большим трудом, перемежая немецкий с английским, выяснили, что из местной тюрьмы как раз в ту пору бежали три опасных преступника, и по возрасту, и по описанию сильно на нас похожие. То есть настолько, что без отпечатков пальцев не обойтись...

Так бы, наверное, и не добрались мы до Швейцарии, если бы ни газета, случайно оказавшаяся в машине приятеля, где помещена была моя фотография с президентом Картером (дело происходило вскоре после нашей с ним встречи в Белом доме). Долго крутили ее полицейские, сверяя с моей физиономией, горячо обсуждая сходство на прекрасном французском наречии, но все же отпустили нас с Богом. И мы без оглядки, забыв про свое похмелье, дунули в нейтральную Швейцарию: перспектива вновь очутиться в тюрьме, хоть и во французской, никак нам не улыбалась.

И только добравшись до Цюриха да поправившись бутылкой вина, сообразили мы, насколько символичен был весь этот эпизод, словно бы некая высшая сила хотела нарисовать нам нашу судьбу в миниатюре: и вечно ожидающая нас ни за что, ни про что тюрьма, и спасающий нас Картер, да и Вадик, увязавшийся с нами без всякого дела, просто за компанию...

В сущности, так ведь оно и было: Вадик по своему характеру не был ни общественным деятелем, ни диссидентом, и уж никак не эзком. Всем этим он стал буквально “за компанию”. Помимо природного артистизма и обворожительной детскости, было в нем некое гусарство.

*Вечер, ветренный корнет,
Разодет в мундире синем,
Врет про блеск своих побед,
Осень сжав в объятьях сильных...*

Это было первое его стихотворение, которое я услышал, и почему-то сразу воспринял как автопортрет. Он и был тем гусарским корнетом в щегольском синем мундире, слегка опьяненным собственной молодостью и вполне способным приврать для красоты слова. А уж за компанию - хоть в тюрьму, хоть на плаху.

Корнет Оболенский, налейте вина..

Хорошо помню, как после нашей демонстрации на Пушкинской площади в 1967-м я уговаривал его идти домой, ведь все уже кончилось. Но - кончилось слишком быстро, ничего героического он сделать не успел и чувствовал неудовлетворенность. Вот, Хаустова забрали, а он как бы и ни при чем. И рассказать не о чем.

“Я еще постою, посмотрю, что будет”.

И простоял еще с час, дождался-таки ареста. Уйди он тогда вовремя - и не был бы он нашим поделщиком. Никто бы не стал его искать, как не искали всех остальных ребят.

Что это - случайность? Судьба? Скорее первое. Судьба, которую мы себе выбираем, постучалась к нему позже. Его “чистосердечное раскаяние” в Лефортове для нашего дела не имело ни малейшего значения, но, помню, прочитав его, я с ужасом подумал: “Что же он наделал! Ведь он себе этого никогда не простит!”

Боялся я, что он совсем сломается, сопьется, как только осмыслит произошедшее. Каяться ветреному корнету перед лицом врага совсем не годится. Это позор, а позор у гусар смывается только кровью. Вот с того момента, как вышел он из зала нашего суда, и началась всерьез его дуэль с властью. Прошел всего год, год напряженной внутренней работы, год метаний и мучений, но на Красную площадь пришел уже совсем другой Вадик. Я помню, как у меня по спине побежали мурашки, когда я услышал по “Свободе” (будучи в воронежском лагере) в его последнем слове: “Я прошу у суда не снисхождения, а сдержанности”.

Это говорил уже не мальчишка гусар, а взрослый человек, сознательно выбравший годы тюрьмы за пять минут свободы на Лобном месте. Бог ты мой, сколько же было в этом словечке - сдержанность - и достоинства, и презрения, и жизненной мудрости! И как же я был горд за него, что вот, не сломался, а наоборот - возмужал, встал во весь рост и как равный равному рекомендует советской власти иметь больше “сдержанности” к своим оппонентам.

Прошло тридцать лет. Мало кто остался в живых из тех, у кого слова эти способны вызвать озноб. Теперь и вообще-то о том времени не принято вспоминать, а о наших делах говорить не модно.

Да ведь и никогда модно не было...

Владимир БУКОВСКИЙ
Кембридж, февраль 1998

Л и т е р а т у р а

- Андрей Амальрик. Записки диссидента. М., “Слово”, 1991
- Людмила Алексеева. История инакомыслия в СССР. Весть-ВИМО, 1992
- А. М. Бессонова. Ганнибалы в России. Изд. С.-Петербургского университета, 1999
- Владимир Буковский. И возвращается ветер...М., ИПФ “Оригинал”, 1990
- Владимир Буковский. Московский процесс. Париж-Москва, “МИК”, 1996
- Иржи Валента. Советское вторжение в Чехословакию 1968. М., Прогресс, 1991
- Петр Вайль, Александр Генис. 60-е. Мир советского человека. “Новое литературное обозрение”, М., 1996
- Илья Габай. Выбранные места. Весть-ВИМО, 1994
- Наталья Горбаневская. Полдень. Посев, 1970
- Вадим Делоне. Портреты в колючей раме. Overseas Publications Interchange Ltd., London, 1984
- Вадим Делоне. Стихи. La Presse Libre, Paris, 1984
- Вадим Делоне. Роман. Стихи. Омск, 1993
- Заступница. Адвокат С. В. Каллистратова. М., «Звенья», 1997
- Александр Майоров. Вторжение. Чехословакия. 1968. М., «Права человека», 1998
- Анатолий Марченко. Живи как все. Весть-ВИМО, 1993
- Зденек Млынарж. Мороз ударил из Кремля. М., Республика, 1992
- Людмила Поликовская. Мы предчувствие...предтеча... М., «Звенья», 1997
- Александр Солженицын. Бодался теленок с дубом. М., Согласие, 1996
- Виктор Суворов. Освободитель. М., АСТ, 1994
- Виктор Суворов. День-М. М., “Все для вас”, 1994
- Н. и М. Улановские. История одной семьи. Весть-ВИМО, 1994
- Корней Чуковский. Дневник. М., Современный писатель, 1995
- А. С. Шаров. Российские Делоне в легендах, воспоминаниях и документах. М., 1998
- Ота Шик. Весеннее возрождение - иллюзии и действительность. М., Прогресс, 1991
- Анатолий Якобсон. Почва и судьба. Весть-ВИМО, 1992
- Газеты “Русская мысль”, “Известия”.
- Журналы: “Юность” (№ 4, 1990), “Огонек” (№№ 1, 9, 23, 1990, № 46, 1989), “Аврора” (№ 5, 1991), “Знамя” (№ 9, 1997).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

АЛТУНЯН Генрих (р.1933), инженер-майор, член Инициативной группы (далее ИГ) по защите прав человека в СССР (образована в 1969), первого объединения правозащитников. В 1969 году в Харькове осужден на три года лагерей, в 1981 году получил новый срок - 7 лет. Депутат Верховного Совета Украины с 1990 года.

АМАЛЬРИК Андрей (1938-1980). Драматург, журналист. Первый “связной” правозащитного движения с прессой свободного мира. Отбыл ссылку в Сибири. В 1970 году арестован; тюрьма, лагерь на Колыме - и новый срок, замененный ссылкой в Магадан. Эмигрировал в 1976 г. Погиб в автокатастрофе по пути на конференцию по правам человека в Мадриде.

БАБИЦКИЙ Константин (1929-1993). Лингвист, участник демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. В 1968-1971 - в ссылке в Коми АССР.

БАЕВА Татьяна (р.1947), участница правозащитного движения, демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади.

БАТШЕВ Владимир (р.1947). Поэт, сценарист, участник СМОГа и автор самиздатских сборников. В 1966 году сослан. Живет в Москве.

БОГОРАЗ Лариса (р.1929). Филолог. За участие в демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади приговорена к 5 годам ссылки. Живет в Москве, занимается правозащитной и просветительской деятельностью.

БУКОВСКИЙ Владимир (р.1942). Виднейший правозащитник, публицист, автор нескольких книг. В тюрьмах, лагерях, спецпсихбольницах в 1963-1965, 1965-1966, 1967-1970, 1972-1976. После «обмена» на Л.Корвалана живет в Кембридже (Великобритания).

ВЕЛИКАНОВА Татьяна (р.1932). Математик, член ИГ, редактор «Хроники». В 1979-87 в лагере и ссылке.

ВИШНЕВСКАЯ Юлия. Поэтесса, член СМОГа. Участвовала в подготовке первой правозащитной демонстрации 5 декабря 1965 г. С 1971 года в эмиграции.

ГАЛАНСКОВ Юрий (1939-1972). Поэт, романтик. Автор поэмы “Человеческий манифест”. Составитель и редактор самиздатских сборников. Арестован в январе 1967 года, приговорен к 7 годам лагерей. Погиб в заключении.

ГАБАЙ Илья (1935-1973). Поэт, педагог. Один из составителей “Хроники текущих событий”. После освобождения из лагерей в состоянии депрессии покончил с собой. Книга стихов и поэм “Посох” вышла посмертно, в 1990 г.

ГАЛИЧ Александр (1919-1977). Драматург, актер, режиссер, бард. Эмигрировал в 1974 году.

ГИНЗБУРГ (урожд. Лаврова) Арина (р.1937). Филолог, журналист. Участница правозащитного движения, Фонда помощи политзаключенным. Эмигрировала в 1980 году. Жена А.Гинзбурга.

ГИНЗБУРГ Александр (р.1936). Журналист. Составитель самиздатских сборников “Синтаксис”, “Белой книги” по делу Синявского и Даниэля, распорядитель Фонда помощи политзаключенным. Вместе с М. Дымшицем, Э. Кузнецовым и другими обменян на советских разведчиков. Живет в Париже.

ГОРБАНЕВСКАЯ Наталья. Поэт, переводчик, филолог-полонист. Участвовала в самиздатских сборниках “Феникс” и “Феникс-66”. Редактор-составитель первых выпусков “Хроники текущих событий”. Член инициативной группы по защите прав человека. В 1969 году заключена в Казанскую спецпсихбольницу. Эмигрировала в 1975 году. Живет во Франции.

ГРИГОРЕНКО Петр (1907-1987). Генерал-майор, инвалид 2-й мировой войны. Защитник прав крымско-татарского народа. Один из основателей Московской Хельсинкской группы. Несколько лет провел в спецпсихбольницах. В 1978 году лишен советского гражданства. Умер в США.

ГУБАНОВ Леонид (1946-1983). Поэт, уникам литературного андерграунда 60-х-70-х. Подробнее о нем: Юрий Крохин. "Профили на серебре", М., Обновление, 1992.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ Алексей (р.1938). Участвовал в подпольных группах. Несколько лет провел в тюрьмах, лагерях и психбольницах. В настоящее время активист националистического движения.

ДРЕМЛЮГА Владимир (р. 1940). Рабочий. Участник демонстрации 25 августа 1968 года. Несколько лет провел в лагерях. В 1974 году эмигрировал. Живет в США.

ЕРОФЕЕВ Венедикт (1938-1990). Гений. Автор поэмы "Москва-Петушки", пьесы "Вальпургиева ночь или Шаги Командора", эссе "Василий Розанов глазами эксцентрика" и других произведений. Умер от рака горла, не выпущенный властями лечиться за рубеж.

ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН Александр (р.1924). Математик, поэт, правозащитник. Сын Сергея Есенина. Впервые арестован в 1949 году за антисоветские стихи. Испытал ссылку и спецпсихбольницы. Эксперт Комитета прав человека в СССР - независимой общественной организации. В 1972 году эмигрировал.

ИОФФЕ (Прохорова) Ольга (р.1950). Участница правозащитного движения. В 1966 и 1969 году арестовывалась за изготовление листовок. В 1970-71 гг. содержалась в психушках. В 1978 году эмигрировала. Живет в Париже.

КИМ Юлий (р.1936). Поэт, драматург, участник правозащитного движения. Живет в Москве.

КОСТЕРИН Алексей (1896-1968). Писатель. Участник гражданской войны. Узник сталинских лагерей. Участник движения за права крымских татар. Вышел из КПСС в 1968 году. Умер в Москве.

КРАСИН Виктор (р.1929). Экономист, узник сталинских лагерей, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР (образована в 1969 г.), первого объединения правозащитников. Арестован в 1972 году, после раскаяния получил три года ссылки. В 1975 году эмигрировал. Вернулся в Россию в 1991.

КУШЕВ Евгений (1947-1994). Поэт, публицист. Автор самиздатских сборников. Эмигрировал в 1974 году. Работал на радио "Свобода".

ЛАШКОВА Вера. (р. 1944) Близка к СМОГУ. Участница демонстрации 5 декабря 1965 года в защиту Синявского и Даниэля. В январе 1967 года арестована, год спустя на процессе Гинзбурга и Галанкова приговорена к году заключения. Сотрудник "Хроники текущих событий". Живет в Москве.

ЛЕВИТИН-КРАСНОВ Анатолий (1915-?). Церковный писатель. В нескольких книгах и многочисленных статьях воссоздал в деталях историю Русской православной церкви после революции - ее разгрома до войны и удушения в послевоенные годы. Эмигрировал в 1974 году.

ЛИТВИНОВ Павел (р.1940). Физик. Участник правозащитного движения, редактор самиздатских сборников. За участие в демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади до 1973 года находился в ссылке. В 1974 году эмигрировал. Живет в США.

ЛУНЦ Даниил (ум.1977). Достойный представитель карательной психиатрии. Заведовал отделением в ЦНИИ судебной психиатрии им. Сербского. "Любил побеседовать с начитанным больным о философии, о литературе, особенно если разговор происходил в присутствии коллег, - писал о нем В.Буковский. - Лунц умел так

подобрать диагноз к особенностям человека, такие фактики раскопать, так психологически подготовить своего подопечного, что хоть международной комиссии показывай”.

МАРЧЕНКО Анатолий (1938-1986). Писатель-самородок. Автор книг “Мои показания”, “Живи как все”. Один из основателей Московской Хельсинкской группы. Провел в заключении около 20 лет. С августа 1986 года держал голодовку с требованием освободить всех политзаключенных в СССР. Погиб в тюрьме. Гибель его - на совести горбачевских перестройщиков.

МОРОЗОВ Георгий. Психиатр, доктор медицинских наук, академик АМН, директор Института им. Сербского. Один из исполнителей политики КГБ, направленной на признание инакомыслящих душевнобольными.

ПЛЮЩ Леонид (р.1939), математик. Участник правозащитного движения, автор самиздата, член Инициативной группы. В 1972-76 гг. содержался в психушках. В 1976 году эмигрировал.

ПОМЕРАНЦЕВ Кирилл. «В редакции «Русской мысли», - писал Герман Андреев («Новый мир», 1994, №2), - я часто встречал сотрудника газеты, очень старого человека - Кирилла Померанцева. Я знал, что он из той плеяды русских поэтов...Однажды он сам пригласил меня побродить с ним по Парижу. Он говорил интересно, молодо, но я почти ничего не слышал, потрясенно воображая, как он так же обсуждал прошлое и события текущей литературной жизни в Советском Союзе с И. Буниным, Г. Адамовичем, В. Ходасевичем...»

ТАРСИС Валерий (1906-1983). Писатель, переводчик, участник второй мировой войны. За публикацию произведений на Западе в 1962-63 содержался в психбольницах. Умер в эмиграции.

ФАЙНБЕРГ Виктор (р. 1931). Филолог. Участник демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. В 1968-1973 содержался в спецпсихбольнице. В 1974 году эмигрировал. Живет в Париже.

ХАУСТОВ Виктор (р.1938). Участник чтений на площади Маяковского. 22 января 1967 года арестован на Пушкинской площади. Получил 3 года лагерей. В 1973 вновь арестован - 4 года лагерей и 2 года ссылки. После освобождения принял священнический сан; служит в Иркутске.

ЧАЛИДЗЕ Валерий (р. 1938). Физик, автор самиздата, инициатор создания Комитета прав человека. С 1971 года в эмиграции.

ЯКИР Ирина (1948-1999). Историк, участница правозащитного движения. Дочь П. И. Якира, жена Ю. Кима.

ЯКИР Петр (1923-1982). Историк. Сын командарма Ионы Якира. Один из самых известных московских диссидентов. Узник сталинских лагерей. Арестован в 1972 году, был сломлен на следствии и вскоре освобожден. Умер в Москве.

ЯКОБСОН Анатолий (1935-1978). Блестящий филолог, педагог. Автор книги о творчестве Александра Блока “Конец трагедии”. Один из составителей “Хроники текущих событий”. Участник инициативной группы по защите прав человека в СССР. В 1973 году эмигрировал в Израиль. В состоянии тяжелой депрессии покончил с собой.